„Пров 49“

ПИСЬМА

К. ДМ. КАВЕЛИНА и ИВ. С. ТУРГЕНЕВА

КЪ

АЛ. ИВ. ГЕРЦЕНУ

Съ объяснительными примѣчаніями

М. ДРАГОМАНОВА

ЖЕНЕВА
УКРАИНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1892

„Пров 38"
„Пров 49"
Лит
Каб
рец
3511071

ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе V
Письма К. Дм. Кавелина къ Ал. Ив. Герцену и Н. Пл. Огареву. 1857—1863 1
Письма Ив. С. Тургенева къ Ал. Ив. Герцену и друзьямъ его. 1849—1869. 85
Приложенія:
I. Къ вопросу объ отношеніяхъ И. С. Тургенева и Ѳ. М. Достоевскаго 207
II. Письма И. С. Тургенева къ М. П. Драгоманову 209
III. Воспоминанія о знакомствѣ съ И. С. Тургеневымъ М. Драгоманова 213

ПОПРАВКА

На стр. 45 въ примѣчаніи вкралась ошибка, вслѣдствіе смѣшенія двухъ родственныхъ фактовъ: а именно протеста русскихъ литераторовъ противъ «Вѣка» съ протестомъ противъ «Иллюстраціи». Первый былъ вызванъ не «антисемитической выходкой» (это имѣло мѣсто въ случаѣ съ «Иллюстраціей) а проп»й надъ тѣмъ, что одна дама, г-жа Толмачева прочитала публично «Египетскія ночи» Пушкина. Интересно, что инизіатива протеста противъ «Вѣка» была сдѣлана однимъ писателемъ, который потомъ появлялся болѣе въ консервативныхъ журналахъ, чѣмъ въ либеральныхъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Есть насмѣшливое изреченіе: «исторія учитъ тому, что исторія ничему не учитъ». Въ изреченіи этомъ есть доля правды,— и доля эта становится тѣмъ большею, чѣмъ больше будемъ, оглядывая исторію человѣчества, удаляться назадъ, — но за то въ цивилизованныхъ обществахъ она становится съ теченіемъ времени все меньшею. Такъ какъ событія исторіи не повторяются со всѣми ихъ подробностями, то примѣры прошлаго и не могутъ быть вполнѣ приложимы къ будущему, а потому, если не искажать исторіи превращеніемъ ее въ условную нравоучительную басню, по примѣру древнихъ, то поучительность исторіи можетъ состоять главнымъ образомъ въ указаніи общихъ направленій жизни, съ которыми надо сообразоваться живущимъ и дѣйствующимъ. При этомъ непосредственная поучительность можетъ быть достигнута только тогда, когда условія текущей жизни не совершенно измѣнились съ ходомъ времени, — другими словами, когда исторія не очень запаздываетъ съ своими уроками.

Послѣднее и дѣлается теперь въ цивилизованныхъ и свободныхъ странахъ, въ которыхъ можно сказать, исторія идетъ по пятамъ жизни, — гдѣ публичные дѣятели постоянно стоятъ какъ бы подъ стекляннымъ колпакомъ и гдѣ даже интимные мемуары ихъ и письма обнародуются очень скоро послѣ ихъ смерти. Но иначе стоитъ дѣло у насъ, въ Россіи. Тутъ издавна весь ходъ исторіи точно нарочно заботился о томъ, чтобъ потомки ничѣмъ не воспользовались изъ опыта предковъ, и разрушалъ памятники жизни и мысли людской пожарами и нашествіями иноплеменниковъ, особенно разрушительными въ странѣ деревянной, а не каменной культуры,

и наконецъ поддерживалъ политическій строй, разобщающій людей и препятствующій сохраненію слѣдовъ ихъ мысли. Въ самомъ дѣлѣ, при извѣстныхъ полицейскихъ условіяхъ въ Россіи не только писаніе откровенныхъ писемъ по вопросамъ общественнымъ, и мемуаровъ, но и сохраненіе часто самой невинной, чисто личной переписки, не является ли иногда просто преступленіемъ противъ дѣла и ближнихъ? А за тѣмъ, если что изъ памятниковъ и слѣдовъ жизни и мысли общественной и уцѣлѣетъ отъ ударовъ судьбы, — то когда оно дождется возможности быть обнародованнымъ и поучать потомство?

Вотъ почему у насъ событія новѣйшей исторіи часто бываютъ такъ темны для общества, какъ въ З. Европѣ не бываютъ темны даже событія средневѣковыя, — и самыми темными являются для младшихъ поколѣній особенно событія ближайшихъ къ нимъ временъ, которыхъ младшія поколѣнія сами не видѣли и о которыхъ прочесть имъ негдѣ, между тѣмъ какъ знаніе этихъ то именно событій и было бы для нихъ особенно поучительно.

Теперь для молодыхъ и можно даже сказать, для не очень пожилыхъ людей въ Россіи такимъ интереснымъ и при этомъ темнымъ временемъ является первое десятилѣтіе послѣ Севастопольской войны, эпоха оживленія русскаго общества и правительственныхъ реформъ. Больше всего писано было изъ явленій этого времени объ освобожденіи крестьянъ. Но все таки и это событіе не достаточно выяснено, такъ какъ до сихъ поръ нельзя съ точностію отвѣчать даже на такіе вопросы, какъ тѣ, какія общія условія и соображенія, какія личныя вліянія способствовали тому, что Александръ II рѣшился наконецъ въ 1857 г. въ противность прежде высказываемымъ имъ мнѣніямъ, дать практическій ходъ вопросу объ освобожденіи крестьянъ?

Между прочимъ названная эпоха представила въ исторіи Россіи небывалое прежде явленіе и до сихъ поръ единственное, — это практическое вліяніе не только на общество, но и на правительство, неслужащаго человѣка, литератора, и при томъ дѣйствующаго только открытымъ словомъ, безъ всякихъ закулисныхъ подходовъ, какими напр. сопровождалось извѣстное вліяніе Каткова. Мы разумѣемъ публицистическую дѣятельность Герцена между 1857 и 1862—1863 гг. Вліяніе это было широко и сильно, — но около 1863 г.

сразу оборвалось и свелось почти къ нулю. Какъ широко и глубоко было это вліяніе, объ этомъ масса публики, особенно теперь, не имѣетъ вполнѣ точнаго представленія. Темны и причины упадка этого вліянія. Чаще всего объясняютъ этотъ упадокъ положеніемъ, какое принялъ Герценъ относительно польскаго возстанія 1863 г. Но одно это обстоятельство не могло бы быть причиною столь рѣзкаго упадка вліянія Герцена, — а во всякомъ случаѣ самое положеніе, занятое Герценомъ по отношенію къ польскому возстанію въ 1863 г., должно было имѣть также свои причины, выяснить которыя важно, хотя бы въ виду того, что въ статьяхъ Колокола въ 1859—1860 гг. Герценъ вовсе не безусловно раздѣлялъ идеи польскихъ патріотовъ.

Начала разногласія съ Герценомъ извѣстной части русскаго образованнаго общества, еще въ 1858—60 гг. безусловно ему сочувствовавшаго, обнаруживаются еще въ 1859 г. (см. письмо Ч. о которомъ рѣчь идетъ дальше, въ письмахъ), затѣмъ ростутъ въ 1862 г., когда проявляютъ себя революціонныя движенія, которыя были не вполнѣ солидарны съ Герценомъ, но тѣсно были связаны съ его пропагандою и съ которыми самъ Герценъ, а особенно его ближайшіе товарищи по эмиграціи, Огаревъ и Бакунинъ, имѣли извѣстныя сношенія. Въ это уже время передъ Герценомъ стоялъ вопросъ: слѣдуетъ ли ему рѣшительно разорвать съ надеждами на реформы сверху, и если д а, — то на какую же силу возложить надежды на преобразованіе Россіи, — и наконецъ на какое преобразованіе, — частичное ли и постепенное или радикальное и моментальное? Герценъ склонился къ отвѣтамъ болѣе или менѣе революціоннымъ и радикальнымъ на эти вопросы, — а это естественно повело дальше за собою и большую степень солидарности Герцена съ польскими патріотами-революціонерами, чѣмъ та, какую можно было ожидать по прежнимъ заявленіямъ Герцена *).

Масса образованнаго русскаго общества чѣмъ далѣе, все болѣе отставала отъ Герцена, и наконецъ отпали отъ него почти всѣ даже ближайшіе друзья-товарищи. Но тутъ являются вопросы: если Герценъ и совершилъ ошибки, какъ мыслитель или практическій политикъ, или какъ тотъ и дру-

*) Историко-критическій обзоръ отношеній Герцена къ польскому вопросу мы сдѣлали въ книжкѣ «Историческая Польша и Великорусская демократія».

гой вмѣстѣ, то были ли на то общія, фатальныя причины, или только однѣ индивидуальныя, или кружковыя? въ какой мѣрѣ индивидуально ошибался Герценъ, или можетъ быть его ошибки раздѣляли по крайней мѣрѣ въ началѣ и болѣе широкіе круги, ему сочувствовавшіе, даже тѣ, которые наконецъ охладѣли къ нему и стали даже его противниками?

Всѣ эти вопросы, отвѣты на которые могутъ имѣть и большое практическое значеніе, могли бы быть выяснены только обстоятельнымъ изслѣдованіемъ эпохи, обнародованіемъ мемуаровъ и писемъ ея дѣятелей.

Что касается спеціально Герцена и его кружка, то въ дополненіе къ нѣкоторымъ печатнымъ мемуарамъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ «Посмертныя статьи А. И. Герцена», мы рѣшились напечатать, по мѣрѣ возможности и средствъ большую коллекцію писемъ разныхъ лицъ къ Герцену и Н. П. Огареву съ начала ихъ эмиграціи и до смерти ихъ. Начало этой публикаціи мы сдѣлали въ газетѣ «Вольное Слово» 1881 г., гдѣ напечатаны письма къ Герцену: М. А. Бакунина (большое письмо изъ Сибири), С. С. Громеки, А. И. Кошелева, Мельгунова, Ю. О. Самарина, Ив. С. Аксакова, г. Ч.

Въ настоящей книжкѣ мы печатаемъ письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева, писанныя преимущественно къ Герцену. Въ коллекціи нашей находится еще большое количество писемъ Печерина, Мельгунова, Н. И. Тургенева, А. Ѳ. Писемскаго, братьевъ Кельсіевыхъ, Бакунина и др. менѣе извѣстныхъ лицъ. Письма эти, кромѣ біографическаго интереса, представляютъ множество данныхъ для характеристики эпохи реформъ въ Россіи и значенія, какое имѣлъ тогда «Колоколъ», для уясненія начала революціонныхъ движеній въ Россіи въ 60-е годы, польскаго возстанія 1863 г. и правительственной реакціи, жизни русской эмиграціи и отношеній ея къ западно-европейскому соціализму и наконецъ сложеніе того соціально-революціоннаго движенія, которое проявилось въ Россіи въ 70-е годы.

Полное изданіе этого матерьяла было бы очень поучительно именно въ настоящее время, которое представляетъ своего рода антрактъ въ общественной жизни Россіи, — но не имѣя для этого изданія достаточныхъ средствъ, мы и не можемъ ни обѣщать, ни предвидѣть времени такого полнаго изданія.

На этотъ разъ мы пускаемъ въ свѣтъ, при помощи нѣсколькихъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ, письма двухъ лицъ, которыхъ самыя имена говорятъ за интересъ этихъ писемъ.

Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу этихъ писемъ, въ связи съ тѣми, которыя были уже напечатаны въ «Вольномъ Словѣ».

Всѣ эти письма показываютъ прежде всего степень интереса, который возбуждали въ русскомъ обществѣ 1857—1862 гг. публикаціи Герцена, и практическое ихъ значеніе, а также участіе въ поддержкѣ этихъ публикацій разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и Тургенева. Особенно Тургеневъ является близкимъ участникомъ, чуть не членомъ редакціи «Колокола» въ 1860—61 г. Въ 1862 г. Тургеневъ задается даже мыслію самому выступить активнымъ политическимъ агитаторомъ въ пользу адреса о созваніи въ Россіи Земского Собора, хотя расходится съ Герценомъ относительно момента подачи и мотивировки такого адреса. Передъ тѣмъ Тургеневъ является внушителемъ довольно рѣзкихъ статей въ «Колоколѣ» противъ правительства и даже противъ Александра II лично.

И Тургеневъ является въ такихъ ролихъ не единолично. Много другихъ выдающихся дѣятелей тогдашнихъ безусловно сочувствовали «Колоколу» и горячо брали его сторону противъ замѣчаній г. Ч., въ которыхъ была извѣстная доля правды, при ошибочной постановкѣ всего вопроса объ отношеніяхъ «Колокола» къ правительству. Вообще интересную черту этого времени, которое называется «эпохою реформъ», составляетъ то обстоятельство, что правительство даже и тогда не пользовалось сочувствіемъ и довѣріемъ лучшихъ людей въ странѣ, даже изъ такихъ умѣренныхъ, какъ Кавелинъ, ни даже такихъ нелюбителей «западныхъ конституцій», какъ Ив. Аксаковъ. Напомнимъ слова послѣдняго въ письмѣ къ Герцену вскорѣ послѣ обнародованія манифеста объ освобожденія крестьянъ, когда и самъ Герценъ устраивалъ было въ Лондонѣ обѣдъ, на которомъ Гарибальди отъ имени европейской демократіи долженъ былъ быть произнесенъ тостъ за «царя-освободителя» *).

*) Извѣстіе о стрѣляніи на улицахъ въ Варшавѣ остановило исполненіе этого банкета.

«Странное дѣло! — писалъ Аксаковъ 7 Іюня 1861 г., — въ моемъ письмѣ я самъ слышу прежнюю ноту, довольно безотраднаго свойства, а между тѣмъ, казалось бы инымъ должны бы звучать наши рѣчи послѣ событія 19 Февраля. Или мы такъ состарѣлись, такъ проквасились Николаевскимъ квасомъ, что все представляется намъ кисло-соленымъ? — Или же, наконецъ, то, что совершается, не то, что мы ждали и чаяли? Несомнѣнно, что во всякомъ случаѣ оно совершилось не такъ, какъ мы его ждали. Исторія не побаловала насъ никакимъ лирическимъ ощущеніемъ, никакой красивой декораціей; я вполнѣ сознаю такое распоряженіе мудрымъ и наше требованіе дѣтскимъ, — хотя думаю, что нужны бываютъ какъ человѣку, такъ и народу, лирическіе моменты въ жизни, разомъ поднимающіе духъ и озаряющіе ввутреннее сознаніе. Какъ бы то ни было, освобожденіе крестьянъ было такъ обставлено, что для радости, т. е. для произведенія чувства радости, нуженъ извѣстный отвлеченный процессъ мысли: нужно напомнить себѣ объ этомъ, идеализировать, глядѣть въ чаемое будущее, а не въ настоящее.

«Постоянно себѣ говоришь, что совершается одна изъ величайшихъ соціальныхъ революцій, но ее не осязаешь: тѣмъ можетъ быть прочнѣе ея дѣло; свѣжій воздухъ, конечно, уже повѣялъ, но фильтрованный сквозь такія в о п ю ч і я тѣла, что его и признать трудно».

А еще раньше монархистъ Аксаковъ, говоря объ одномъ царскомъ распоряженіи, употребляетъ такое выраженіе: «Бѣдный Александръ Николаевичъ, с ъ д у р у »..... Кавелинъ постоянно жалуется на « н е л ѣ п о с т ь » дѣйствій правительства.

Въ самомъ дѣлѣ исторія должна отмѣтить какъ характеристическій фактъ, что правительство Александра II, даже во время максимальнаго напряженія его реформистской дѣятельности, не было искренно любимо и уважаемо ни однимъ элементомъ русскаго общества, а постоянно обманывало надежды, постоянно раздражало противъ себя тѣхъ, на кого бы должно было опираться, даже самыхъ умѣренныхъ людей между ними. Этотъ фактъ уже самъ въ себѣ носилъ зародыши всѣхъ дальнѣйшихъ трагическихъ событій въ русской исторіи послѣднихъ десятилѣтій.

Прежде всего, конечно, фактъ этотъ фатально долженъ былъ повести за собою рѣшительный разрывъ извѣстной

части общества русскаго съ правительствомъ и враждебное отношеніе къ самой личности царя. Теперь не трудно сказать, что надежды на то, что революціонный путь лучше приведетъ Россію къ необходимымъ для нея реформамъ, тоже оказались несостоятельными. Но въ свое время надежды эти были совершенно естественны и даже неизбѣжны, — и если бывшіе друзья Герцена не пошли такъ далеко, какъ онъ, въ разрывѣ съ правительствомъ и не стали активными противниками послѣдняго, то это слѣдуетъ приписать вовсе не ихъ мудрой предусмотрительности, а скорѣе ихъ слабой логикѣ, а еще болѣе большей пассивности натуры, которая у умныхъ людей могла, конечно, прикрываться всякими софистическими резонами.

Теперь слѣдуетъ признать, что многія изъ возраженій, которыя дѣлали бывшіе друзья Герцена противъ его дѣятельности въ 1862—1863 г., были вѣрны. Но нужно считать особеннымъ несчастіемъ для Россіи, что люди умѣренные и «постепеновцы» — говоря словами Тургенева, — не выступили не только съ активной дѣятельностію, но и съ открытыми заявленіями своихъ мнѣній рядомъ съ публикаціями Герцена и его ближайшаго кружка. Подобное выступленіе урегулировало бы весь ходъ развитія русскаго общества, въ которомъ безъ того остались на сценѣ борьбы только «отщепенцы» да отъявленные реакціонеры и ренегаты, какъ Катковъ. При этомъ условіи и великая, не часто пораждаемая природою и развиваемая обстоятельствами, психическая сила Герцена, (который собственно не былъ совершенно солидаренъ ни съ русскими «отщепенцами», ни съ польскою революціей 1862—1864 гг.) была бы потрачена гораздо производительнѣе для русской жизни, между тѣмъ какъ теперь можно сказать, что сила эта сгорала безплодно въ той пустотѣ, которая образовалась около нея послѣ 1862—1864 гг.

Въ высшей степени печальное чувство вызываетъ сопоставленіе писемъ Кавелина и Тургенева къ Герцену, которыя свидѣтельствуютъ о разрывѣ корреспондентовъ. Если оставить въ сторонѣ индивидуальныя подробности, то окажется, что эти два разрыва между старыми друзьями, которые принадлежали къ лучшимъ силамъ Россіи, совершились, можно сказать, даже по противуположнымъ, почти исключающимъ одинъ другого мотивамъ. Герценъ остался недоволенъ у Кавелина тѣмъ, что этотъ выступилъ противъ

конституціонныхъ стремленій въ дворянствѣ, по соображеніямъ «народническаго» характера, съ руссофильскимъ характеромъ. Первое разногласіе съ Тургеневымъ вышло у Герцена тоже по поводу отказа Тургенева поддержать дворянско-конституціонный адресъ, хотя у Тургенева не было тутъ ни народническихъ соображеній, ни надеждъ на монархизмъ. Но вслѣдъ за тѣмъ Тургеневъ и Герценъ разошлись еще больше, когда оказалось, что самъ Герценъ въ сущности очень отрицательно относился къ конституціонализму, а самъ увлекается своеобразнымъ народничествомъ, соціально-революціоннымъ, съ руссофильской окраской. Конечно, до окончательнаго разрыва довела личная слабость Тургенева.

Хотѣлось бы вѣрить, что знакомство съ издаваемой теперь перепиской будетъ имѣть для читателей не одинъ только историческій интересъ, — а будетъ способствовать у нихъ выработкѣ идей о необходимости извѣстной твердости духа, а вмѣстѣ и терпимости къ частнымъ разногласіямъ, способности къ солидаризаціи усилій для достиженія цѣлей, въ ихъ разумной постепенности, соотвѣтственной развитію насущныхъ потребностей общественной жизни. Въ настоящее же время, болѣе чѣмъ когда либо, для Россіи такой насущной потребностью является политическая свобода (личныя права и самоуправленіе), т. е. тотъ предметъ, вокругъ котораго такъ или иначе, со всѣми уклоненіями но ходила мысль замѣчательныхъ людей, переписку которыхъ мы теперь предлагаемъ вниманію читателей.

М. Драгомановъ.

ПИСЬМА К. ДМ. КАВЕЛИНА

КЪ

АЛ. ИВ. ГЕРЦЕНУ И Н. ПЛ. ОГАРЕВУ

1857—1863

ПИСЬМА К. ДМ. КАВЕЛИНА

КЪ

А. ИВ. ГЕРЦЕНУ И Н. ПЛ. ОГАРЕВУ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА

Объ отношеніяхъ между Кавелинымъ и Герценымъ, ихъ интимности и разрывѣ была уже рѣчь и въ русской печати, въ особенности въ статьѣ пр. Дм. Корсакова «К. Д. Кавелинъ. Матеріалы для біографіи» и пр., въ Вѣстникѣ Европы, 1886, Октябрь, 752—756. Къ сожалѣнію, не имѣя въ рукахъ документовъ и руководствуясь только воспоминаніями (очевидно, не совсѣмъ точно сохранившимися въ памяти біографа) о разсказахъ Кавелина, г. Корсаковъ передалъ исторію отношеній Кавелина очень не вѣрно, не только въ подробностяхъ, но и въ общемъ. Настоящій характеръ этихъ отношеній, надѣемся, будетъ видѣнъ съ фотографической точностію изъ печатаемыхъ ниже писемъ.

М. Др.

ПИСЬМО I.

(Августъ 1857)

Дорогой другъ! Десять лѣтъ прошло, что мы не видались, а каждый разъ, когда объ тебѣ вспоминаю, чувствую, что люблю тебя съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ когда въ послѣдній разъ поцѣловалъ тебя въ Черной Грязи. Для тебя я былъ эпизодомъ въ твоей жизни, болѣе или менѣе пріятнымъ. Ты же былъ для меня пищей и школой; мнѣ кажется, я и теперь могу прослѣдить и ощупать жилы и нервы, образовавшіеся въ моемъ характерѣ подъ твоимъ вліяніемъ, въ

которыхъ ты живешь во мнѣ. Обнимаю тебя горячо и крѣпко! Я связанъ съ тобою тою связью, которая не перерывается даже когда мнѣнія расходятся. А мнѣ кажется, что мы не въ цѣляхъ и въ основаніяхъ расходимся, а скорѣе въ средствахъ, которыя ведутъ къ цѣлямъ. Впрочемъ, что объ этомъ говорить! Я теперь хочу крѣпко прижать тебя къ сердцу и въ эту минуту вспомнить вмѣстѣ все, что насъ дѣлало счастливыми, и то, что такъ горько отравило нашу жизнь. Еслибъ ты могъ воротиться и оглянуться здѣсь вокругъ себя, какъ бы ты удивился! новое племя подростаетъ, новые труженники мысли выступаютъ на сцену; мы и наши предмѣстники понемногу сходятъ со сцены. Свѣдѣній у нихъ безъ сравненія больше нашего. А больше ли жару, больше ли вѣры и надежды, — это великій вопросъ. Мнѣ кажется, что они въ этомъ отъ насъ отстали, какъ мы отстали отъ нашихъ предшественниковъ. Даже ваше племя лучше нашего. Тяжкое беретъ раздумье, неужели характеръ, вѣра, любовь размѣниваются на мелочь, по мѣрѣ того какъ накопляется умственный капиталъ?

Но если племя не лучше, то факты безъ сравненія выше, многозначительнѣе, больше въ размѣрахъ. По мѣрѣ того, какъ жизнь подвигается впередъ, несостоятельность всего существующаго выдается все съ большею и большею выпуклостью и рѣзкостью. Бездна, въ которую безстрашно мы глядѣли, открывается все шире и по мѣрѣ того какъ она переходитъ въ событіе, невольно овладѣваетъ умомъ раздумье и ужасъ. Все валится, все разрушается, ничего пока не создается, нѣтъ возможности провидѣть того синтеза, на которомъ построится новое общественное зданіе. Страшно жить по среди этого процесса разложенія и удушливой атмосферы, которою онъ всегда сопровождается. Ты мечталъ, что якорь спасенія въ общинѣ. Мы не имѣемъ даже этого утѣшенія, видя какъ и она слѣдуетъ общему, тяготѣющему надъ нами закону разрушенія; въ этомъ признаются даже тѣ, которые также, какъ и ты, вѣруютъ въ русскую общину. Одно какое то темное, хотя и твердое чувство говоритъ, что за разрушеніемъ сокрыта впереди богатая жизнь. Но много ли людей въ состояніи до конца вытерпѣть почти исключительное вліяніе окружающей гнили не заразившись ею и не принявъ въ себя созданной ею мефитической атмосферы? Ихъ можно пересчитать по пальцамъ; остальные

отчаялись въ лучшемъ и по немногу ожесточаются въ отрицаніи всего существующаго.

Политическія и другія домашнія наши новости раскажетъ тебѣ всякій, пріѣзжающій отсюда. Вопросъ эманципаціи спитъ и усыпляется умышленно, не смотря на другія мысли объ этомъ Государя. Административныя реформы тоже не состоялись подъ вліяніемъ парализіи, составляющей въ настоящее время наше нормальное состояніе. На головѣ виситъ банкрутство, которое понемногу ускоряется безумными распоряженіями. Недовольство всѣхъ классовъ ростетъ; въ особенности озлоблены массы офицеровъ, высылаемыхъ изъ гвардіи и арміи, по случаю усиленнаго сокращенія войскъ, на голодную смерть. Какое то тревожное ожиданіе тяготитъ надъ всѣми, но ожиданіе безсильное; словомъ всѣ признаки указываютъ въ будущемъ, повидимому недалекомъ, на страшный катаклизмъ, хотя и невозможно предсказать, какую онъ приметъ форму и куда насъ поведетъ.

Посреди такихъ обстоятельствъ, одна потребность въ особенности живо чувствуется. Это потребность гласности. Бродящіе элементы ищутъ выхода, выраженія и не находятъ его. Теперь для науки можно сдѣлать очень много; нѣтъ истины, которой нельзя было бы высказать намеками, довольно ясными. Но этого, разумѣется, слишкомъ мало. Нужна возможность обсуждать наши вопросы въ подробности, безъ иносказаній, а ее то и нѣтъ къ несчастью. Протесты противъ такой нелѣпости не привели пока ни къ чему и сонъ снова овладѣваетъ верхними слоями общества, хотя средніе и низшіе классы, наоборотъ, все болѣе и болѣе раздражаются.

При такихъ обстоятельствахъ заграничный органъ для общественнаго мнѣнія есть насущная потребность, какъ пища и питье для человѣка. Но органъ долженъ быть непремѣнно умѣренный, который черезъ это получилъ бы возможность входить во всѣ интересы, служить органомъ для всѣхъ мнѣній. Политическій вопросъ мало занимаетъ наше общество, какъ это ни покажется тебѣ страннымъ. Но административные, соціальные, церковные — очень много. Въ управленіи хаосъ, нелѣпость, безсмыслица достигли до Геркулесовыхъ столбовъ, а хлестать ихъ примѣрами негдѣ. Ты укажешь на свой журналъ. Но твой журналъ никогда не станетъ органомъ для массы и большинства интересовъ.

Онъ слишкомъ философски, литературно, далеко для массы ставитъ вопросъ. Твой журналъ все таки существуетъ для немногихъ, и тебя не должно вводить въ заблужденіе, что его расходится много. Это все плавающіе сверху русскаго общества: я поздравлю тебя и насъ только съ той минуты, когда и раскольникъ принесетъ къ тебѣ напечатать свои жалобы и свой символъ вѣры, и бѣлый попъ принесетъ обличеніе противъ чернаго духовенства, тяготѣющаго надъ нимъ; и Полякъ, и Нѣмецъ, и Финляндецъ, и Жидъ попроситъ тебя помѣстить въ твоемъ журналѣ свои надежды и жалобы. А мнѣ кажется, что теперешній твой журналъ никогда не можетъ получить такой характеръ, потому что программа его слишкомъ строго-исключительная, хотя ты и приглашаешь къ участію въ немъ всѣхъ протестующихъ. Подыми знамя болѣе намъ близкое и доступное — результатъ будетъ совсѣмъ другой.

Кромѣ того намъ необходима заграничная газета на французскомъ языкѣ, слѣдовательно доступная для огромной массы заграничныхъ и нашихъ читателей, — газета, которая посвятила бы себя исключительно критикѣ нашего законодательства и администраціи съ самой умѣренной точки зрѣнія, но подъ этимъ знаменемъ безпощадно, хотя и спокойно, преслѣдовала бы всѣ нелѣпости, безсмыслицы и административныя и судебныя преступленія, отъ которыхъ мы задыхаемся. Эффектъ такой газеты былъ бы страшный. Будь увѣренъ, чтобъ дѣйствовать на нашу образованную публику, надобно проникнуться ея точкою зрѣнія, а она пока состоитъ въ ядовитой критикѣ деталей. До принциповъ добрались немногіе. On se sert de petits moyens и воображаютъ, что та или другая маленькая мѣра можетъ спасти и осчастливить общество и Россію. Замѣть, что такой языкъ всего былъ бы доступнѣе для высшаго правительства и могъ бы раскрыть ему глаза на настоящее положеніе дѣлъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ самая глубокая принципіальная оцѣнка теперешняго положенія дѣлъ, отъ которой они отворачиваются со страхомъ и ужасомъ. Будь убѣжденъ, что я говорю тебѣ правду. Тебѣ Россія дорога; по этому ты долженъ приниматься и за тѣ лекарства, которыя могутъ ей быть полезны въ настоящую минуту; а дальше увидимъ, что Богъ дастъ. Пильчинскаго теперь надобно; вотъ золотой человѣкъ, котораго газета расходилась бы въ огромномъ

числѣ экземпляровъ. И ее не стали бы очень преслѣдовать, потому что во 1-хъ очень расположены говорить противъ злоупотребленій, а потомъ французскій языкъ послужилъ бы, въ глазахъ правительства, очень достаточнымъ карантиномъ противъ распространенія ея въ простомъ народѣ, чего особенно боятся. А потомъ: подумай, что это за докучливый былъ бы свидѣтель, такая газета! Это былъ бы повѣшенный надъ головами администраторовъ Дамокловъ мечъ, вѣчно грозящій отрубить имъ голову. Въ заключеніе скажу тебѣ, что и издавать подобную газету не было бы трудно. Для этого нуженъ Сводъ, да Сенатскія Вѣдомости, le Moniteur russe, какъ ты ихъ называлъ когда то. Если къ этому прибавить два три оффиціальныхъ журнала, — такъ тебѣ больше ничего и не нужно. Сводъ — это такое хранилище нелѣпости, резервуаръ наивнѣйшихъ преступленій противъ Россіи, истины и справедливости, что его не успѣешь исчерпать и въ десятой долѣ, какъ тебя забросаютъ корреспонденціями изъ Россіи, приносящими живыя вчерашнія пошлости, хуже еще тѣхъ, которыя въ Сводѣ. Я твердо вѣрую, что если ты не оснуешь такой газеты, выищется другой, потому что потребность въ ней слишкомъ настоятельна, слишкомъ очевидна. Подумай, что Nord почувствовалъ невозможность продолжать идти по прежнему пути, и сила вещей заставляетъ его стать органомъ общественнаго мнѣнія.

Ты ждешь, какъ мнѣ сказывали, денегъ изъ Россіи. Но отъ кого же, подумай? Мы считаемъ тебя Крезомъ, а сами живемъ трудами рукъ своихъ. Сочувствіе къ предпріятію твоему кажется выражается довольно ясно въ томъ, какъ расходятся твои изданія, хотя я не былъ бы твоимъ другомъ, еслибы сталъ скрывать отъ тебя, что живое единогласное искреннее сочувствіе вызываютъ собственно твои воспоминанія изъ прошлой твоей жизни, гдѣ такъ мастерски рисуются твои Erlebnisse въ Россіи; да еще сильное участіе возбуждаютъ «Голоса изъ Россіи». Остальное болѣе отчуждаетъ отъ твоихъ изданій, чѣмъ привлекаетъ къ нимъ и вредитъ тебѣ во мнѣніи всѣхъ. Не сердись и послушай искреннее слово, внушенное желаніемъ общей пользы; а тамъ дѣлай, какъ знаешь. Масса не можетъ идти за твоимъ знаменемъ, хотя бы и потому только, что оно слишкомъ высоко поставлено.

Прощай! Обнимаю тебя горячо и крѣпко. Я было надѣялся видѣться съ тобою, но это невозможно. Я долженъ отказать себѣ даже въ утѣшеніи пожать тебѣ руку и проститься, — можетъ быть на всегда. Авось либо черезъ два три года буду счастливѣе, если на такое по нашему долгое время можно расчитывать.

Будь здоровъ и не забывай меня.

Поклонись друзьямъ.

Письмо это, по всѣмъ признакамъ (см. между прочимъ слѣдующее письмо) писано въ 1857 г. въ Августѣ, во время поѣздки Кавелина за границу для свиданія съ императрицей Маріей Александровной, послѣ приглашенія Кавелина въ наставники къ Цесаревичу Николаю Александровичу. (См. г. Корсакова, Д. К. Кавелинъ. Вѣстникъ Европы, 1886, Авг., 543 и слѣд.). Изъ дневника Кавелина объ этой поѣздкѣ, цитируемаго г. Корсаковымъ, видно, что даже въ разговорѣ Кавелина съ императрицей было упомянуто объ отношеніяхъ его къ Герцену. Императрица спросила Кавелина:

— «Скажите, отчего вы пользуетесь репутаціей самаго отчаяннаго либерала qui veut le progrès quand-même?»

На этотъ вопросъ Кавелинъ отвѣтилъ признаніемъ, что «будучи студентомъ и професоромъ, онъ былъ большимъ либераломъ, хотя и не такимъ именно, какимъ меня почитаютъ. Въ политическій либерализмъ я не вдавался... Называющіе меня отчаяннымъ либераломъ правы и потому еще, что всѣ либералы были моими друзьями. Грановскій былъ мой другъ; Бѣлинскій былъ мой наставникъ и другъ; Герценъ былъ тоже очень мнѣ близокъ...»

«При этомъ, — говорится въ дневникѣ Кавелина, — императрица меня перервала и замѣтила, улыбаясь: — «Прочія дружбы не могутъ вамъ вредить, но что касается до Герцена... je vous en veux aussi pour celà».

Разговоръ этотъ происходилъ 17 (29) Августа 1857 г. и вслѣдъ за тѣмъ Кавелинъ уѣхалъ въ Остенде, откуда, по всей вѣроятности, вскорѣ и послалъ Герцену вышеприведенное письмо, — такъ какъ въ концѣ Августа онъ былъ уже въ Петербургѣ. (Корсаковъ, op. cit., 561).

Журналъ Герцена, упомянутый въ письмѣ, повидимому, «Полярная Звѣзда», которая выходила годовыми книжками въ 1855, 1856 и 1857 и въ которыхъ печатались воспоминанія Герцена («Былое и думы») больше всего интересовавшіе публику въ Россіи, по словамъ Кавелина. Подъ словомъ «остальное, — что болѣе отчуждаетъ (отъ изданій Герцена) чѣмъ привлекаетъ къ нимъ», — вѣроятно Кавелинъ разумѣлъ славянофильско-соціалистическія статьи, — основы которыхъ однакожъ Кавелинъ

самъ раздѣлялъ, какъ увидимъ въ слѣдующихъ письмахъ. Хотя «Колоколъ» началъ выходить уже съ 1 Іюля 1857 г. и ко времени пріѣзда Кавелина въ Остенде уже вышло его два №№, съ программой и характеромъ, подходящими къ желаніямъ Кавелина (требованія «Колокола»: «освобожденіе слова отъ цензуры, крестьянъ отъ помѣщиковъ, податнаго состоянія отъ побоевъ») но Кавелинъ, кажется, еще не имѣлъ въ виду этого журнала въ своей характеристикѣ изданій Герцена.

ПИСЬМО II.

(Іюнь 1859 г.).

Письмо твое я получилъ только 11-го Іюня н. с. Не стараюсь передать тебѣ, какъ оно глубоко меня тронуло. Вырвавшись за границу, я впервые могу писать къ тебѣ свободно, не боясь почтовой цензуры, и пользуюсь этимъ. Увидать тебя, обнять, проститься, можетъ быть, навсегда — было моей мечтой, моимъ долгомъ; не исполнивъ его, я бы не умеръ спокойно. Два года тому назадъ, волна, бѣжавшая отъ тебя разбивалась у моихъ ногъ [1]) и я чуть чуть не со слезами помышлялъ о томъ, что все таки не могу тебя увидать. Въ этотъ разъ увидѣться съ тобой столько же входитъ въ мои планы, сколько необходимость подумать о здоровьи, и я счастливъ, что теперь ничто не помѣшаетъ мнѣ исполнить эту мечту, эту потребность сердца. Разошедшись на короткое время не въ мысляхъ, а въ образѣ дѣйствій, я опять и давно сошелся съ тобою. Къ любви прибавилось благоговѣніе. Не сердись за это выраженіе. Въ немъ нѣтъ ничего раболѣпнаго. Я вижу въ тебѣ не только близкаго и друга, но и перваго человѣка въ цѣлой Европѣ. Никто лучше тебя не сказалъ того, что я думалъ и чувствовалъ. Въ мысляхъ твоихъ я не видалъ ни одной уступки, ни одной фальшивой ноты. Радостно билось сердце, когда свою мысль я читалъ у тебя, выраженную такъ блистательно и такъ мѣтко. Но кромѣ этой связи была и есть другая — это глубокая, ничѣмъ не возмутимая вѣра въ будущность Россіи; и я понимаю ее также какъ ты, можетъ быть съ незначительными

[1]) Въ Остенде. *М. Др.*

оттѣнками, объ которыхъ необходимо переговорить серьезно. Твои пророчества о Россіи и Европѣ скоро станутъ истинами, хотя теперь не многіе еще это понимаютъ. Подобно тебѣ, и я живу только убѣжденіями, и въ нихъ положилъ всѣ свои силы; оттого то такъ безконечно люблю тебя и вѣрю въ тебя.

Мы увидимся послѣ моего леченія. На это я имѣю свои причины. Крѣпко бьется сердце при мысли, что наконецъ я обниму тебя.

Въ письмѣ твоемъ есть одна жесткая фраза, есть упрекъ. Отчасти мы его заслужили, отчасти ты осудилъ насъ, не выслушавъ оправданій. Какъ бы то ни было, я заранѣе прошу тебя забыть мои вольныя и невольныя вины передъ тобою! Хочу, чтобъ ты обнялъ меня безъ всякихъ затаенныхъ мыслей, какъ ты пишешь и дѣйствуешь, и если для тебя необходимо облегчить досаду жесткимъ словомъ, — скажи его, но пусть съ нимъ выльется до послѣдней капли и ядовитое чувство. Въ наши лѣта и при нашей обстановкѣ нельзя загадывать много впередъ. Удастся ли когда нибудь еще увидѣться? Больше вѣроятія, что не удастся. На красные дни намъ расчитывать нечего. Такъ дай же мнѣ утѣшеніе думать, что я для тебя и въ твоемъ сердцѣ тоже, чѣмъ былъ прежде, и что для тебя я не человѣкъ возвратившійся, а никогда не разстававшійся.

Ты былъ для меня тѣмъ же, чѣмъ Бѣл. и Гран., и одинъ ты мнѣ остался.

Письмо это передастъ тебѣ очень надежный и прекрасный человѣкъ, вполнѣ заслуживающій, чтобъ ты принялъ его хорошо. Онъ скажетъ тебѣ, когда я буду, потому что въ сію минуту я этого самъ не знаю. Вѣрно то, что буду нынѣшнимъ лѣтомъ.

Товарищу и женѣ его крѣпко кланяюсь и жму руку. Спасибо и много разъ спасибо за письмо и приписку. Авось либо время до свиданья пройдетъ быстро.

Прибавлю, что господинъ, который передастъ это письмо, одинъ изъ твоихъ дѣятельнѣйшихъ корреспондентовъ. Ты самъ оцѣнишь, какой это милѣйшій господинъ. По крайней мѣрѣ я чувствую къ нему большую слабость.

Письмо Герцена, о которомъ говоритъ вначалѣ своей записки Кавелинъ, по всей вѣроятности, погибло въ числѣ тѣхъ бумагъ, которыя во время полицейскихъ тревогъ послѣ пожаровъ 1862 г., говорятъ, сожгла жена Кавелина и между которыми были письма Герцена, которыми Кавелинъ, какъ говорятъ, очень дорожилъ.

«Благоговѣніе» Кавелина относится, очевидно, къ соціалистически-славянофильскимъ (или лучше соціалистически руссофильскимъ) идеямъ философіи исторіи и политики, которыя выражалась Герценомъ въ такихъ сочиненіяхъ, какъ «Съ того Берега», «Старый Міръ и Россія», «Русскій народъ и Соціализмъ» и т. п., основанія которыхъ высказывались и въ разныхъ статьяхъ «Колокола».

ПИСЬМО III.

Бланкенбергъ, 21 Августа 1859 г.

Ваши письма возобновили со всею живостью совершающагося пребываніе мое съ Вами и у васъ въ Лондонѣ. Все это ушло какъ сонъ, которому едва вѣришь, такъ это и давно и недавно было. Отчего я къ вамъ до сихъ поръ не писалъ, я самъ хорошенько не знаю. Морскія купанья, посреди самаго тупоумнаго изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ, мало принесли мнѣ пока пользы.

Скучно, душа какъ то болитъ и ноетъ, заниматься ничѣмъ нельзя, все самые грустные и тоскливые мотивы раздаются въ сердцѣ и въ ушахъ. А когда этого нѣтъ, погружаешься въ самое безсмысленное состояніе, котораго нельзя описать.

Я уѣхалъ отъ васъ съ разорваннымъ сердцемъ. Такъ было тяжело, что сказать не могу. Подъ видимой веселостью я читалъ скрытую скорбь, въ которой никто не хотѣлъ признаться.

Двѣнадцать лѣтъ мы съ тобой не видались, Герценъ; а ты съ Бѣлинскимъ и Грановскимъ играли самую большую роль въ моей жизни; вами я воспитался; мнѣ кажется я бы могъ ощупать въ себѣ тѣ струны, которыя наложены каждымъ изъ васъ. Теперь ты у меня одинъ остался, и всю любовь, къ какой я только способенъ, я сосредоточилъ на тебѣ, — не ту любовь, которой мы любимъ великихъ и замѣчательныхъ людей, а любовь личную, обнимающую всего

человѣка какъ онъ есть, со всѣми его сторонами. Что къ этой любви примѣшивается и благоговѣніе, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Я не могу любить тебя какъ совершенно равнаго, потому что преклоняюсь предъ тобой и вижу въ тебѣ великаго человѣка. Если это утѣшеніе въ страданіяхъ, то ты можешь этимъ утѣшаться. Время ложнаго стыда должно пройти, какъ всего ложнаго. Пора называть вещи ихъ именами. Не я одинъ такъ смотрю на тебя, а многіе; можетъ быть изъ близкихъ тебѣ я одинъ рѣшаюсь это высказать. Тебѣ лавровый вѣнокъ, представителю русской мысли, свободной, чающей свое величіе и свою неизмѣримую будущность. Если она, въ лицѣ твоемъ носитъ вмѣстѣ съ лавровымъ и терновый вѣнокъ, то тѣмъ прекраснѣе она въ моихъ глазахъ. Горе торжествующему, если скорбь не примѣшана къ его подвигамъ. Съ той самой минуты, какъ мученичество стало для человѣка предметомъ обожанія, оно легло краеугольнымъ камнемъ всего великаго въ мірѣ и такимъ будетъ на вѣчныя времена.

Я ѣхалъ въ Лондонъ не изъ любопытства, не изъ тщеславія, не изъ бретерства. Для меня эта поѣздка была выполненіемъ давнишней мечты, удовлетвореніемъ сердечной жажды, долгомъ, по выполненіи котораго я могу умереть спокойно. Я тебя видѣлъ, обнялъ, — чегоже мнѣ больше нужно?

Одно что меня мучитъ теперь, — это то, что я замѣтилъ въ васъ обоихъ какое то уныніе, какую то усталость. Если это было отраженіе моего собственнаго физическаго и нравственнаго разстройства, то я очень счастливъ. Но если я дѣйствительно не ошибся, то это очень прискорбно, — и не только прискорбно, а даже вредно для дѣла. Знамя, которое вы держите, такъ велико и свято, значеніе его такъ всеобъемлюще для насъ, что въ немъ вы должны черпать силы на дальнѣйшіе подвиги. Что нужды, что многіе его не понимаютъ, другіе понимаютъ глупо и плоско. Это удѣлъ всего новаго. Нѣкоторые понимаютъ вполнѣ, и этого совершенно достаточно. Ошибки въ мелочахъ и подробностяхъ не д. смущать. Намъ, со стороны, дѣло виднѣе, и потому вы можете быть увѣрены, что дѣло ваше выигранное, и должны смѣло идти впередъ, не слушая ни чьихъ толковъ, не смущаясь ни порицаніями, ни совѣтами. Ник. Павл. расплодилъ людишекъ и посредственность въ Россіи, которая

не въ состояніи понимать дѣло во весь его ростъ. Обидно и больно видѣть, какъ характеры плоски и подлы, какъ мысль низменна, какъ понятія посредственны и цѣпляются за мелочи, упуская изъ виду главное. Что это за совѣтчики! Нужно сто лѣтъ, чтобъ все это измѣнилось, а я покуда и начала не вижу, чтобъ сдѣланъ былъ поворотъ къ лучшему.

Идите бодро своей дорогой. Сѣмена, которыя вы сѣете, падутъ на добрую почву, т. е. на подпочву русскую, свѣжую, не развращенную излишнимъ книжнымъ ученіемъ. Тамъ здраваго смысла больше, чѣмъ въ нашихъ слояхъ, и тамъ все это будетъ понято. Мы же, безнадежные люди! Надобно толковать цѣлые часы, чтобъ объяснить самую простую истину. Нѣтъ даже живаго смысла къ русской исторіи, которую можно бы, кажется, понимать изъ фактовъ ежедневной жизни — такъ она ясна [1]). Скажу тебѣ, Герценъ, между прочимъ, въ одобреніе (если ты въ немъ нуждаешься) и въ утѣшеніе слѣдующее: письма твои о Польшѣ произвели огромный эффектъ между поляками [2]). Они были отъ нихъ въ восторгѣ, и хотѣли было перевести на польскій языкъ цѣликомъ (многіе журналы помѣстили изъ нихъ выписки), но остановились передъ тѣмъ, что это дескать слишкомъ хорошо писано для Русскаго, это его слишкомъ хорошо выставитъ передъ Поляками.

Д. настаиваетъ, чтобы я переслалъ къ тебѣ его диссертацію. Какъ я и думалъ, она предназначена для тебя. Теперь онъ прибавилъ дедикацію, и ты не можешь отказаться, да и не долженъ. C'est un hommage rendu. Я тебѣ во всякомъ случаѣ пришлю книгу.

А ты мнѣ не прислалъ экземпляръ «Колокола»?

Я видѣлся съ Ч. и серьезно говорилъ съ нимъ объ его письмѣ къ тебѣ и требовалъ отвѣта о пассажѣ, касающемся меня. Это объясненіе окончательно убѣдило меня въ томъ, объ чемъ я уже догадывался. Ч. человѣкъ ограниченный и потому не понимаетъ toute la portée своихъ словъ, но человѣкъ онъ честный и добросовѣстный. Вообрази, что онъ доволенъ тѣмъ, что въ теченіи послѣднихъ 5—6-ти лѣтъ ни въ чемъ не измѣнилъ образа мыслей. Есть чѣмъ велп-

---

[1]) Ср. Герцена: Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе. II. Доктринерствующіе нѣмцы. Колоколъ, № 54, Октябрь 15. *М. Др.*

[2]) Въ «Колоколѣ» №№ 32—33. 34, 37. *М. Др.*

чаться! Признаюсь тебѣ, что у меня не хватило характера сказать ему то, что ты поручилъ мнѣ, именно, чтобъ онъ не пріѣзжалъ къ тебѣ. Меня обезоружило то, что онъ только изъ моихъ интерпеляцій понялъ всю неловкость того, что писалъ къ тебѣ обо мнѣ, и потомъ, — что онъ наконецъ понялъ всю нелѣпость письма своего къ тебѣ. Я не могу съ нимъ быть близокъ, но убѣжденъ, что онъ заслуживаетъ пощады. Самому себѣ онъ повредилъ гораздо больше, чѣмъ тебѣ, и это его казнь.

Въ тяжелыя минуты, которыхъ у меня бываетъ довольно, я спрашиваю себя: удастся ли опять увидѣться и обнять табя? Сердце разрывается при мысли, что можетъ быть наше свиданіе было послѣднее въ жизни. Твое carpe diem заставило меня вздрогнуть, — такъ оно врѣзалось въ мой мозгъ. Неужели это предчувствіе, или это игра разстроенныхъ первовъ? Это была не фраза съ моей стороны, и не увлеченіе, когда я такъ положительно говорилъ, что мы увидимся; ну, а что если нѣтъ? Что если нельзя будетъ? Какъ первые христіане, мы осуждены на вѣчное горе, вѣчныя гоненія, и подъ часъ силы слабѣютъ. Хочется покоя смерти, единственнаго, который возможенъ для насъ.

Благодарю тебя, Огаревъ, за твои сердечныя строчки. Я до глубины души тронутъ ими. Порученія твои исполню въ точности, какъ только пріѣду. Береги себя для дѣла и для друзей. Мнѣ очень досадно, что мы не успѣли кончить нашихъ споровъ, которыхъ отрывокъ есть въ твоемъ письмѣ. Ты говоришь, что физіологія ни больше ни меньше какъ теорія патологическихъ явленій; это отчасти такъ, но не обнимаетъ всего. Еслибъ ты сказалъ: и физіологическихъ— это было бы вполнѣ справедливо. Что нужды, что здоровье и болѣзнь существуютъ и движутся по однимъ и тѣмъ же формамъ. Все же они представляютъ различеніе, взаимное отрицаніе, которое и есть движущій нервъ жизни. Какъ ни своди взаимно отрицающее къ однимъ законамъ, все таки оно взаимно отрицаетъ себя. Оттого и опредѣленіе по одному изъ отрицающихъ будетъ не полное. Жизнь не есть только патологія, а вмѣстѣ и физіологія. И, воля твоя, какъ ты все ни своди къ механикѣ и естественной исторіи, а ты все таки будешь имѣть передъ собою рядъ явленій другого порядка, имѣющихъ свои законы развитія, конечно аналогическіе, такіе, которые могутъ быть, вмѣстѣ съ ме-

ханическими и естественно- историческими, сведены къ общимъ законамъ, но тѣмъ не менѣе будутъ различны отъ нихъ и представлять свои особенности. Къ такимъ явленіямъ принадлежатъ всѣ относящіяся и вытекающія изъ такъ называемой умственной, духовной природы человѣка: историческія, научныя и изъ области художественной, общественной и религіозной жизни. Они имѣютъ свою физіологію и свою патологію, отличную отъ физической. Задача вся въ томъ только, чтобы выяснить ту и другую по одному методу съ естественными науками, объ чемъ въ наше время только лишь начинаютъ догадываться. Что между этимъ нравственнымъ міромъ и физическимъ есть глубочайшая связь, единство начала, и что они находятся въ безпрерывномъ взаимодѣйствіи и постоянно живутъ подъ вліяніемъ другъ друга, — это уже завоевано наукой; недостаетъ только послѣдовательно проведенной разработки этого результата въ подробностяхъ и въ исторіи. Но я настаиваю на томъ, что изъ за ихъ единства, связи, взаимодѣйствія, ихъ не д. смѣшивать, иначе мы никогда не придемъ къ твердымъ результатамъ. Вѣдь возможно перенести на физическую природу законъ умственной и нравственной жизни человѣка, и такъ долго дѣлали. Таковъ первый безсознательный пріемъ каждаго человѣка и народа въ младенчествѣ. Но послѣ отъ этого пріема должны были отказаться. Перегибать дугу въ противоположную сторону также ошибочно. Каждая функція жизни имѣетъ свою физіологію и свою патологію; сведеніе ихъ къ общимъ формуламъ, наиболѣе обобщеннымъ, и есть крайній предѣлъ науки. Гдѣ всякое различеніе уже теряется, тамъ перестаетъ наука, перестаетъ и жизнь. Вотъ почему я давно пересталъ вѣрить въ чудотворную силу науки вообще и философіи въ особенности. Она есть переведеніе жизни въ область мысли, т. е. общаго, которое только выражаетъ жизнь подъ другой формой, но не творитъ ее. Формулу Гегеля: die Natur ist das Andersseyen des Geistes надобно выворотить: der Geist ist das Andersseyen der Natur. Тогда многое сдѣлается понятнѣе. Философія въ формѣ Гегеля есть все еще кабалистика и религія. Когда начинаешь такъ перебирать всѣ стороны человѣческой жизни— страхъ беретъ, сколько предстоитъ еще дѣлать. Наука, чувствуешь, еще въ колыбели. Сдѣланное все надобно передѣлать вновь, такъ что камня на камнѣ не останется.

Я хочу попробовать такую передѣлку, на сколько хватитъ силы, въ Гражд. правѣ. Удивляешься, знакомясь съ книгами, какъ эта наука стара и заплѣснѣвѣла въ своихъ теперешнихъ формахъ. Лучшее по этой части — не болѣе какъ протираніе глазъ послѣ вѣковаго сна. А не забудь, что Гражд. право — одна изъ существеннѣйшихъ составныхъ частей соціальной науки.

Обнимаю Васъ обоихъ отъ всего сердца. Молю судьбу, чтобъ она не была для меня мачихой, и дала мнѣ утѣшеніе еще разъ обнять Васъ и быть съ Вами (Написано поперекъ письма): Натальѣ Алексѣевнѣ [1]) посылаю дружескій поклонъ, Олю цѣлую, а особенно цѣлую крѣпко новую мою пріятельницу — Тату [2]). Она мнѣ крѣпко полюбилась. Пусть останется такою, какой я ее узналъ во второй разъ. Въ ней живетъ для меня воспоминаніе Натальи Александровны [3]).

Будьте всѣ здоровы

Кавелинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПИСЬМУ III-му.

Слова вышеприведеннаго письма о Ч. относятся къ одному эпизоду въ исторіи «Колокола». въ свое время произведшему большое волненіе въ литературно-политическихъ кругахъ русскихъ и вообще чрезвычайно интересному, — а именно къ письму, подписанному буквою Ч. и помѣщенному въ № 32—33 «Колокола» (1 Янв. 1859) подъ заглавіемъ «Обвинительный актъ». (Заглавіе это дано самимъ Герценомъ). Мы говорили обстоятельно о значеніи этого письма, въ № 61—62 «Вольнаго Слова», гдѣ помѣщены всѣ письма Ч. къ Герцену изъ того времени. Мы избѣгали только всякихъ указаній на Кавелина, который тогда былъ еще живъ. Теперь мы считаемъ умѣстнымъ перепечатать изъ «Колокола» всѣ, относящіеся къ этому дѣлу документы.

1. НАСЪ УПРЕКАЮТЪ

(Замѣтка А. И. Герцена въ 27 № «Колокола», 1 Ноября 1858).

Насъ упрекаютъ либеральные консерваторы въ томъ, что мы слишкомъ нападаемъ на правительство, выражаемся рѣзко, бранимся крупно.

---

[1]) Г-жа Огарева. *М. Др.*
[2]) Ольга и Наталья (Тата) дочери Герцена. *М. Др.*
[3]) Н. Ал. Герценъ, покойная жена Герцена. *М. Др.*

Насъ упрекаютъ свирѣпо красные демократы въ томъ, что мы мирволимъ Александру II, хвалимъ его, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь хорошее и вѣримъ, что онъ хочетъ освобожденія крестьянъ.

Насъ упрекаютъ славянофилы въ западномъ направленіи.

Насъ упрекаютъ западники въ славянофильствѣ.

Насъ упрекаютъ прямолинейные доктринеры въ легкомысліи и шаткости, оттого что мы зимой жалуемся на холодъ, а лѣтомъ совсѣмъ напротивъ — на жаръ.

На сей разъ только нѣсколько словъ въ отвѣтъ послѣднему упреку.

Онъ вызванъ двумя или тремя признаніями, что мы о ш и б л и с ь, что мы были у в л е ч е н ы; не станемъ оправдываться тѣмъ, что мы ошиблись и увлеклись со всей Россіей, мы не отклоняемъ отвѣтственности, которую добровольно взяли на себя. Мы должны быть послѣдовательны; е д и н с т в о необходимое условіе всякой пропаганды; съ насъ вправѣ его требовать. Но принимая долю вины на себя, мы хотимъ ее раздѣлить съ другими виновниками.

Идти по одной линіи легко, когда имѣешь дѣло со спѣтымъ порядкомъ дѣлъ, съ послѣдовательнымъ образомъ дѣйствія, — что труднаго взять рѣзкое положеніе относительно англійскаго правительства или французскаго императорства? Трудно-ли было быть послѣдовательнымъ во время прошлаго царствованія?

Но мы этого е д и н с т в а не находимъ въ дѣйствіяхъ Александра II; онъ, то является освободителемъ крестьянъ, реформаторомъ, то заступаетъ за николаевскую постромку и грозитъ растоптать едва всходящіе ростки.

Какъ согласить рѣчь его къ московскому дворянству и генералъ губернаторство Закревскаго?

Какъ согласить облегченіе цензурныхъ путъ и запрещеніе писать объ освобожденіи крестьянъ съ землею?

Какъ согласить амнистіи, желанія публичности съ проэктомъ Ростовцева, съ силой Панина?

Фридрихъ II говорилъ, что онъ не боялся ни одного генерала такъ, какъ Салтыкова, потому что никогда не могъ догадаться за минуту впередъ, какое движеніе онъ сдѣлаетъ: Салтыковъ всѣ ихъ дѣлалъ зря.

Шаткость въ правительствѣ отразилась въ нашихъ статьяхъ. Мы слѣдуя за нимъ, терялись и откровенно досадуя

на себя, не скрывали этого. Въ этомъ была своего рода связь, между нами и нашими читателями. Мы не вели, а шли вмѣстѣ; мы не учили, а служили отголоскомъ думъ и мыслей, умалчиваемыхъ дома. Ринутые въ современное движеніе Россіи, мы носимся съ нимъ по перемѣнному вѣтру, дующему съ Невы.

Конечно, тотъ, кто останавливая надежду и страхъ, молча выждетъ результата, тотъ не ошибется. Надгробное слово— исторіи гораздо больше предохранено отъ промаховъ, нежели всякое участіе въ совершающихся событіяхъ.

Доктринеры на французскій манеръ и гелертеры на нѣмецкій, люди производящіе слѣдствіе, составляющіе описи, приводящіе въ порядокъ, твердые въ положительной религіи или религіозные въ положительной наукѣ, люди обдуманные, точные — доживаютъ до старости лѣтъ не сбиваясь съ дороги и не сдѣлавъ орѳографическихъ и иныхъ ошибокъ; а люди брошенные въ борьбу, исходятъ страстной вѣрой и страстнымъ сомнѣніемъ, истощаются гнѣвомъ и негодованіемъ, перегораютъ быстро, падаютъ въ крайность, увлекаются и мрутъ на полдорогѣ — много разъ споткнувшись.

Не имѣя ни исключительной системы, ни духа партіи — все отталкивающаго, — мы имѣемъ неизбѣжныя основы, страстныя сочувствія, проводившія насъ — отъ ребячества до сѣдыхъ волосъ; въ нихъ у насъ нѣтъ легкомыслія, нѣтъ колебанія, нѣтъ уступокъ! Остальное намъ кажется второстепеннымъ; средства осуществленія безконечно различны; которое изберется... въ этомъ поэтическій капризъ исторіи, — мѣшать ему неучтиво.

Освобожденіе крестьянъ съ землею — одинъ изъ главныхъ и существенныхъ вопросовъ для Россіи и для насъ. Будетъ ли это освобожденіе «сверху или снизу» — мы будемъ за него! Освободятъ ли ихъ крестьянскіе комитеты, составленные изъ заклятыхъ враговъ освобожденія, — мы благословимъ ихъ искренно и отъ души. Освободятъ ли крестьяне себя отъ комитетовъ во-первыхъ, а потомъ отъ всѣхъ избирателей въ комитеты, — мы первые поздравимъ ихъ братски и также отъ души. Прикажетъ-ли наконецъ государь отобрать имѣнья у крамольной аристократіи, а ее выслать—ну хоть куда-нибудь на Амуръ къ Муравьеву — мы столько-же отъ души скажемъ: «Быть по сему».

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы рекомендуемъ эти

средства, что нѣтъ другихъ, что это лучшія, совсѣмъ нѣтъ,— наши читатели знаютъ, какъ мы думаемъ объ этомъ.

Но такъ какъ главное дѣло въ томъ, чтобъ крестьяне были освобождены съ землею, то изъ за средствъ спора мы не поднимемъ.

При такомъ отсутствіи обязательной доктрины, предоставляя такъ сказать, самой природѣ дѣйствовать, и сочувствуя каждому шагу согласному съ нашимъ воззрѣніемъ, мы можемъ часто ошибаться, всегда будемъ очень рады когда «ученые друзья наши», — спокойно сидящіе въ сторожкахъ на берегу, прокричатъ намъ «правѣе или лѣвѣе» держаться; но мы желали бы, чтобъ и они не забывали, что имъ легче дѣлать наблюденія надъ силой волнъ и слабостью пловцовъ, нежели намъ плыть... и при томъ такъ далеко отъ берега.

Изъ за стѣнъ доктрины, какъ изъ за монастырскихъ стѣнъ сполугоря смотрѣть на треволненіе мірское. Доктринеры счастливы, они не увлекаются и... не увлекаютъ другихъ.

И—ръ.

2. ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ.

(Замѣтка А. И. Герцена и письмо къ нему Ч. въ 29 № «Колокола», 1 Декабря 1858).

Я являюсь передъ нашими читателями съ обвинительнымъ актомъ въ рукѣ.

На этотъ разъ обвиняемый не Панинъ, не Закревскій — обвиняемый я самъ.

Обвиненіе это высказанное отъ имени «значительнаго числа мыслящихъ людей въ Россіи», для меня имѣетъ большую важность. Его послѣднее слово состоитъ въ томъ, что вся дѣятельность моя, т. е. дѣло моей жизни, — приноситъ вредъ Россіи.

Еслибъ я повѣрилъ этому, я нашелъ бы самоотверженіе передать свое дѣло другимъ рукамъ и скрыться гдѣ нибудь въ глушп, скорбя о томъ, что ошибся цѣлой жизнью. Но я не судья въ своемъ дѣлѣ; мало-ли есть маньяковъ увѣренныхъ, что они дѣлаютъ дѣло; — тутъ ни горячей любовью, ни чистотой желанья, ни всемъ существованіемъ ничего не

докажешь. И потому я безъ комментарій передаю обвиненіе на судъ общественнаго мнѣнія.

До тѣхъ поръ, пока оно не станетъ громко со стороны обвиненія, — я упорно пойду тѣмъ путемъ, которымъ шелъ.

До тѣхъ поръ, пока на одно такое письмо, я буду получать десятки самыхъ пламенныхъ выраженій сочувствія—я буду упорствовать.

До тѣхъ поръ, пока число читателей будетъ возростать, какъ оно теперь возростаетъ, — я буду упорствовать.

До тѣхъ поръ, пока Бутеневъ въ Константинополѣ, Кисслевъ въ Римѣ, не знаю кто въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ— будутъ выбиваться изъ силъ, метаться къ визирямъ и трехъбунчужнымъ пашамъ, къ министерскимъ секретарямъ и кардинальскимъ послушникамъ, прося и вымаливая запрещеніе «Колокола» и «Полярной Звѣзды», — до тѣхъ поръ, пока аугсбургская газета и герлаховская Kreuz-Zeitung не перестанутъ оплакивать гибельное вліяніе «Колокола» на нервы петербургскихъ сановниковъ, — я буду упорствовать.

Я стою передъ вами въ моей «неисправимой закоснѣлости», — такъ меня характеризовалъ въ 1834 году, когда я былъ подъ судомъ слѣдственной коммисіи Голицынъ junior *). Будьте строги, жестоки, несправедливы, но объ одномъ я прошу, будемъ-те на англійскій манеръ говорить о дѣлѣ, не прибавляя личностей.

Я готовъ все печатать, что качественно и количественно возможно.

«Обвинительное письмо», — печатаемое нами сегодня, существенно отличается отъ прошлыхъ писемъ противъ «Колокола». Въ тѣхъ былъ дружескій упрекъ и тотъ дружескій гнѣвъ, въ негодованіи котораго звучала знакомо и привѣтливо родная струна.

Ничего подобнаго подобнаго въ этомъ письмѣ.

Тѣ были писаны съ нашей стороны, оттого въ самыхъ несогласіяхъ и упрекахъ было сочувствіе. Это письмо писано съ совершенно противной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія административнаго прогресса, гувернементальнаго доктринаризма. Мы ее никогда не принимали, что же удивительнаго, что мы не ея путями и шли? Мы не представляли себя никогда ни правительственнымъ авторитетомъ,

*) Тюрьма и Ссылка.

ни государственными людьми. Мы хотѣли быть протестомъ Россіи, ея крикомъ освобожденія и крикомъ боли, мы хотѣли быть обличителями злодѣевъ, останавливающихъ успѣхъ, грабящихъ народъ; — мы ихъ тащили на лобное мѣсто, мы дѣлали смѣшными, мы хотѣли быть не только местью русскаго человѣка, но его ироніей, — не больше. Какіе мы Блудовы и Панины? — мы книгопечатальщики «значительной части страдающихъ въ Россіи».

Но и тутъ я долженъ прибавить, мы совсѣмъ не находимся въ томъ исключительномъ положеніи, которое намъ часто даютъ, которое даетъ авторъ письма, и противъ котораго я протестую всѣми силами моими. Что въ самомъ дѣлѣ за монополь русскаго печатанія у насъ, точно мы взяли русскую рѣчь въ чужихъ краяхъ на откупъ?

Если мы, какъ говоритъ авторъ письма, «сила и власть въ Россіи», то причина этого вовсе не томъ, что у насъ у однихъ есть органъ.

Съ нашей легкой руки теперь можно печатать по русски въ Берлинѣ, въ Лейпцигѣ, въ самомъ Лондонѣ *). И если, по совѣсти, нельзя рекомендовать, какъ русскій журналъ, для помѣщенія статей брюсельскій Le Nord, то что же препятствуетъ помѣщать ихъ въ «Заграничномъ Сборникѣ»?

Намъ принадлежитъ честь почина и честь успѣха, а вовсе не монополь.

И—ръ.

Милостивый Государь,

Въ послѣднемъ листѣ Колокола вы съ свойственной вамъ энергіей отвѣчали на упрекъ въ шаткости, въ легкомысліи, который слышится вами съ разныхъ сторонъ. Упрекъ этотъ, съ нѣкоторыми другими повторяется, смѣю сказать, значительною частію мыслящихъ людей въ Россіи. Признаюсь, я также въ немъ виновенъ, и не отступаюсь отъ своего мнѣнія послѣ вашего отвѣта; мнѣ кажется даже, что вы не совсѣмъ поняли въ чемъ васъ именно упрекаютъ или, можетъ быть, упрекъ дошелъ до васъ въ искаженномъ видѣ. Позвольте же мнѣ объяснить это нѣсколько подробнѣе. Здѣсь рѣчь идетъ о различныхъ направленіяхъ русскаго общества,

*) Сверхъ нашей типографіи, въ Лондонѣ, какъ вѣроятно наши читатели знаютъ, существуетъ типографія З. Свентославскаго.

о различіи взглядовъ на современные вопросы, скажу болѣе, о различіи политическихъ темпераментовъ, что, можетъ быть, глубже всего раздѣляетъ людей. Поэтому надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить это письмо въ своемъ журналѣ. Обращаюсь къ вамъ, ибо другаго свободнаго органа у насъ нѣтъ; иначе я съ вами спорить не могу.

Заранѣе предупреждаю васъ, что я приступлю къ вамъ съ довольно высокими требованіями. Знаю, что удовлетворить имъ не легко, но знаю также, какъ велики обязанности, которыя на васъ лежатъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ваше исключительное, можно сказать, почти единственное въ мірѣ. Вспомните значеніе и характеръ той эпохи, въ которую мы живемъ въ Россіи. Послѣ севастопольскаго разгрома, послѣ бѣдствій послѣдней войны, старая система управленія рушилась сама собою. Стало очевиднымъ, что прежнимъ путемъ идти не возможно, что военный порядокъ и бюрократическій формализмъ одни не въ состояніи упрочить государственное благоустройство, что общее дѣло не можетъ обойтись безъ содѣйствія всѣхъ живыхъ силъ народа. Между тѣмъ правительство не рѣшается еще прямо и явно вступить на новую дорогу; оно ни въ себѣ, ни въ обществѣ не находитъ для этого достаточной опоры; оно идетъ какъ будто ощупью, колеблясь, дѣлая шагъ впередъ и шагъ назадъ, но прислушиваясь однакоже къ разнымъ голосамъ, до него долетающимъ, и готовое подъ часъ принять благоразумно высказанное мнѣніе. Таковъ по крайней мѣрѣ результатъ, который можно вынести изъ наблюденій надъ современнымъ положеніемъ дѣлъ. Съ другой стороны народъ съ ужасомъ увидѣлъ внутреннее свое растлѣніе, онъ проситъ свѣта, проситъ лекарства отъ наболѣвшихъ ранъ. Какая почва для политическаго писателя: — правительство, ищущее опоры! народъ, жаждущій гласности! И передъ этими требованіями стоите вы одинъ, далеко отъ стѣсненій, вдали отъ партій, отъ мгновенныхъ страстей, отъ сплетень и дрязгъ, окружающихъ ежедневную жизнь. Вы можете взвѣсить каждое свое слово, спокойно и безпристрастно высказать правду всѣмъ и каждому, обличать злоупотребленія, дѣйствовать на правительство, давать направленіе обществу, развивать зрѣющую политическую мысль, наконецъ вы можете показать, что такое свободное русское слово. Въ вашемъ положеніи

все, что вы говорите, имѣетъ значеніе; вы сила, вы власть въ русскомъ государствѣ.

Какъ же исполняете вы свою задачу? Какую пищу вы намъ даете? Что мы отъ васъ слышимъ?

Мы слышимъ отъ васъ не слово разума, а слово страстн. Вы сами въ этомъ сознаетесь; мало того, вы даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ выставляете это на показъ, и съ презрѣніемъ отзываетесь о людяхъ обдуманныхъ, точныхъ, которые, не увлекаясь сами, не увлекаютъ и другихъ. Вы человѣкъ брошенный въ борьбу, вы исходите страстной вѣрой и страстнымъ сомнѣніемъ, истощаетесь гнѣвомъ и негодованіемъ, впадаете въ крайность, спотыкаетеесь много разъ. Это ваши собственныя слова. Но неужели это требуется отъ политической дѣятельности? Я полагалъ, что здѣсь именно необходимы обдуманность, осторожность, ясное и точное пониманіе вещей, спокойное обсужденіе цѣли и средствъ; я полагалъ, что политическій дѣятель, который истощается гнѣвомъ, спотыкается на каждомъ шагу, носится туда и сюда по направленію вѣтра, тѣмъ самымъ подрываетъ къ себѣ довѣріе, что впадая въ крайность, онъ губитъ собственное дѣло. Необузданные порывы могутъ имѣть свою поэтическую прелесть, но въ общественныхъ дѣлахъ прежде всего требуется политическій смыслъ, политическій тактъ, который знаетъ мѣру и угадываетъ пору; здѣсь нужна не страсть, влекущая въ разныя стороны, а разумъ, познающій и созидающій.

И неужели вы думаете, что Россія въ настоящее время нуждается въ людяхъ съ пылкими страстями, которые отъ избытка чувствъ перегораютъ быстро и умираютъ на полдорогѣ? Вспомните еще разъ, въ какую эпоху мы живемъ. У насъ совершаются великія гражданскія преобразованія, распутываются отношенія, созданныя вѣками. Вопросъ касается самыхъ живыхъ интересовъ общества, тревожитъ его въ самихъ глубокихъ его нѣдрахъ. Какая искусная рука нужна, чтобы примирить противоборствующія стремленія, согласить враждебные интересы, развязать вѣковые узы, чтобы путемъ закона перевести одинъ гражданскій порядокъ на другой! Здѣсь также есть борьба, но борьба другого рода, безъ сильныхъ эффектовъ, безъ гнѣвныхъ порывовъ, борьба обдуманная, осторожная, озаренная мыслію, неуклонно идущею по избранному пути. Въ такую пору нужно не

раздувать пламя, не растравлять язвы, а успокоивать раздраженіе умовъ, чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли. Или вы думаете, что гражданскія преобразованія совершаются самою страстью, кипѣніемъ гнѣва?

Впрочемъ я забываю, что вы къ гражданскимъ преобразованіямъ довольно равнодушны. Гражданственность, просвѣщеніе не представляются вамъ драгоцѣннымъ растеніемъ, которое надобно заботливо насаждать и терпѣливо лелѣять, какъ лучшій даръ общественной жизни. Пусть же это унесется въ роковой борьбѣ, пусть вмѣсто уваженія къ праву и къ закону водворится привычка хвататься за топоръ, — вы объ этомъ мало тревожитесь. Вамъ во что бы ни стало нужна цѣль, а какимъ путемъ она достигнется,— безумнымъ и кровавымъ или мирнымъ и гражданскимъ, это для васъ вопросъ второстепенный. Чѣмъ бы дѣло ни развязалось, — невообразимымъ актомъ самаго дикаго деспотизма, или свирѣпымъ разгуломъ разъяренной толпы, — вы все подпишете, вы все благословите. Вы не только подпишете, вы считаете даже неприличнымъ отвращать подобный исходъ. Въ вашихъ глазахъ это поэтическій капризъ исторіи, которому мѣшать неучтиво. Поэтическій капризъ исторіи! Скажите пожалуста, когда вы писали эти слова, какъ вы на себя смотрѣли: какъ на политическаго дѣятеля, направляющаго общество по разумному пути, или какъ на артиста, наблюдающаго случайную игру событій?

Политическій дѣятель имѣетъ въ виду не только цѣль, но и средства. Зрѣлое обсужденіе послѣднихъ, точное соображеніе обстоятельствъ, избраніе наилучшаго пути при извѣстномъ положеніи дѣлъ, — вотъ въ чемъ состоитъ его задача, и ею онъ отличается отъ мыслителя, изучающаго общія ходъ исторіи, и отъ художника, наблюдающаго движенія человѣческихъ страстей. То, что вы называете поэтическимъ капризомъ исторіи, дѣйствіемъ самой природы, есть дѣло рукъ человѣческихъ. Сама природа здѣсь вы, я, третій, всѣ, кто приноситъ свою лепту на общее дѣло. И на каждомъ изъ насъ, на самыхъ незамѣтныхъ дѣятеляхъ лежитъ священная обязаность беречь свое гражданское достояніе, успокоивать бунтующія страсти, отвращать кровавую развязку. Такъ ли вы поступаете, вы, которому ваше положеніе даетъ болѣе широкое и свободное поприще, нежели другимъ? Мы въ правѣ спросить это у васъ и какой дадите

вы отвѣтъ? Вы открываете страницы своего журнала безумнымъ воззваніямъ къ дикой силѣ; вы сами, стоя на другомъ берегу, съ спокойной и презрительной ироніей указываете намъ на палку и на топоръ, какъ на поэтическіе капризы, которымъ даже мѣшать не учтиво. Палка сверху и топоръ снизу — вотъ обыкновенный конецъ политической проповѣди, дѣйствующей подъ внушеніемъ страсти! О, съ этой стороны вы встрѣтите въ Россіи много сочувствія. Спросите у самаго тупого и закоснѣлаго врага просвѣщенія, военнаго или штатскаго, но въ особенности военнаго, который вслѣдъ за другими кричитъ противъ взятокъ и злоупотребленій, спросите его: какое отъ нихъ лекарство? У него одинъ отвѣтъ: палка! Топоръ еще не въ такомъ ходу; мы къ нему не такъ привыкли, но судя по письму, которое вы печатали въ Колоколѣ, и это средство начинаетъ пріобрѣтать популярность. Нѣтъ, всякій, кому дорога гражданская жизнь, кто желаетъ спокойствія и счастія своему отечеству, будетъ всѣми силами бороться съ такими внушеніями и пока у насъ есть дыханіе въ тѣлѣ, пока есть голосъ въ груди, мы будемъ проклинать и эти орудія, и эти воззванія.

И откуда вся эта тревога? По какому поводу возгорѣлось негодованіе? Право, когда подумаешь объ этомъ, становится и грустно и смѣшно. Не прошло еще года, съ тѣхъ поръ, какъ государь высказалъ твердое намѣреніе преобразовать старое крѣпостное право, и тогда вы восклицали: «ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» Дѣло пошло въ ходъ, собрались созванные правительствомъ комитеты, обсуждаются новыя мѣры. Казалось бы, прежде, нежели комитеты представятъ свои работы, прежде, нежели правительство сдѣлаетъ свое заключеніе, нельзя объ этомъ вопросѣ сказать ничего положительнаго. Вѣдь вы, надѣюсь, не воображаете, что освобожденіе крестьянъ дѣло такое же легкое, какъ написать с т а т е й к у въ Колоколъ. Вѣковыя запутанныя учрежденія, отношенія, обхватывающія жизнь до самой ея глубины, нельзя переворотить въ два, три мѣсяца. Тутъ замѣшаны люди, тутъ дѣйствуютъ страсти, тутъ заживо задѣты самые противуположные, и при томъ животрепещущіе интересы. Нужно время, чтобы все изслѣдовать, обдумать, согласить и устроить; нужно терпѣніе, чтобы дать преобразованію мирный и законный исходъ. Но терпѣніе, умѣніе выжидать, эта первая политическая добродѣтель зрѣлыхъ народовъ, н е в ъ н р а-

вахъ людей, которые привыкли истощаться гнѣвомъ и негодованіемъ. Прежде, нежели что либо успѣло совершиться, вы уже забили тревогу, вы отъ восторга перескочили къ отчаянію: все пропало,—правительство пошло назадъ, Александръ II не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ, крестьяне, точите топоръ! Что же случилось въ этотъ промежутокъ? Закрыты ли комитеты? Измѣнены ли существенныя условія преобразованія? Ничуть не бывало. Муравьевъ разослалъ циркуляръ, который вовсе не относится къ вопросу; Ростовцевъ, говорятъ, приготовилъ плохой проэктъ; нѣкоторые помѣщики продолжаютъ употреблять во зло свою власть, что неизбѣжно пока ихъ власть неограничена, и тому подобное. Вотъ что произвело такой внезапный переворотъ. Ну, скажите, не похоже ли это на шутку? Въ послѣднемъ листѣ Колокола вы написали къ императрицѣ письмо, исполненное прекрасныхъ мыслей и чувствъ. Съ трепетомъ ожидаю появленія слѣдующаго листа. Боюся, что и она не оправдаетъ надеждъ, которыя вы на нее возложили. Ваши надежды воспламеняются такъ легко и исчезаютъ такъ быстро.

Въ пылу страсти вы забываете не только время, людей, обстоятельства, вы забываете даже собственное свое положеніе. Слѣдовать за минутными увлеченіями общества, носиться по вѣтру, который измѣняется въ ту или другую сторону, можно еще, когда журналистъ живетъ среди этого общества. Но когда станокъ его на другомъ концѣ Европы, когда слово его едва доходитъ въ отечество спустя два, три мѣсяца, къ чему ведетъ подобная тактика? Удары по неволѣ должны разразиться въ пустотѣ. Положимъ на примѣръ, что статьи, въ которыхъ вы говорите, что все пропало, что Александръ II не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ, дошли въ Москву въ то время, когда государь говорилъ свою рѣчь дворянству. Какое впечатлѣніе произведутъ они на читателей? Звонятъ въ набатъ, а поводъ къ трезвону не только давно забытъ, но оказывается, что это пустой пуфъ, подхваченный легковѣріемъ. Какъ вы думаете, увлекаясь такимъ образомъ сами, въ состояніи ли вы увлекать другихъ?

Къ несчастію, даже эти промахи не остаются безъ печальныхъ послѣдствій. Умѣренностію, осторожностію, разумнымъ обсужденіемъ общественныхъ вопросовъ вы могли внушить къ себѣ довѣріе правительства; въ настоящее время вы только его пугаете. Все, что есть въ Россіи невѣжест-

веннаго, отсталаго, закоснѣлаго въ предразсудкахъ, погрязшаго въ мелкихъ интересахъ, все это съ торжествомъ указываетъ на васъ и говоритъ: вотъ послѣдствія либеральнаго направленія, вотъ что производитъ слово, освобожденное отъ оковъ. Грустно сказать, что первый свободный русскій журналъ служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу цензуры, если только въ пользу цензуры могутъ быть сильныя доказательства.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что вы, который *увлекаетесь и увлекаете* другихъ, увлекли бы за собою русское общество, и Россія наполнилась бы людьми, которые кидаются въ крайность, истощаются гнѣвомъ и негодованіемъ, перегораютъ быстро и умираютъ на полудорогѣ. Представьте себѣ, что въ нѣдрахъ нашего отечества завелось бы нѣсколько Колоколовъ, которые бы всѣ въ разныя голоса стали звонить по вашему примѣру, которые бы наперерывъ стали раздувать пламя, разжигать страсти, взывать къ палкѣ и топору для осуществленія своихъ желаній. Что будетъ правительство дѣлать съ такимъ обществомъ? Къ чему можетъ повести разгаръ общественныхъ страстей, какъ не къ самому жестокому деспотизму? Каждая почти революція представляетъ этому примѣръ. И точно, если больной, вмѣсто того, чтобы спокойно и терпѣливо выносить леченіе, предается бѣшеннымъ порывамъ, растравляетъ себѣ раны и хватается за ножъ, чтобы отрѣзать страдающій членъ, съ нимъ нечего больше дѣлать, какъ связать его по рукамъ и по ногамъ.

Въ обществѣ юномъ, которое не привыкло еще выдерживать внутреннія бури и не успѣло пріобрѣсти мужественныхъ добродѣтелей гражданской жизни, страстная политическая пропаганда вреднѣе, нежели гдѣ либо. У насъ общество должно купить себѣ право на свободу разумнымъ самообладаніемъ, а вы къ чему его пріучаете? Къ раздражительности, къ нетерпѣнію, къ неуступчивымъ требованіямъ, къ неразборчивости средствъ. Своими желчными выходками, своими незнающими мѣры шутками и сарказмами, которые носятъ на себѣ заманчивый *покровъ* независимости сужденій, вы потакаете тому легкомысленному отношенію къ политическимъ вопросамъ, которое и такъ уже слишкомъ у насъ въ ходу. Намъ нужно независимое общественное мнѣніе, это едва ли не первая наша потребность, но общественное мнѣніе умѣренное, стойкое, съ серьезнымъ взглядомъ на вещи, съ крѣпкимъ зака-

ломъ политической мысли, общественное мнѣніе, которое могло бы служить правительству и опорою въ благихъ начинаніяхъ и благоразумною задержкой при ложномъ направленіи. Вотъ чего у насъ не достаетъ, вотъ къ чему мы должны стремиться. Бранью-же, боже мой! и безъ того полнится русская земля. Всѣ браняуъ, отъ малаго до великаго во всѣхъ сферахъ, на всѣхъ ступеняхъ общества, вездѣ слышишь одно и тоже— критику безцѣльную, безплодную, безтолковую. Тошно становится отъ этого хора. Поэтому не удивляйтесь, что васъ находятъ еще слишкомъ умѣреннымъ, не радуйтесь, что ваши шутки, насмѣшки встрѣчаютъ себѣ отзывъ и одобреніе. Этою пищею мы всегда готовы пользоваться, она дается и принимается такъ легко и остроуміе у насъ въ такомъ почетѣ! Оно замѣняетъ всю государственную мудрость, образованіе, трудомъ добытую мысль, знаніе дѣла: на немъ основывались блистательныя карьеры, колоссальныя репутаціи; на немъ выѣзжали въ министры, въ генералы, въ дипломаты. У насъ нѣтъ болѣе вѣрнаго средства пріобрѣсти себѣ всеобщую дань благодарности и удивленія, какъ рѣшать всѣ государственные и финансовые вопросы остроумными выходками. Это избавляетъ читателя отъ работы, отъ умственнаго напряженія. Легко и пріятно получается готовый и притомъ услаждающій результатъ, который служитъ отвѣтомъ на всѣ возраженія. Неистощимый запасъ остротъ—вотъ самое надежное ручательство за успѣхъ журнала. Приглашайте Александра II къ сотрудничеству, пойте акаѳисты Норову и Вяземскому, печатайте фарсы, сочиненные на Панина, — все это будетъ принято съ восторгомъ, все это будетъ переходить съ устъ въ уста. Только врядъ ли подобное направленіе встрѣтитъ сочувствіе п р о с в ѣ щ е н н ы х ъ людей въ Россіи. Они смотрятъ на дѣло нѣсколько серьезнѣе. Имъ кажется, что привычка замѣнять дѣло эффектомъ, бездѣліемъ опасна для политическаго образованія народа, что общество воспитанное на остроумныхъ выходкахъ, становится не способнымъ къ разумному рѣшенію тяготѣющихъ надъ нимъ вопросовъ; наконецъ имъ хотѣлось бы, чтобы свободное русское слово отвѣчало на благородную потребность политической мысли, а не на безплодную потребность брани и остроты.

Вотъ, милостивый государь, объясненіе тѣхъ упрековъ, въ которыхъ вы сочли нужнымъ оправдываться передъ публикой. Существенный смыслъ ихъ тотъ, что въ политическомъ жур-

налѣ увлеченія страсти должны замѣняться зрѣлостью мысли и разумнымъ самообладаніемъ. Если подобное требованіе есть доктрина, пусть это будетъ доктринерствомъ, объ словѣ нечего спорить. Вамъ такой образъ дѣйствія не нравится, вы предпочитаете быстро перегорать, истощаться гнѣвомъ и негодованіемъ. Истощайтесь! таковъ вашъ темпераментъ; его не перемѣнишь. Но позвольте думать, что это не служитъ ни къ пользѣ Россіи, ни къ достоинству журнала, и что во всякомъ случаѣ нечего этимъ величаться.

За симъ всякій охотно признаетъ за вами существенную заслугу — раскрытіе злоупотребленій. Передъ вашей уликой задумается лихоимецъ и притѣснитель въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ Россіи. Правительственнаго контроля онъ не боится, онъ съ молоду привыкъ его обходить, но онъ не уйдетъ отъ контроля гласности, которая невидимо сторожитъ его въ лицѣ всѣхъ окружающихъ, и обличитъ преступленіе на другомъ концѣ Европы, на островѣ, который хранитъ неприкосновеннымъ ея священное знамя. Съ этой стороны, повторяю, вы имѣете право на благодарность всѣхъ и каждаго, каково бы ни было различіе политическихъ направленій.

Ч.

3. ПИСЬМА К. ДМ. КАВЕЛИНА,

НАПЕЧАТАННЫЯ ВЪ Колоколѣ (№№ 30 и 31)

Замѣтка редакціи Колокола къ первому письму.

Неизвѣстный кореспондентъ прислалъ намъ изъ Германіи отвѣтъ г-ну Ч. на «Обвинительный актъ» его противъ насъ. Мы были прежде увѣрены, что строгій судья нашъ, если и найдетъ себѣ симпатію въ станѣ нашихъ противниковъ, то въ той средѣ, которую мы считаемъ нашей, ее не найдетъ,— а все таки намъ было дорого прочитать слова дружеской защиты. Жаль намъ, что авторъ отвѣта тоже требуетъ, чтобъ мы напечатали его письмо. Если noblesse oblige печатать противъ себя, то decorum oblige не печатать статей за себя. Еслибъ у насъ и оставалось что нибудь непріятнаго не отъ статьи г. Ч., а отъ ея строгаго тона, все это сторицей

вознаграждено нѣсколькими полученными письмами, и больше всего отвѣтомъ анонимнаго друга. Вотъ письмо, при которомъ прислана статья.

Первое письмо К. Дм. Кавелина.

Милостивый Государь.

Въ 29 листѣ «Колокола» напечатанъ «Обвинительный актъ» отъ лица «значительной части мыслящихъ людей въ Россіи». Многіе, считая себя мыслящими, точными и обдуманными людьми, нашли оскорбительнымъ для нихъ, принять на себя участіе въ «обвинительномъ актѣ»; а потому поручили мнѣ написать протестъ, который при семъ прилагается и который мы требуемъ напечатать въ «Колоколѣ».

Можетъ быть для васъ покажется нѣсколько щекотливымъ печатать такой протестъ, въ которомъ излагаются взгляды на характеръ вашей дѣятельности. Но позвольте вамъ сказать: во первыхъ изложеніе этихъ взглядовъ требовалось сущностью дѣла; во-вторыхъ — вопросъ касается не столько васъ, сколько насъ, а главнѣе всего принципа. «Обвинительный актъ» предаетъ посмѣянію то, что бьется въ груди. Это посмѣяніе высказано Русскимъ и, какъ говоритъ авторъ, отъ лица русскихъ мыслящихъ людей. Послѣ этого мы не можемъ и не должны молчать, а вы не можете и не имѣете права отказать намъ высказать, во всеуслышаніе, наше слово, на которое, мы увѣрены, отзовутся всѣ теплыя сердца, которыми не бѣдна русская земля. Печатая «Обвинительный актъ», вы печатали его не на одного себя, вы печатали его также на насъ и на самой принципъ, а потому вы обязаны напечатать и нашъ протестъ.

Вмѣстѣ съ этимъ посылаю вамъ первое письмо къ автору статьи «Реформа сверху или реформа снизу». Это письмо есть тоже выраженіе мнѣнія многихъ, хотя и не вполнѣ всѣхъ тѣхъ, которые требуютъ печати протеста. Съ перваго взгляда содержаніе этого письма можетъ показаться, для многихъ, не согласнымъ съ вашими убѣжденіями, и потому это обстоятельство можетъ остановить васъ печатать его. Но мнѣ кажется, что вы давно уже высказывали совершенно подобные взгляды, которые служатъ только подтвержденіемъ убѣжденій высказаныхъ въ письмѣ къ автору

статьи «Реформа сверху или реформа снизу». Вспомните вашъ справедливый судъ надъ временнымъ правительствомъ и надъ національнымъ собраніемъ 1848 года во Франціи; вспомните также то, что во всѣхъ вашихъ сужденіяхъ, вы ясно выражаете, что желаете не формъ, а сущности. Во всякомъ случаѣ содержаніе самой моей статьи покажетъ вамъ, что вопросы, тронутые ею, требуютъ диспута, и диспута свободнаго, не стѣсняемаго цензурой. Вашею жизнію и дѣятельностью вы доказали вашу любовь къ Россіи; а потому если бы даже сущность мнѣній высказываемыхъ въ этой статьѣ и не согласовалась вполнѣ съ вашими убѣжденіями, то изъ любви къ Россіи вы должны допустить въ вашемъ журналѣ свободный диспутъ.

Второе письмо К. Дм. Кавелина.

М. Г. — Въ 30 листѣ «Колокола» вы напечатали мое письмо къ вамъ, съ предисловіемъ, въ которомъ вы говорите, что «decorum oblige» васъ не печатать нашего протеста, противъ «обвинительнаго акта» г. Ч.

Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что если вы прочтете еще разъ нашъ протестъ, то вы увидите, что основной смыслъ его не защита васъ, но защита принципа, что большинство читателей и увидитъ ясно. Сужденія о характерѣ вашей дѣятельности, какъ я уже вамъ сказалъ въ первомъ письмѣ, были неизбѣжны; а потому позвольте вамъ повторить еще разъ, что вы не имѣете права не напечатать нашего протеста, въ которомъ трогаются нѣкоторые вопросы, не касающіяся васъ *).

Примите и проч. Русской.

---

*) Мысль, что найдутся люди, которые подумаютъ, что отвѣтъ сдѣланъ или вызванъ самой редакціей, дѣйствительно останавливала насъ. Но безъ сомнѣнія нашъ защитникъ имѣлъ тоже право на нашу печатную гласность, какъ нашъ обвинитель, и мы печатаемъ его отвѣтъ.

Мы получили еще четыре письма, въ которыхъ рѣзко нападаютъ на статью г. Ч. Въ двухъ насъ упрекаютъ, зачѣмъ мы помѣстили ее. Еслибъ публикованіе «обвинительнаго акта» только и принесло что эти горячіе, полные любви и симпатіи протесты, то я конечно не сталъ бы раскаяваться въ томъ, что напечаталъ. Привыкнемъ-те же наконецъ къ свободѣ не только мнѣній, но и громкаго высказыванія ихъ. И—ръ.

Автору „Обвинительнаго акта“ Г. Ч.

Милостивый государь,

Вы явились съ обвинительнымъ актомъ отъ лица многихъ мыслящихъ людей, какъ вы говорите. Я же являюсь съ протестомъ, тоже отъ лица многихъ, и тоже, отъ не немыслящихъ людей.

Я не буду входить въ разбирательство справедливости или несправедливости вашихъ обвинительныхъ пунктовъ. Допустимъ, что я согласенъ съ вами. Я хочу обсудить вашъ поступокъ; изъ обсужденія его, само собою, выкажется, кто правъ, и кто виноватъ.

Позвольте спросить, что побудило васъ написать письмо? Искреннее, теплое желаніе добра, пользы?.... Нѣтъ, м. г., въ такомъ случаѣ вы поступили бы не такъ; вы не требовали бы печати, вы писали бы не на тотъ ладъ, не тѣмъ тономъ. Требуя печати, значитъ вы писали для «эфектнаго бездѣлія» (выраженіе г. Ч.), вы руководились не увлеченіемъ теплаго сердца — содержаніемъ письма и собственнымъ сознаніемъ вы доказали, что вы не способны къ этому. — Вы написали увлеченные обидчивымъ самолюбіемъ. Изъ вашего письма, развѣ только одинъ слѣпой не увидитъ, что васъ задѣлъ за живо отзывъ «Колокола» о доктринерахъ. Почему же вы прежде не вступали въ подобныя объясненія?... видно камушекъ попалъ въ огородъ.

Люди, отъ лица которыхъ я пишу, считаютъ себя, также какъ вы считаете себя, людьми мыслящими и глубоко обдуманными; считаютъ даже, что они обдуманнѣе васъ; они имѣютъ право сдѣлать такое предположеніе, ибо, изъ суда надъ вашимъ письмомъ, вы сами увидите свою непослѣдовательность и слѣдовательно необдуманность. Эти люди полагаютъ, что они проникнуты зрѣлою, твердою, продуманною сердцемъ и разумомъ мыслію, мыслію вытекающею изъ всего существа человѣка; эти люди черпаютъ свои мысли изъ одного общаго источника, они выводятъ все изъ одного общаго начала; а потому они не могутъ спотыкаться, но могутъ постоянно ошибаться; отъ своей мысли эти люди не откажутся до гробовой доски, ибо убѣждены, что она истина, истина непреложная, непогрѣшимая, непобѣдимая. Доктринеры-ли эти люди, по наружности, или нѣтъ? Какъ, кажется,

было не обидѣться этимъ людямъ?... А нѣтъ, не обидѣлись. И знаете почему?... Потому, что въ ихъ груди тепло; потому, что они поняли, поняли сердцемъ и головой, поняли всѣмъ человѣческимъ существомъ, что сердце необходимо для мысли и для разработки ея; поняли, что дѣятель и мыслитель безъ сердца — гробъ.

Не смотря на то, эти люди сдерживаютъ порывы сердца, сдерживаютъ увлеченіе. Но не потому, что считаютъ увлеченіе преступленіемъ, не потому что не оправдываютъ его, не потому, что издѣваются и гаерничаютъ надъ нимъ... нѣтъ; они не увлекаются потому, что считаютъ, до поры до времени, неизбѣжнымъ имѣть тоже вооруженіе, какъ и вы, чтобъ навѣрное разить васъ, васъ холодныхъ доктринеровъ, васъ воспитанниковъ фальшивой науки, васъ, которые царствуютъ и мертвятъ все, васъ, которыхъ надо спихнуть.

Сосредоточиваясь въ себѣ, эти люди вырабатываютъ мысль до совершенной зрѣлости, вырабатываютъ ее такъ, чтобъ для васъ незамѣтно было въ ихъ мысли участіе сердца, — вѣдь отсутствіе участія сердца въ мысли есть, для васъ, первый признакъ ея здравости. Мысль этихъ людей, при томъ же наружномъ вооруженіи, какъ и ваша, кроетъ въ себѣ теплоту, душу, сердце; ихъ мысль—полнота, жизнь, свѣжесть, зрѣлость; ваша — вооружена, но бездушна и скоро сдастъ.

И такъ, только одна необходимость имѣть противъ васъ однородное оружіе, заставляетъ этихъ людей сосредоточиваться, но и сосредоточиваніе въ себѣ стоитъ дорого, это есть самоуничтоженіе, это есть самоѣдство, это — вериги. Одно только сознаніе страшной опасности, которая грозитъ нашей Россіи отъ вашего направленія, можетъ побудить этихъ людей къ такому самопожертвованію.

Теперь вы должны понять почему, эти люди, одни изъ самыхъ точнѣйшихъ людей — не обидѣлись; вы должны понять теперь почему увлеченіе «Колокола» сродно ихъ душѣ. Они видятъ увлеченіе такъ же, какъ и вы, но они не только не издѣваются надъ нимъ, не только оправдываютъ его, но признаютъ законность и необходимость его. Они видятъ ошибки «Колокола», но въ тоже время видятъ въ немъ сердечный жаръ, горячую любовь добра и истины; они любятъ его, какъ любитъ его вся Россія. Еслибы вы не видѣли этого кругомъ васъ, вы не обратились бы къ нему съ тѣми требованіями, съ какими вы обратились въ вашемъ письмѣ.

Кто больше увлекался какъ не Бѣлинскій?... Что же — не думаете ли вы отвергнуть его значеніе и ту огромную пользу, которую принесъ этотъ человѣкъ, полный страсти, увлеченія и энергіи? А вѣдь безъ увлеченія онъ не сдѣлалъ бы того, что сдѣлалъ... Жаль, что его нѣтъ въ настоящую эпоху, — то то бы гремѣлъ громъ надъ вами...

Вы полагаете, что люди увлеченія, люди сердца безполезны, что вы одни только дѣлаете дѣло — ошибаетесь! Призваніе этихъ людей — шевелить, будить, одушевлять и оживлять все; призваніе же людей безъ теплаго сердца, не отвергая нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ, — по преимуществу призваніе отрицательное: своимъ не полнымъ, ограниченнымъ взглядомъ на жизнь, взглядомъ возмущающимъ душу, они призваны развивать энергію мысли тѣхъ, которые рано или поздно должны быть призваны къ дѣятельности положительной.

Вы съ презрительной, самодовольной усмѣшкой смотрите на движеніе сердца; вы гордитесь тѣмъ, что прониклись холодными принципами науки. Садитесь пожалуйста рядомъ съ вашими родными братьями, благородными представителями Франціи 1848 года, которые вызвали сами рѣзню, а потомъ нещадно казнили безвинныхъ. Будьте покойны, «Колоколъ» не будетъ причиной пролитія, хотя единой капли крови. Это вы! вы! единственно вы можете быть причиной.

Еслибъ «Колоколъ» зналъ, какая темная туча показывается на горизонтѣ отъ вашего направленія, еслибъ онъ могъ непосредственно видѣть ее, еслибъ обвиняемый вами могъ повѣрить тому, что то, что онъ заклеймилъ на Западѣ, имѣетъ претензію водвориться въ Россіи, то тогда «Колоколъ», мы увѣрены, тотчасъ бы почуялъ настоящаго сильнаго врага, и сталъ бы разить васъ, васъ тончайшихъ и, что всего хуже, безсознательныхъ враговъ прогресса, имѣющихъ, между тѣмъ, всю благовиднѣйшую наружность людей здраваго, положительнаго и правильнаго прогресса; онъ разилъ бы ваше направленіе съ тѣмъ горячимъ увлеченіемъ, которое составляетъ его свойство, его жизнь, его силу.

Что, еслибы обвиняемый вами, по вашему желанію, потерялъ увлеченіе; что, еслибы онъ задушилъ горячее, широкое сердце, которое чуется русскому человѣку; вѣдь онъ не могъ бы дарить больше тѣхъ страницъ, которыя онъ дарилъ и даритъ иногда, и которыя удовлетворяютъ и согрѣваютъ

человѣка. Кстати, беру примѣръ приведенный вами: письмо къ Государынѣ. Вѣдь для того, чтобъ написать такое письмо, надо то, что вы силитесь убить, надо сердце, надо увлеченіе. А кто можетъ сказать, что это письмо не будетъ имѣть значенія для будущаго Россіи; вѣдь это письмо такъ тепло, что разогрѣло даже васъ, издѣвающагося надъ сердцемъ и его жизнью.

Виноватъ ли «Колоколъ», что онъ дѣлаетъ ошибки, что онъ стрѣляетъ иногда холостыми зарядами, что онъ напечатаетъ иногда корреспонденцію изъ Россіи, написанную подъ вліяніемъ отчаянія, имѣющаго однако всегда основаніе въ видимомъ фактѣ; но степень важности и значенія котораго «Колоколъ» физически не имѣетъ возможности взвѣсить, а потому, принимая во вниманіе видимый характеръ факта, — не имѣетъ никакой причины не напечатать. Виноватъ не онъ, а мы всѣ, которые не даютъ ему вѣрнаго изображенія. Вѣдь «Колоколъ» отвѣчая на упреки, просилъ, чтобы ему покрикивали: «правѣе или лѣвѣе». Какъ же вы отвѣчали на это?... Вы написали обвинительный актъ, актъ, который съ отвлеченной точки зрѣнія имѣетъ долю истины, и какимъ тономъ написали вы? За тѣмъ вы требовали печати. Судъ цѣлой Россіи разразится надъ вами, за требованіе печати вашего письма... Жалѣю васъ!

Вы сами говорите, что «Колоколъ» есть «сила и власть въ государствѣ», вы сами говорите, какое значеніе онъ можетъ имѣть; какъ же вы, послѣ этого, начинаете глумиться и требовать печати? Я не только имѣю право усумниться въ вашей любви къ истиннымъ пользамъ Россіи, но положительно убѣждаюсь, вашимъ поступкомъ, т. е. тономъ письма и требованіемъ его печати, что въ васъ нѣтъ и искры добраго желанія.

Оцѣняя значеніе «Колокола» и искренно желая добра Россіи, вы бы должны были указать «Колоколу» всѣ его ошибки, указать вѣрныя черты нашего положенія, указать самымъ убѣдительнымъ образомъ и, за тѣмъ не требовать печати письма. А въ вашемъ поступкѣ есть ли послѣдовательность, есть ли обдуманность, которой вы колете глаза?— Ссылаемся на судъ всѣхъ. Если вы не могли обдумать такого не сложнаго вопроса, чего же можно ожидать отъ вашей обдуманности? Еслибы вашъ умъ приводился въ движеніе сердцемъ, такъ вы поступили бы такъ, какъ я вамъ сказалъ, и поступили бы послѣдовательно и обдуманно. Ви-

дите-ли, что безъ участія сердца, нельзя обдумать вѣрно, даже маленькаго дѣла, а объ громадныхъ человѣческихъ вопросахъ и говорить нечего.

Не ясно-ли видно теперь, что вы явились съ вашимъ письмомъ не для благаго совѣта: не ясно-ли что вы поступили необдуманно, слѣдовательно въ необдуманности не имѣли права упрекать; не ясно-ли, что вы просто на просто задѣтые за живо отзывомъ о доктринерахъ, вздумали эффектно побездѣльничать.

Вы чрезвычайно справедливо замѣчаете въ вашемъ письмѣ о страсти общества къ остроумію и о преклоненіи передъ нимъ. За чѣмъ же большая часть вашего письма вертится на сгараніи и т. д. Вы доказали, что въ васъ не можетъ загорѣться теплое чувство, отъ того вы и подхватили эти слова. Но дѣло не въ томъ, вы нападаете на наклонность къ остроумію, а сами десять разъ, въ коротенькомъ письмѣ, пускаетесь на остроты. Гдѣ же послѣдовательность? Гдѣ же обдуманность?

Вы говорите обвиняемому, что онъ преступникъ передъ исполненіемъ своей великой задачи. А вы, исполнили вашу задачу, безъ исполненія которой неисполнима задача «Колокола»? Сообщали-ли вы «Колоколу» вѣрныя данныя о состояніи Россіи? Вѣдь изъ газетъ—изъ нашихъ-ли, изъ иностранныхъ-ли — не много узнаешь вѣрнаго о Россіи. Ошибки и промахи «Колокола» лежатъ на насъ, а не на немъ. Вы болѣете о томъ, что ошибки и увлеченія подрываютъ значенія «Колокола», а ваше письмо съ требованіемъ печати, позвольте васъ спросить: съ намѣреніемъ поддерживать его значеніе что-ли, написано? Ваше письмо, безъ приличнаго суда отъ многихъ, чуждыхъ совершенно редакціи «Колокола», могло бы имѣть нѣкоторое значеніе, но мы убѣждены, что общественное мнѣніе произнесетъ надъ нимъ достойный приговоръ.

Скажите пожалуйста, какъ отозвались въ васъ эти слова обвиняемаго: «Еслибъ я повѣрилъ этому, (т. е., что дѣло его жизни приноситъ вредъ Россіи) я нашелъ бы самопожертвованіе передать свое дѣло другимъ рубамъ и скрыться гдѣ нибудь въ глуши, скорбя о томъ, что ошибся цѣлой жизнію». Вѣдь это не фраза, вѣдь цѣлой жизнію обвиняемый доказалъ, что это не фраза. Допустимъ, что онъ ошибается въ своей дѣятельности, но отвѣчайте, съ какимъ намѣреніемъ онъ пожертвовалъ всѣмъ близкимъ, съ какимъ намѣ-

реніемъ онъ подвергъ себя остракизму? — для того чтобы вредить Россіи, что-ли? Какъ же вы поддерживаете это самоотверженіе? Пусть обвиняемый не сдѣлалъ ничего больше, какъ открылъ контроль общественнаго мнѣнія и гласность преступленій, — этого мало съ васъ? Вѣдь тошно читать вашу благодарность объ этомъ. Развѣ вы можете отвергнуть, что этотъ контроль предупредилъ тысячи и тысячи преступленій, тысячи и тысячи горькихъ жертвъ. Русскій человѣкъ и въ испорченномъ видѣ не теряетъ окончательно совѣсти — для него, выставка, выше всякаго наказанія. Что, кажется, было умнѣе открыть эдакой контроль давно. Однако одинъ умъ безъ сердца не придумалъ этого. Вѣдь надо было увлеченіе, чтобъ поступить такъ, какъ поступилъ обвиняемый вами; вѣдь это сердце руководило его умъ. Видите-ли опять, что безъ увлеченія нельзя дѣлать ни умныхъ, ни добрыхъ дѣлъ. По какому праву вы рѣшились обвинять публично другаго, что онъ мало дѣлаетъ пользы людямъ? Чтобъ обвинять въ этомъ, надо самому сдѣлать больше, или, по крайней мѣрѣ столько же. Скажите по совѣсти, неужели вы думаете, что принесли больше пользы, чѣмъ обвиняемый вами? Какъ бы ни былъ вашъ трудъ почтенъ и уважителенъ, какая бы ни была ваша дѣятельность, ученая или административная,— вы приносите пользу но вы не можете еще въ сію минуту сказать, что вы принесли хотя одну сотую долю той пользы, какую принесъ Россіи обвиняемый вами. И такъ вы не имѣли права являться съ обвинительнымъ актомъ и провозглашать, что обвиняемый ничего больше не дѣлаетъ, какъ только увлекается. Увлеченіе подвигнуло его на самоотверженіе, увлеченіе положило основу той пользы, которую онъ приноситъ, увлеченіе намъ дорого, увлеченіе намъ нужно, увлеченіе и самопожертвованіе заповѣдалъ намъ Христосъ своею жизнію и смертію.

Поступокъ вашъ разобранъ; обращаюсь теперь къ нѣкоторымъ взглядамъ, высказаннымъ въ вашемъ письмѣ.

Вы говорите напримѣръ, что еслибы въ нѣдрахъ нашего отечества завелось нѣсколько «Колоколовъ», то это повело бы къ гибельному разгару общественныхъ страстей. Далѣе вы говорите, что: «въ обществѣ юномъ, которое не привыкло еще выдерживать внутреннія бури и не успѣло пріобрѣсти мужественныхъ добродѣтелей гражданской жизни, страстная политическая пропаганда вреднѣе, нежели гдѣ

либо». Читая эти строки невольно вспоминаешь прописи и какъ-то мутитъ подъ ложкой, такъ эта тирада прѣсна и возмущаетъ душу, когда подумаешь, что она писана претендентомъ на мыслителя, кажется, изъ новаго поколѣнія. Неужели же вы серьезно думаете, что можно разжигать словомъ общественныя страсти и вообще дѣлать общественныя движенія — да еще гдѣ, въ Россіи, полной здраваго смысла— въ томъ случаѣ, когда эти движенія не соотвѣтствуютъ потребности общества, и когда онѣ не должны бы были совершиться сами собою, въ силу обстоятельствъ... Если вы такъ думаете, то вы, позвольте вамъ сказать, не мыслитель. Вѣдь ваше предположеніе противно закону природы и опровергается маленькими примѣрами: Англіей и Соединенными Штатами. Если вы такого убѣжденія, напрасно вы работаете для Россіи, вы худое сѣмя, вамъ лучше поступить на службу во Франціи.

Читая мое письмо, вы, конечно, подумаете, что надо защищать цензуру. Но позвольте вамъ сказать, что вашъ поступокъ и тонъ вашего письма должны оправдать и не такое письмо, какое я вамъ пишу. Еслибы поступокъ, подобный вашему поступку, сдѣлалъ человѣкъ необразованный, неразвитый, невыдающій себя за передоваго, мыслящаго человѣка Россіи, тогда я бы и не подумалъ черкнуть перомъ. Но подобный поступокъ, совершенный такимъ человѣкомъ, какимъ вы выдаете себя, мутитъ кровь.

Упоминая о вопросѣ освобожденія крестьянъ, — вы говорите, что эта реформа не можетъ совершиться вдругъ и нѣсколько разъ повторяете о противоборствующихъ стремленіяхъ, о враждебныхъ и животрепещущихъ интересахъ, о вѣковыхъ узлахъ, о вѣковыхъ запутанныхъ учрежденіяхъ и т. п.; вы говорите, что нужно терпѣніе, осторожность, что надо все изслѣдовать, обдумать, согласить и устроить. Экой наборъ ничего неговорящихъ словъ! Что вы сказали этими фразами? Нѣтъ, коли вы явились, добровольно, обвинителемъ въ необдуманности, такъ подавайте намъ не пустословіе, а вашу обдуманную мысль. Давайте ее сюда, гдѣ она? иначе вы должны молчать. Но въ томъ-то и дѣло, что у васъ ея нѣтъ; въ противномъ случаѣ вы бы не говорили общими мѣстами и при томъ ничего не опредѣляющими.

Читая ваши взгляды на вопросъ реформы, мнѣ представилось, что они имѣютъ сходство со взглядами слесаря, передъ которымъ навалили груду всевозможныхъ частей машины и говорятъ ему: собери машину и пусти въ ходъ. Слесарь можетъ быть и отличный мастеръ, отлично умѣетъ ковать, пилить, точить нѣкоторыя части машины, но онъ все таки слесарь, а не механикъ. Разумѣется, этому слесарю надо время, надо терпѣніе, надо осторожность, надо все изслѣдовать и обдумать, какая часть машины куда слѣдуетъ, надо сто, тысячу разъ перебрать каждую часть, испытать разныя комбинаціи. И будетъ слесарь изслѣдовать и собирать машину нѣсколько лѣтъ, и все таки соберетъ ее ощупью, все таки машина будетъ скрипѣть. А придетъ механикъ и соберетъ ее въ часъ, и пойдетъ машина работать такъ, что любо смотрѣть.

Вопросъ реформы поднятъ, и поднятъ въ такомъ видѣ, что некогда дожидаться, когда слесаря изслѣдуютъ и перепробуютъ всѣ части, надо призвать механиковъ и тогда машина быстро соберется и не будетъ скрипѣть, и удовлетворитъ всѣхъ и вся.

Дѣло не въ томъ, чтобы въ сію же минуту, физически возможно было порѣшить выполненіе реформы, но надо не медля же опредѣлить вопросъ такъ, чтобъ помѣщикъ и крестьянинъ знали: что каждый изъ нихъ будетъ, и когда именно будетъ. И это «когда» не должно быть длинно — много, много два-три года. Тогда все будетъ покойно. А теперь, кто что знаетъ? Вы все обдумываете да изслѣдываете, а все таки не знаете до сихъ поръ, какъ опредѣлить отношенія. Обдумывайте, изслѣдывайте, но помните, что отъ вашего обдумыванія и изслѣдованія, оставляющаго поднятый вопросъ въ неопредѣленности, тысячи и тысячи должны неизбѣжно выстрадать пытки плетей и палокъ и потянуться, позвякивая цѣпями, въ Сибирь; и эти тысячи и тысячи будутъ цвѣтъ русскаго народа.

Вдругъ! именно вдругъ — должна быть совершена реформа. Этого требуютъ обстоятельства, а главнымъ образомъ, такая реформа самая разумная, самая правильная.

Вы не знаете, какъ приступить къ подобной реформѣ; вы видите неисчислимыя запутанности; отъ того вы и возлагаете надежды на комитеты. Комитеты не могутъ ни рѣшить, ни даже подвинуть вопроса ни на шагъ. Они не тѣмъ

занимаются. Опредѣленіе положенія крестьянъ должно быть общее, единое, отвѣчающее потребности всего русскаго народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно быть такого рода, чтобъ удовлетворяло всѣмъ условіямъ каждой наималѣйшей деревеньки, безъ малѣйшаго нарушенія чьихъ бы то ни было интересовъ. Вотъ задача. Мы — отъ лица которыхъ я пишу— мы имѣемъ рѣшеніе этой задачи. Мы могли рѣшить эту задачу потому, что у насъ есть одно общее начало, одинъ ключъ, который открываетъ всѣ двери и безъ котораго, чуть только вопросъ незнакомъ и сложенъ, всегда приходится путаться, и обдумывать, и изслѣдовать его всю жизнь, не двигаясь впередъ. Мы могли рѣшить потому, что, подчиняя нашу дѣятельность вліянію сердца, — нашъ трудъ надъ вопросомъ реформы начинается съ тѣхъ поръ, какъ мы помнимъ себя, а не съ тѣхъ поръ, какъ разбудилъ васъ голосъ царя. Мы могли наконецъ рѣшить этотъ вопросъ потому, что знаемъ свой народъ, знаемъ Россію, не изъ книгъ, а въ дѣйствительности, отъ Сѣвера до Юга, отъ Запада до Востока.

Въ одномъ мѣстѣ вашего письма, вы говорите, что «народъ съ ужасомъ увидалъ свое растлѣніе...» Какъ?... такъ народъ русскій находится въ растлѣніи? Хорошо же вы понимаете русскій народъ. Боже мой, что за страшная слѣпота! Да, позвольте, я васъ сейчасъ уличу. Вѣдь растлѣніе можетъ быть только при дряхлости общества — такъ-ли? Какъ же вы дальше пустили тираду объ «юномъ обществѣ?» Какъ согласить эти взгляды? Видите-ли, какая непослѣдовательность и необдуманность. Вы не могли согласить вашихъ сужденій въ маленькомъ письмѣ, значитъ ваши взгляды путаются; немудрено послѣ этого, что вопросъ о реформѣ представляется вамъ путаницей, которую конечно вы вѣкъ не распутаете.

Растлѣнное общество не можетъ сознавать своего растлѣнія, иначе это не растлѣніе. Въ растлѣнномъ обществѣ, растлѣніе могутъ сознавать только умы исключительные; растлѣнное общество самодовольно и, такъ, въ самодовольствіи и сгибнетъ. Вы, какъ человѣкъ, видимо, образованный, конечно знаете исторію хорошо; но видно знать ее не значитъ еще понимать настоящій смыслъ историческихъ явленій; въ противномъ случаѣ вы не допустили бы такихъ несовмѣстныхъ взглядовъ объ народѣ, какіе вы выразили. Русскій народъ не растлѣнъ и не боленъ; на немъ есть ца-

рапины, въ прошедшемъ сдѣланныя, и сдѣланныя людьми со взглядами подобными вашимъ взглядамъ, царапины вашими же лекарствами леченныя и не залеченныя — позвольте теперь полечить намъ.

Въ вашемъ обвинительномъ актѣ, вы ясно высказали такую мысль: что, если бы я, напримѣръ, былъ редакторомъ журнала, который бы находился въ томъ независимомъ положеніи, какъ «Колоколъ», то то бы я надѣлалъ дѣла. Нечего сказать, много бы «Колоколъ» надѣлалъ дѣла, еслибы, такъ же, какъ вы, смотрѣлъ на народъ русскій, какъ на растлѣнный.

Досадуя на нѣкоторыя ошибки «Колокола», въ которыхъ виноваты мы сами, Русскіе, мы возложимъ полную надежду, что онъ, не взирая на ваше письмо, будетъ продолжать оживлять и грѣть душу и звонить сердечно. А мы, мы будемъ по прежнему сосредоточиваться, чтобъ вооружать новыя начала оружіемъ, подобнымъ вашему оружію, за тѣмъ, чтобъ явиться и побѣдить ваше царство, и побѣдить не въ одной Россіи, но и тамъ, гдѣ оно беретъ начало.

Намъ больно тратить время на вооруженіе нашего начала вашимъ оружіемъ, намъ тяжело это дѣлать тогда, когда эти начала должны уже примѣняться къ дѣлу. Мы знаемъ, что гораздо лучше и скорѣе можно достигнуть рѣшенія общественныхъ вопросовъ, обращаясь къ сердцу и къ разуму, двигающемуся сердцемъ; но повторяю, что мы вынуждены говорить одному уму, да еще уму, который будучи не одушевленъ сердцемъ, и тупъ, и непонятливъ; вынуждены потому, что прежде всего надо побѣдить васъ.

Вы смѣетесь что въ общественныхъ, государственныхъ, экономическихъ и вообще всѣхъ народныхъ вопросахъ можетъ играть роль сердце... Смѣйтесь! смѣйтесь! и въ смѣхѣ не успѣете опомниться, какъ ваши начала разобьются въ дребезги объ новыя начала.

Знайте! что всѣ настоящія путаницы, всѣ законы, весь старый хламъ, все рухнетъ и всѣ общественные вопросы разумъ построитъ на сердцѣ, на одномъ началѣ: «Люби ближняго, какъ самого себя». До тѣхъ поръ все будетъ путаться, до тѣхъ поръ нѣтъ исходу, до тѣхъ поръ мерзость запустѣнія. И эту задачу призванъ рѣшить, народъ рускій, и вы, вы стали на пути — прочь, посторонитесь или идите съ народомъ, а не то погибнете съ позоромъ!

Къ вамъ, молодые люди, къ вамъ, сидящимъ еще на ска-

мейкахъ и въ аудиторіяхъ, обращаюсь я теперь. Вамъ выпадаетъ на долю великое, не бывалое дѣло. Вы будете призваны спасти міръ и осуществить истинное царство христово. Начните съ того, что, изучая науки общественнаго устройства, по преимуществу касающіяся экономическихъ отношеній и естественныхъ правъ человѣка,— не вѣрьте имъ, какъ бы они, повидимому, не удовлетворяли; изучайте ихъ глубоко, для того, чтобъ убѣдиться, что въ нихъ забыто сердце; изучайте для того, чтобъ предать ихъ проклятію; изучайте для того, чтобъ разрушить ихъ и создать новое зданіе. Не забывайте, что царство христово еще нигдѣ не было на землѣ; что царствовала форма, а не сущность. Всѣ общества смѣются надъ истиной Христа, вездѣ душно, тѣсно сердцу. Только въ русскомъ крестьянскомъ полѣ — только на русской крестьянской сходкѣ — только въ русской деревнѣ отдыхаетъ сердце, становится широко и дышится свободно. Умрите, если будетъ нужно, — умрите, какъ мученики, — умрите за сущность, какъ умирали первые христіане за форму, — умрите за сохраненіе равнаго права каждаго крестьянина на землю — умрите за общинное начало!

4. Коллективное письмо къ К. Дм. Кавелину.

Ч. прислалъ Герцену при письмѣ отъ $^{13}/_{25}$ Февраля (напечатанномъ въ № 61—62 «Вольнаго Слова») переданное ему въ подлинникѣ коллективное письмо къ Кавелину:

Милостивый Государь
Константинъ Дмитріевичъ,

Позвольте выразить вамъ наше полное сочувствіе къ вашему письму, написанному въ отвѣтъ письму Г-на Ч., помѣщенному въ 29 № «Колокола».

И. Бабстъ. [1])
N. N.
П. Анненковъ
Ив. Тургеневъ
И. Масловъ
N. N.

---

[1]) Тою же рукою написано и письмо. *М. Др.*

Въ Post-Scriptum письма, при которомъ Ч. Герцену послалъ вышеприведенное колективное письмо, стоитъ:

Приведу примѣръ, до какой степени у насъ направленія неопредѣленны. Мельгуновъ писалъ вамъ, что я — авторъ письма въ первой книжкѣ «Голосовъ изъ Россіи». Объ этомъ мы съ вами поговоримъ при свиданіи. Надобно знать исторію этого письма, чтобъ извинить то, что могло показаться вамъ въ немъ оскорбительнымъ. Теперь же скажу вамъ только одно: половину письма писалъ Кавелинъ и я воздерживалъ слишкомъ вѣрноподданническія его изліянія. Вотъ и судите!

ПИСЬМО IV.

(Августъ 1859)

Англійскій Zopf требуетъ, чтобъ въ книгѣ, пересылаемой въ Англію, не было никакой надписи, иначе вся книга идетъ за письмо, и пересылка стоитъ вѣса золота. Чтобъ избѣжать этого, я вкладываю дедикацію въ это письмо, а книгу ты получишь особо, подъ бандеролемъ.

Прощай еще разъ, другъ и сердце мое!

Письмо мое писано подъ впечатлѣніями очень грустной минуты. Сегодня я спокойнѣе и смотрю на вещи радужнѣе. Сегодня я думаю о томъ, какъ я счастливъ, что видѣлся съ тобою, что ты для меня опять не отвлеченная идея, а живой человѣкъ, столько же дорогой какъ прежде, но если можно — еще болѣе близкій по образу мыслей. Веди свое дѣло, какъ до сихъ поръ велъ, слушаясь совѣтовъ очень осторожно, развѣ въ мелочахъ. Тебѣ нѣтъ настоящихъ совѣтчиковъ, потому что ты смотришь и видишь страшно далеко. Такъ я убѣжденъ и горжусь тѣмъ, что живя съ тобою на разныхъ оконечностяхъ Европы я, почти самъ собою, пришелъ къ тѣмъ же результатамъ. Но мнѣ это было легче, чѣмъ тебѣ, и многое въ моихъ мысляхъ было выводомъ изъ толчка, который я получилъ отъ тебя изъ твоихъ публикацій. Пока эти мысли будутъ поняты, — пройдетъ много и много времени! У насъ люди тоже очень мелки и стерты, и потому имъ легче тащиться въ битой колеѣ, чѣмъ прокладывать путь по цѣлику. Моя статья о русской сель-

ской общинѣ не произвела впечатлѣнія, возраженія противъ нея ниже всякой посредственности, а между тѣмъ я совершенно правъ, и это убѣжденіе даетъ мнѣ силы развивать эти мысли въ своемъ университетскомъ курсѣ и въ статьяхъ, не смотря ни на что. Счастіе то, что вопросъ о правѣ членовъ общины на землю не можетъ разыграться, пока она не будетъ выкуплена вся, а на это нужно лѣтъ 35, или 40. А въ 40 лѣтъ много воды утечетъ и многое, темное теперь, станетъ совершенно яснымъ.

Прощай, и въ тяжелыя минуты вспомни, что есть человѣкъ безконечно тебя любящій и глубоко тебя понимающій.

Порученіе твое къ Ч., что тебѣ не будетъ пріятно его видѣть, я не имѣлъ духу передать ему прямо, но передалъ черезъ Д—ва, потому что Ч. спросилъ его объ этомъ. Мнѣ очень грустно все это. Ч. нисколько не хуже другихъ, но только прямѣе.

26 Августа я оставляю Бланкенберг. Если захочешь порадовать еще строчкою, пиши въ Дрезденъ, къ Марьѣ Касп. Я уѣду изъ Дрездена 3-го Сентября и пробуду въ Берлинѣ до 7-го Сентября.

Въ промежутокъ между IV и V письмами Герценъ получилъ извѣстіе о смерти сына Кавелина и написалъ ему письмо,— съ котораго намъ доставлена изъ компетентнаго источника печатаемая ниже копія:

(1861)

Давно хочется сказать тебѣ нѣсколько словъ скорби и любви, старый другъ, и до сихъ поръ не удавалось. Твое горе обдало меня ужасомъ, сожалѣніемъ, всякой (великой?) тяжестью того, что безвыходно. Мнѣ хотѣлось быть возлѣ тебя и плакать съ тобой. Я знаю, что мы не можемъ выносить горя иначе, какъ мужественно, а все же мнѣ кажется, что у тебя близкихъ, кромѣ насъ, нѣтъ на самомъ дѣлѣ, и никогда даль не была для меня такъ прискорбна. Я знаю, что и ласковая рука бередитъ рану, а все какъ то легче. Если тебѣ можетъ помочь мое братское объятіе— возьми его, возьми и съ этой слезой, которой я и теперь не могу удержать, когда думаю о тебѣ. Но впередъ—исторія! Твои силы требуются на общее дѣло.... Въ этомъ наше

спасеніе, въ этомъ все, безъ чего намъ жить нельзя, да и не нужно. А и оно на сію минуту прискорбно, но за что тутъ борьба, гдѣ выходъ возможенъ—не намъ, такъ грядущему поколѣнію. Наше дѣло работать. Я зналъ, что ты ни въ какомъ случаѣ не упадешь духомъ; этому я вѣрилъ, а все таки хотѣлось, чтобъ кто нибудь подтвердилъ это. И кто-то подтвердилъ, да и твой отвѣтъ какому-то подлецу показалъ намъ, что ты работаешь. Хотѣлось бы быть возлѣ тебя и работать вмѣстѣ, но и тутъ я съ преданностью склоняю голову и говорю—пусть каждый стоитъ тамъ, гдѣ онъ полезнѣе. Одного прошу, братъ неизмѣнный, дай вѣсть о себѣ, скажи — что дѣлаешь, что станешь дѣлать. Утѣшь насъ въ своей собственной скорби. Крѣпко обнимаю тебя, поцѣлуй за меня твою дочь.

Дѣйствительно мы застрахованы нашей дѣятельностью. А какъ падаютъ эти тупые удары судьбы, и я знаю во всей силѣ. Насъ сильно потрясло твое несчастіе — и никакой возможности сказать дружеское слово. Эта даль, эти границы — и насъ же такъ мало остается — les vieux de la veille.

Что ты возишься съ вашимъ журналомъ и Виногоровымъ. Брось его. Редакція завралась — этого не поправишь отвѣтами и вопросъ такъ сталъ, что les rirurs будутъ не съ вашей стороны. Тебѣ то что за радость, что и твое имя поминаютъ вмѣстѣ съ Вайнбергомъ [1]).

Я мысленно посвятилъ тебѣ статью въ «Полярной Звѣздѣ» объ Оуенѣ; ты ее за это прочти.

Сегодня 15 Мая. — 13 лѣтъ тому назадъ французская республика оказалась съ изъянцомъ. Идетъ, идетъ время, то по Николаевски ступая пудовыми ботфортами, то à la Mephistofeles, разъ по лошадиному, да разъ по человѣчью — а все идетъ, унося и насъ. Прощай. У меня какъ нарочно сегодня болитъ голова.

— —

19 Мая.

Еще разъ жму тебѣ руку — дай при случаѣ вѣсточку, — какъ судьба и люди отравили намъ лучшіе дни, — дни, которые мы ждали всю жизнь. Прощай, caro mio.

— —

[1]) Слова эти относятся къ журналу г. П. Вейнберга «Вѣкъ» и къ протестамъ, которые вызвала тогда въ русскомъ обществѣ одна его антисемитическая выходка. *М. Др.*

Письмо это должно было быть отправлено совсѣмъ съ другой оказіей. Теперь его везетъ Борщовъ, котораго я тебѣ очень рекомендую — онъ благородный человѣкъ и отличный геологъ, ботаникъ и пр. [1]).

— —

Еще разъ обнимаю тебя. Дорого бы далъ, чтобы обнять на самомъ дѣлѣ; оно было бы и хорошо и нужно.... Ну—да, какъ бы, гдѣ-бы ни были мы, а другъ друга вспомянемъ и въ живой, и въ смертный часъ.

Письмо безъ конверта. — Адресъ на письмѣ: «Профессору Д. К.»
Въ письмо вложена фотографическая карточка Герцена вмѣстѣ съ Огаревымъ. На оборотѣ карточки надпись рукою Герцена: «Съ подлиннымъ вѣрно, 20 Мая 1861, London, Orsett House.»

— —

ПИСЬМО V.

Парижъ. 6/18 Апрѣля. Пятница. (1862)

Видишь, дорогой другъ, что нѣтъ худа безъ добра. Я не писалъ чортъ знаетъ почему, а вышло добро: ты мнѣ написалъ пять остротъ, въ томъ числѣ шесть очень хорошихъ. Пріѣхавши въ Россію я продамъ каждую не дешевле 25-ти франковъ, а можетъ быть и руссовъ, если они къ тому времени введутся.

Черезъ мѣсяцъ, много полтора, я у васъ, друзья. Много нужно переговорить; пока некогда. Хоть ты и остришь надо мной, что я сижу въ Парижѣ надъ университетами, которыхъ нѣтъ, а я считаю очень полезнымъ разоблачить у насъ тайну французскаго университета, [2]) съ которымъ мало кто знакомъ досканально. Полезно это потому, что наши

[1]) Ил. Гр. Борщовъ, путешественникъ въ Туркестанъ, былъ въ 60—70-е годы профессоромъ университета въ Кіевѣ, гдѣ и умеръ. *М. Др.*

[2]) Считаемъ полезнымъ напомнить, что во Франціи послѣ великой революціи старое корпоративное устройство университетовъ, — высшихъ школъ,—было разрушено, и слово l'université стало значить все министерство народнаго просвѣщенія, которое было устроено на началѣ бюрократично-централистичномъ. *М Др.*

университеты и вообще вся наша система воспитанія покрыта сѣтью французскихъ учрежденій, что ихъ и губитъ; безъ нея дѣло бы шло гораздо лучше. Нужно эту повязку сорвать съ глазъ. Вотъ причина, почему я такъ зажился въ Парижѣ, который мнѣ ненавистенъ и омерзителенъ.

Читаете ли вы Nord и новости, которыя онъ сообщаетъ въ послѣднее время, о преобразованіи государственнаго совѣта, о составленіи министерства и т. д.? Если не читаете, — прочтите. Есть данныя, по которымъ кажется, что эти слухи и вѣсти не лишены основанія. Не знаю, что вы скажете, а эта игра въ конституцію меня пугаетъ такъ, что я ни объ чемъ другомъ и думать не могу. Разбѣсятъ дворяне мужиковъ до послѣдней крайности, увѣрятъ ихъ своимъ псевдо-либеральнымъ балагурствомъ, что они, дворяне, въ самомъ дѣлѣ затѣваютъ что-то противъ царя, и пойдетъ потѣха. Это ближе и возможнѣе, чѣмъ кажется. Наше историческое развитіе страшно похоже на французское; не дай Богъ, чтобъ результаты его были также похожи, а чего добраго, дворянство своимъ безразсудствомъ, правительство своимъ безумiемъ, просвѣщенное большинство своимъ доктринаризмомъ и отсталостью приведутъ къ тому. Я скоро, á la Swerbejeff буду всѣми силами стоять за существующій безпорядокъ, т. е. за всѣ реформы, но противъ конституціи. Дурачье не понимаетъ, что ходитъ на угольяхъ, которыхъ не нужно расшевеливать, чтобъ не вспыхнули и не произвели взрыва. Но кому суждено погибнуть, тотъ сперва обезумѣетъ, — это извѣстное дѣло. [1])

Я никоимъ образомъ не могъ сообщить тебѣ отвѣта по твоему порученію къ братьямъ Б—на. [2]) О затруднительномъ его положеніи дано имъ знать,—это совершенно вѣрно; но никакого отвѣта не было получено, и такъ до сихъ

---

[1]) Необходимо напомнить, что движеніе, какое происходило тогда въ дворянскихъ собраніяхъ, имѣло въ виду не столько собственно к о н с т и т у ц і ю, сколько именно р е ф о р м ы, (дополненіе крестьянской обязательнымъ выкупомъ, — полицейскую, судебную, административную, финансовую,—организацію земскаго самоуправленія и т.п.) и исходило изъ убѣжденія, что правительство безъ созванія «представителей отъ всего народа безъ различія сословій» не можетъ удовлетворительно совершить эти реформы. См. напр. адрессъ и постановленія тверскаго дворянства 2 Февр. 1862 г., Колоколъ, № 26 (22 Марта 1862). *М. Др.*

[2]) М. А. Бакунина. *М Др.*

поръ. Очень жалѣю объ этомъ господинѣ, но, сознаюсь тебѣ, мало ему довѣряю, и ничего путнаго отъ него не жду. Ушелъ онъ изъ Россіи — нехорошо, нечестно. И зачѣмъ собственно ушелъ? Что же онъ будетъ дѣлать? Манифесты и воззванія писать? [1]) Это старо и никто изъ за нихъ пальца не ударитъ о палецъ. Безбородые юноши — и тѣ читаютъ ихъ холодно. Теперь не воодушевить ими никого. Не то нужно.

Огарева обнимаю. Записки, которыя онъ получилъ о судопроизводствѣ и судоустройствѣ, я знаю. Это только мнѣнія и объ нихъ писать нечего. Вопросъ страшно затягивается и конца ему не видать, потому что дорѣзались въ немъ до сути, до живаго, до организаціи судебной власти. Пока правительство не посмотритъ на дѣло прямо и честно (а до этого долго ждать), до тѣхъ поръ не сладить ему съ судоустройствомъ. Крѣпко и здорово устроенный судъ, да свобода печати, да передача всего, что прямо не интересуетъ единства государства, въ управленіе мѣстнымъ жителямъ— вотъ на очереди три вопроса. Ими бы слѣдовало заняться, вмѣсто игры въ конституцію. За разрѣшеніемъ ихъ конституція пришла бы сама собою, какъ необходимое послѣдствіе, dans une couple d'années.

Полагая, что васъ обоихъ интересуетъ теперешній видъ моей физіономіи—посылаю вамъ мои карточки, да въ придачу одну для старшей твоей дочери, Герценъ, къ которой питаю большую дружбу съ 1859. Надѣюсь, что и она меня не забыла.

Безъ конца благодаренъ тебѣ за то, что ты напечаталъ подлое произведеніе московскихъ профессоровъ. [2]) Что кошка знала, чье мясо съѣла,— видно изъ того, что они держали этотъ подлый актъ въ величайшей тайнѣ и не пускали его по рукамъ. У нихъ не достало духу дать ему гласность.

---

[1]) Половина воззванія Бакунина къ «Русскимъ, Польскимъ и Славянскимъ братьямъ» напечатана въ № 122 Колокола, 15 Февраля 1862 г. *М. Др.*

[2]) Въ Колоколѣ, № 126—127, (22 Марта 1862) напечатана «Историческая записка, составленная университетской коммисіей, по поводу происходившихъ въ Сентябрѣ и Октябрѣ безпорядковъ между студентами московскаго университета, черезъ его Превосходительство г Попечителя Московскаго округа». Въ примѣчаніи сказано, что записка эта подписана: Соловьевымъ, Бодянскимъ, Леонтьевымъ, Ешевскимъ, Чичеринымъ. *М. Др.*

Даже убѣжденія, значитъ не было. Я съ ними разстался совсѣмъ, и не поѣду въ Москву. Дѣлать тамъ нечего. Правда твоя, что для насъ Москва—кладбище. [1])

Прощайте! Много разъ и крѣпко васъ обнимаю. Сомнѣваться во мнѣ, Огаревъ, нечего. Я не могу въ 43 года, стать другимъ, чѣмъ какой былъ всю жизнь.

Вашъ Кавелинъ.

Мысли, подобныя высказаннымъ въ предыдущемъ письмѣ о либеральномъ движеніи въ дворянствѣ, Кавелинъ изложилъ и въ спеціальной запискѣ, которую напечаталъ въ началѣ 1862 г. въ Берлинѣ подъ заглавіемъ «Дворянство и освобожденіе крестьянъ». Вотъ заключительные выводы этой записки:

«Не въ безплодныхъ мечтахъ о представительномъ правленіи должно искать дворянство выхода изъ теперешняго своего труднаго положенія. Ему прежде всего надобно самому переродиться, самому разстаться съ привычками неумѣренной роскоши, дароваго добыванія денегъ отъ крестьянъ или отъ службы и правительства, забыть жизнь спустя рукава; ему надобно перестать думать только о своихъ минутныхъ пользахъ и выгодахъ и серьезно подумать о будущемъ, о пользѣ другихъ сословій страны, государства; ему надо много трудиться, образовать себя, какъ слѣдуетъ, привыкнуть дѣйствовать по началамъ строгой справедливости и безпристрастія въ ежедневномъ быту, въ убѣжденіи, что только трудъ, знаніе и безусловная добросовѣстность ставятъ сословіе высоко въ мнѣніи народа и доставляютъ ему вліяніе и власть. Переродившись нравственно и поправя свои матеріальныя средства, дворянство найдетъ на первый разъ обширное и достойное поприще для гражданской дѣятельности въ сферѣ провинціальной, губернской, гдѣ теперь столько дѣла и которая никогда не очистится и не улучшится, пока за это не примется дѣятельно высшее образованнѣйшее сословіе. Сдѣлать провинціальную жизнь не только возможной и сносной, но даже удобной и пріятной — вотъ ближайшее призваніе

[1]) Ср. замѣтку въ Колоколѣ, 1862, Марта 15, № 25 «Ученая Москва». *М. Др.*

дворянства, и, повторяемъ, это оно можетъ сдѣлать, на это оно имѣетъ всѣ средства. Россія еще во всѣхъ отношеніяхъ печальная пустыня;ее надо сперва воздѣлать, начиная дѣло снизу, а не сверху. Когда жизнь мало по малу отвлечется отъ столицъ и большихъ центровъ въ провинцію, тогда произойдетъ и желаемая всѣми административная децентрализація. Во всякомъ случаѣ, самоуправленіе, эта любимая мечта всего просвѣщеннаго и либеральнаго въ Россіи, можетъ начать осуществляться пока только въ провинціи, при дѣятельномъ содѣйствіи дворянства. Въ этой плодородной школѣ оно и приготовится, какъ слѣдуетъ, къ дальнѣйшей, болѣе обширной политической дѣятельности, которая безъ того на всегда останется неосуществимой фантазіей. Опытъ показываетъ, что даже въ небольшихъ государствахъ невозможна гражданская и политическая свобода безъ сильнаго развитія мѣстныхъ интересовъ и мѣстной жизни; какъ же будетъ она возможна безъ этого условія въ такой огромной имперіи, какъ Россія. Будемъ же благоразумны и, не растрачивая напрасно силъ на идеалы, займемся тѣмъ, что нужно, и что у каждаго изъ насъ подъ руками. Время принесетъ свое, когда мы будемъ готовы. Отъ насъ зависитъ ускорить или замедлить его ходъ».

Отрицательное отношеніе Кавелина къ «конституціонному» движенію было объяснено въ журналѣ кн. Долгорукаго «Правдивый» (1862. № 3, 12 Мая) личными карьерными соображеніями. Брошюра Кавелина вызвала неудовольствіе и въ Герценѣ; оно выразилось въ запискѣ, отвѣтомъ на которую служитъ слудующее письмо.

ПИСЬМО VI.

Парижъ, 10/22 Мая 1862 г.

Мнѣ было очень горестно и тяжело читать твою записку, любезный Герценъ. Мнѣ бы никакъ не хотѣлось вѣрить, что Долгорукій съ его правдивостью можетъ вдругъ измѣнить тонъ дружескихъ нашихъ отношеній, прежде чѣмъ ты узнаешь отъ меня, что и какъ было.

Брошюра моя написана въ Маѣ 1861 года, когда рос-

сійское дворянство драло горло о конституціи, разумѣя подъ нею отмѣну положенія 19-го Февраля. Вскорѣ послѣ того, я отдалъ одинъ экземпляръ этой статьи пріятелю, ѣхавшему за границу, съ просьбой напечатать. Пріятель отдалъ ее Бэру въ Берлинѣ, который выпустилъ ее въ свѣтъ въ Декабрѣ или Январѣ нынѣшняго года. Брошюра слишкомъ несогласна съ общимъ настроеніемъ и потому не пошла. Бэръ жаловался мнѣ на это и просилъ позволенія выставить имя мое, на что я согласился, потому что нимало не скрываю своего образа мыслей, и также мало ищу популярности, какъ и царской милости. Имя мое было выставлено на моей брошюрѣ въ публикаціи Бэра съ мѣсяцъ тому назадъ. Одинъ знакомый показывалъ мнѣ въ Парижѣ. И такъ, ни тайны, ни боязни заявить, что я авторъ брошюры не было.

Долгорукій слишкомъ поздно хватился срывать съ меня маску; я снялъ ее самъ, задолго до его пасквиля.

Что прибавить тебѣ еще? Не оправдываться ли въ томъ, что я не былъ посланъ за границу въ награду за эту брошюру? Что мѣсто ректора будетъ теперь по выбору, а не по казенному назначенію, и потому не можетъ мнѣ быть дано за мое вѣрноподданническое усердіе?

Повторяю, мнѣ было очень горько получить твою записку. Ты не доволенъ, что я не пишу къ тебѣ; я хотѣлъ тебя видѣть и съ тобой говорить. Письмо не замѣнитъ разговора. Тебѣ не нравится, зачѣмъ я такъ долго живу въ Парижѣ, а я крайне сожалѣю, что нельзи здѣсь пожить еще два-три мѣсяца. Нигдѣ нельзя изучить такъ досконально нашу подлую административную систему, какъ во Франціи, откуда она взята почти цѣликомъ; а я думаю, что намъ не образцы нужны, а нужно хорошенько, яснѣе, подробнѣе понять, чего намъ не нужно. Отрицательные выводы стоятъ у насъ на первомъ планѣ и долго еще будетъ такъ. Чтобъ подвести насъ къ зеркалу и дать на себя налюбоваться въ сласть, во французскомъ нашемъ кафтанѣ, надо было, устраня шумиху словъ, на которыя великая нація такъ таровата, разсказать здѣшнее устройство, какъ оно есть, безъ прикрасъ и вычуръ, а на это нужно время и трудъ. Первую половину работы я уже послалъ, теперь сижу надъ второю, которая тоже изготовлена въ чернѣ; нужна окончательная отдѣлка, провѣрка и т. п. Три четверти русскихъ не знаютъ,

что такое французская административная система и не подозрѣваютъ, что мы эту прелесть взяли, начиная съ XIX вѣка чуть чуть не цѣликомъ, да и пересадили къ намъ.

Если этихъ объясненій тебѣ мало, то больше я не имѣю никакихъ. Еще въ 1859 году мы много разговаривали съ тобою, и съ тѣхъ поръ мой образъ мыслей мало измѣнился. Правительство сдѣлалось съ тѣхъ поръ еще глупѣй, публика еще нелѣпѣй. Все разстроивается, гніетъ и падаетъ. Ералашъ идетъ невообразимая, непередаваемая никакими словами. Хорошъ только простой народъ, который дѣлаетъ свое дѣло, не заботясь о нашей болтовнѣ. Но народъ съ царемъ. Инстинктомъ онъ чуетъ, что въ конституціи или переворотѣ онъ только можетъ потерять, а не выиграть. Если передать впечатлѣнія свои въ двухъ словахъ, то вотъ къ чему сводится вопросъ: замѣна византійско-татарско-французско-помѣщичьяго идеала русскаго царя идеаломъ народнымъ, славянскимъ, посредствомъ самой широкой административной реформы по всѣмъ частямъ. Все остальное — европейскія фіоритуры. Сладимъ ли мы съ этой задачей мирно, или посредствомъ катаклизма,—я не знаю. Послѣдній путь короче, первый прочнѣе, и я весь за него.

Прощай. Твой Кавелинъ.

На это письмо послѣдовалъ страстный отвѣтъ Герцена, къ сожалѣнію, имѣющійся у насъ только къ черновой, которую мы и печатаемъ здѣсь съ дипломатической точностію.

Пока я долго и грустно думалъ писать мнѣ о печальной (зачеркнуто: несчастной) брошюрѣ твоей, или нѣтъ. Ты мнѣ прислалъ поклонъ (зачеркнуто: съ Боткинымъ) — и прибавилъ, что «кажется я сержусь ка тебя». Это мнѣ (зачеркнуто: сразу) напомнило — что всегда чистый и откровенный передъ близкими людьми я молчать не долженъ. Слово сердиться не идетъ. Прочитавъ твою брошюру, у меня опустились руки. (Зачеркнуто: этого не доставало.) Грановскій въ гробу, Кетчеръ, К. въ Ч., (зачеркнуто: а мнѣніе) Ч. въ твоей брошюрѣ (зачеркнуто: Какъ я любилъ и цѣнилъ тебя, ты знаешь, какъ мы разстались съ какими надеждами, ты не забылъ. Въ послѣдующіе три года лучшее, что я написалъ — Роберта Оуена — я посвятилъ его тебѣ). И это

писалъ Кавелинъ, котораго я такъ любилъ и отпускалъ 3 года назадъ съ такими (?) надеждами. Послѣдній представитель Московской эпохи, второй юности, которому я посвятилъ Р. О. — и (зачеркнуто: вдругъ) этотъ тощій, нелѣпый, стертый (?) и вредный памфлетъ — писанный (и это твои защитники приводятъ въ твою пользу) не для печати, для какого то Николая Николаевича — и стало быть для негласнаго руководства либералующему правительству.—Это слишкомъ.

Я схоронилъ женщину — которую любилъ и уважалъ безконечно, я схоронилъ Грановскаго — матеріально, я схоронилъ К—ра, К—ша — психически, (зачеркнуто: я гляжу на) дряхлѣющаго Тургенева (сверху написано и зачеркнуто: просится на кладбище), на московскій университетъ — превращающійся въ частный домъ; сверху этихъ зачеркнутыхъ словъ надписано: Тур. дышетъ на ладанъ) и ко всему этому долженъ прихоронить тебя. Но этого я не сдѣлаю молча. (Зачеркнуто: Ты вѣроятно понимаешь, Кавелинъ, что это) Твоя брошюра кладетъ между нами предѣлъ, черезъ который одинъ шагъ и есть — твое отрѣченіе отъ нея (зачеркнуто: твое покаяніе въ ней) какъ въ ошибкѣ, писанной подъ вліяніемъ временнаго увлеченія (зачеркнуто: или помѣшательства. Безъ этого что же у насъ общаго въ силу чего мы можемъ встрѣтиться — воспоминаніе анекдоты — и каламбуры?)

Я думаю что (зачеркнуто: тебѣ) это (зачеркнуто: отрѣченіе сдѣлать легко, потому что я рѣшительно мнѣ сдается) такъ и было, т. е. что ты не понимаешь portée — твоего памфлета.

Создать изъ дворянъ — класъ привилигированныхъ землевладѣльцевъ — потому что и въ Ганноверѣ и въ Гессенъ Касселѣ было высшее сословіе — и это въ то время, какъ дворянство летитъ подъ гору и разсыпается въ прахъ — безъ тормоза — доктринеровъ-бюрократовъ и бюрократовъ-кнутонеровъ — (зачеркнуто: первая) страшная нелѣпость.

Отрицая олигархію — мы ее вовсе не отрицаемъ въ пользу канцеляріи. Прусская (зачеркнуто: благодѣтельно)—цивилизирующая (зачеркнуто: бюрократія) администрація — съ проспектомъ лѣтъ черезъ 500 дойти до англійской болѣзни — и все это основывать на томъ что народъ русскій—скотъ и выбрать людей для земства не умѣетъ, а правительство—умница, все знаетъ, и какую реформу куда поставить и въ

(закеркнуто: какое время) и кого выбрать (il a fait ses prevés) (зачеркнуто: и къ этому ты, Кавелинъ, прибавилъ какія то политико-сентиментальныя сентенціи — въ родѣ — аристократія — происходитъ отъ Аристосъ — добрый, лучшій, веди же себя съ благонравіемъ, будешь и англичанином).

(Зачеркнуто: И что за политико-сантиментальныя морали: я ни въ чемъ не узнаю тебя).

Не хочу говорить о формѣ, о политическо-сентиментальныхъ сентенціяхъ (зачеркнуто: вес это Жан) и нравоученіяхъ, М-me Жанлисъ) Ошибка — и ошибка!

Буду ждать твоего отвѣта — или (зачеркнуто: въ случаѣ молчанія) не буду ждать и тебя. Противъ брошюры мы писать будемъ — но сохранивши (зачеркнуто: твою) ея анонимность и разумѣется не забудемъ ни то, какъ мы разстались въ 1847, ни то какъ свидѣлись три года тому назадъ. (зачеркнуто: Дорога наша можетъ (?) тѣсна и мы можетъ исключительны — но за то искренни). 7 Іюня.

ПИСЬМО VII.

Парижъ $\frac{30 \text{ Мая}}{11 \text{ Іюня}}$ 1862.

Письмо твое, дорогой мой Герценъ, одно изъ самыхъ тяжкихъ событій въ моей жизни. Ты ставишь вопросъ очень просто: мнѣ остается выборъ между тобою или между моими мнѣніями. Середины нѣтъ. Послѣ Грановскаго я никого такъ не любилъ какъ тебя; да и при Грановскимъ я тебя любилъ не меньше его. За мнѣнія свои я отдалъ всего себя, и отдаю всего теперь, хотя врагамъ совсѣмъ иного рода, чѣмъ прежде. Горько мнѣ разставаться съ тобой, но дѣлать нечего. Какъ я писалъ, такъ я и думаю, больше чѣмъ когда нибудь. Не самолюбіе заставляетъ меня говорить это, а убѣжденіе. Еслибъ дѣло шло о личномъ вопросѣ, я бы повинился, чего бы это ни стоило.

Во первыхъ, разсказы, что я написалъ мою брошюру для какого то Николая Николаевича есть чистѣйшая нелѣпость. Я написалъ ее въ 1861 году въ Маѣ, когда Положенія 19 Февраля вызвали вопль дворянства и недоумѣніе въ му-

жикахъ. Не только я никогда ни отъ кого не таилъ, что эта брошюра моя, но самъ разсылалъ ее всюду, переписывалъ дорогой, на пароходѣ по Волгѣ и раздавалъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Я зналъ, что меня будутъ называть отсталымъ, подкупленнымъ, измѣнникомъ и проч., но продолжалъ, не смотря на то, распространять ее въ рукописи и наконецъ напечаталъ. Остальное ты знаешь изъ моего письма. Для Михаила (а не Николая) Николаевича была написана статья объ университетскихъ событіяхъ, напечатанная у тебя, и которую нельзя было пускать по рукамъ, пока она не произведетъ своего дѣйствія. [1])

Ты огорченъ моимъ поступкомъ. Если можешь, дочитай спокойно до конца это письмо и потомъ, если найдешь фальшь, — тогда оттолкни меня отъ себя. Но до тѣхъ поръ, принеси эту послѣднюю жертву нашей дружбѣ — выслушай.

Въ одномъ изъ № Колокола ты сказалъ такую мысль: люди пріискиваютъ себѣ общественную форму, какая по нимъ ладно приходится. У каждаго народа — свой идеалъ, выше котораго онъ не идетъ. По муравьямъ и пчеламъ какъ разъ приходится ихъ общественность и какъ знать сколько прошло времени, пока они ее по себѣ приладили.

У меня нѣтъ подъ руками Колокола и я передаю твою мысль своими словами. Въ то время, какъ почти всѣ упивались твоими памфлетами, я выбиралъ эти бисеринки изъ изъ твоихъ статей, которыя казались мнѣ программами для цѣлыхъ будущихъ трактатовъ, и благоговѣлъ передъ этими проблесками геніальности, закидывавшими мысль за столѣтія впередъ.

Дѣло въ томъ, что вылупляясь вонъ изъ заоблачнаго міра, и чуя подъ собою твердую дѣйствительную почву, люди должны выбросить за бортъ не только религію, но и философію, не только философію философскую, но и политическую. Общественная форма, какая бы она ни была, не должна и не можетъ быть предметомъ культа, богомъ, которому приносятся человѣческія жертвы. Это тотъ же сапогъ и та же

---

[1]) Колоколъ, № 119—120. Послѣ обзора состоянія петерб. университета и студенческихъ безпорядковъ 1861 г авторъ предлагаетъ реформы въ духѣ автономіи университетовъ и признанія студенческихъ корпорацій, а также высказывается противъ жестокости наказаній за политическія преступленія, къ которымъ приравниваются у насъ всякія движенія среди молодежи. См. Приложеніе. *М. Др.*

одежа, которые по одной мѣркѣ на всѣхъ людей не пригонишь. Каждому нужна своя особая. Не придавая никакой важности той или другой, лишь бы была пригодна, я смотрю прежде всего на то, какъ, какимъ образомъ, замѣнить старую общественность новой. Весь интересъ въ этомъ.

Если та или другая форма общественности не есть предметъ религіознаго богопочитанія, то прежде всего надобно подумать, какъ бы перемѣнить ее съ возможною пощадою людей, привычекъ, интересовъ, потому что въ людяхъ вся сила, въ сегодня, а не въ человѣческомъ родѣ и не въ вѣчности, которая такими радужными миражами отражается въ исторіи. Выгнать династію, перерѣзать царствующій домъ— это очень не трудно и часто зависитъ отъ глупѣйшаго случая; снести головы дворянамъ, натравивши на нихъ крестьянъ — это вовсе не такъ невозможно, какъ кажется; пріучить солдата къ мысли, что онъ долженъ идти противъ того, противъ кого ему вздумается, съ нѣкоторымъ усиліемъ тоже не невозможно. Словомъ, я считаю совсѣмъ не такимъ труднымъ подточить всѣ теперешнія основы общества въ Россіи, — выжившіяся, вывѣтрившіяся и дать ей съ нихъ рухнуть всею тяжестью. Только что будетъ за тѣмъ? То, что есть, не создастъ новаго, по той простой причинѣ, что будь оно новымъ, — старое не могло бы существовать двухъ дней. И такъ выплыветъ меньшинство, — я еще не знаю какое, — а потомъ все скристализуется по старому, на первый разъ, по большинству наличныхъ элементовъ и понятій, да вдобавокъ со всею ненавистью къ новому, передъ которымъ теперь косное (?) раздумье, не лучше ли оно стараго? Что я говорю — не мечта, не догадка, а страшная дѣйствительность. Формула русской исторіи страшно какъ напоминаетъ формулу Французской. Читаешь книгу Токвиля, — и дрожь пробѣгаетъ по жиламъ, такъ дореволюціонная Франція напоминаетъ теперешніе порядки, мысли у насъ; а отъ дальнѣйшаго французскаго развитія избави насъ исторія!

Всѣ ужасы Николая — дѣтскія игрушки передъ систематическимъ угнетеніемъ и развращеніемъ французскаго народа. Каковы они тамъ на верху у насъ ни есть, я предпочитаю ихъ мазурику № 1 и мазурику № 3, избраннику всей земли [1]). Идти очертя голову я не могу и не хочу,—

[1]) Наполеоны I и III. *М. Др.*

фокусамъ-покусамъ радикальнаго превращенія народовъ изъ одной формы въ другую въ 24 часа, — этому я не вѣрю, потому что вообще не вѣрю никакимъ чудесамъ.

А чему я не вѣрю, тому не хочу жертвовать ни однимъ человѣкомъ, ни однимъ интересомъ, не хочу всѣхъ послѣдствій попытокъ творить чудеса. Я вѣрю, что жизнь свое возьметъ, что здоровый организмъ вылечится, но вылечится не скачкомъ, а временемъ.

Вотъ смыслъ и руководящія начала моей статьи, которая надѣлала мнѣ столько горя. Я ее написалъ, потому что считаю теперешнюю минуту очень опасной для насъ. Въ головахъ — путаница невообразимая. Правительство дѣйствуетъ нелѣпо, публика и общество ривализируетъ съ нимъ въ нелѣпости. Посреди этого всеобщаго вавилонскаго столпотворенія неужели можно серьезно сказать всякому недовольному: тебѣ неловко, тяжело, душно: валяй, братъ, бей направо и на лѣво. Что тебя давитъ, — то то именно и плохо. Мой языкъ не повернется этого сказать. Я знаю, что намѣренія, цѣли, стремленія у насъ въ публикѣ большею частью самыя великодушныя, фондъ мыслей — самый гуманный, требованія, сами по себѣ самыя законныя. Но чтобъ создать общественность, — этого всего мало, нужно выработать форму, спустить корабль на воду какъ можно бережнѣе, чтобъ онъ не разбился. А когда онъ разъ сойдетъ, — плавать будетъ не такъ хитро. Думая такъ, я счелъ бы себя безчестнымъ человѣкомъ, еслибъ совѣтовалъ барину, попу, мужику, офицеру, студенту ускоривать процессъ разложенія обвѣтшалыхъ историческихъ общественныхъ формъ. Нѣтъ, я буду имъ кричать, сколько у меня достанетъ голосу: идите осторожно, бережно, не подливайте масла въ огонь, не вносите свѣчи въ пороховой погребъ. Дайте мыслямъ отстояться немного, дайте кристаллизаціи начаться. Мы не доживемъ, — что нужды, — послѣ насъ скажутъ намъ спасибо будущія поколѣнія. Всякое новое дѣло есть трудъ и большой трудъ: потерпите!

Что изъ этого войдетъ, — я не знаю. Моя ли мечта сбудется и мы хоть медленнѣе, да вѣрнѣе выберемся на новый путь съ свѣжими силами, или путаницу придется разрубить топоромъ — это покажетъ время. Но я понимаю такъ какъ говорю, и пока могу говорить, не перестану твердить того же. Пусть студенты зовутъ меня трусомъ, пусть дворяне

считаютъ меня измѣнникомъ, пусть самые мои кровные друзья заподозрятъ меня въ честолюбіи, угодничествѣ и продажности—пока я такъ убѣжденъ, я не сбавлю ни одного тона.

Ты меня сравниваешь съ Ч. Еслибъ ты не былъ раздраженъ противъ меня, я могъ бы обидѣться этимъ сравненіемъ. Скажи, ради Бога, что же общаго между этой четырехугольной башкой и мною? Этотъ болванъ хочетъ ждать, для уничтоженія привилегій дворянства, пока у насъ будетъ среднее сословіе. Противъ студентовъ онъ проситъ у правительства на помощь жандармовъ. Гдѣ же, когда же я высказывалъ что нибудь подобное, не въ словахъ, а въ самихъ принципахъ? Я разсуждаю очень просто: не вынимайте меча; кто вынетъ мечъ, тотъ погибнетъ мечемъ. Идите отъ того, что есть. Если это не годится — само дѣло, сама жизнь покажетъ, что нужно. Міръ стоялъ до сихъ поръ на насиліи, и казнился. Не прибѣгайте къ насилію и будетъ хорошо. Между этимъ и Ч. есть нѣкоторая разница.

Но не одно это общее направленіе брошюры тебѣ не нравится. Ты выставляешь противъ меня въ письмѣ три капитальныхъ обвиненія: я желаю привилигированнаго землевладѣнія, вмѣсто олигархіи дворянства желаю — просвѣщенной бюрократіи, наконецъ, считаю мужика русскаго несовершеннолѣтнимъ ребенкомъ. Всѣ эти три пункта я намѣренъ выяснить.

Если ты припомнишь мою статью о русской сельской общинѣ, помѣщенную въ Атенеѣ въ 1858 году, то съ этой стороны ты знаешь давно и хорошо мои мысли. Я противъ индивидуальной личной собственности, какъ исключительной формы землевладѣнія. Я не противъ ея принципа, но рядомъ съ ней желаю общиннаго землевладѣнія, какъ ея корректива, какъ противувѣса противъ конкурренціи, которую оно производитъ. Такъ я и теперь думаю. Отсутствіе частной собственности, отмѣна ея, — есть величайшая нелѣпость, вѣрнѣйшій путь къ китаизму съ пожертвованіемъ начала индивидуальности и свободы. Да этого и сдѣлать не возможно. У насъ массы народа рвутся не къ общинному землевладѣнію, а къ личной собственности. Ту и другую форму нужно сохранить рядомъ, потому что онѣ дополняютъ одна другую.

О политическихъ и гражданскихъ привилегіяхъ землевладѣнія я никогда и нигдѣ не говорилъ и ихъ не желаю. У насъ вдобавокъ каждый владѣетъ землею, слѣд. всѣ бы-

ги бы привилигированные, еслибъ принять за базисъ правъ владѣніе землею.

Видѣть въ моей брошюрѣ желаніе просвѣщенвой бюрократіи можно только умышленно, не желая понять, чего я хочу. Мнѣ совершенно все равно, какая политическая форма у насъ вытанцуется. Вся моя забота въ томъ, что теперь, въ эту минуту, конституція не возможна общая, для всѣхъ классовъ народа, а одна дворянская не мыслима. Что я не отрицаю конституціи въ будущемъ, — это прямо сказано въ концѣ брошюры. Я и теперь тоже думаю. Военная диктатура легко можетъ выдти изъ теперешней фальши; конституція — нѣтъ, по крайней мѣрѣ совсѣмъ не такая, о какой мечтаютъ порядочные люди. Я говорю: приготовляйте грунтъ для истинной и прочной политической свободы въ самоуправленіи. Ударьте на это; остальное придетъ само собою. Развѣ это желаніе просвѣщенной бюрократіи?

Наконецъ ты меня обвиняешь, что я считаю русскаго мужика скотомъ, неспособнымъ выбрать своихъ представителей. Скотомъ! Ты самъ очень хорошо знаешь, что я такъ не думаю и никогда не думалъ. Зачѣмъ же ты это говоришь? Ошибся я вотъ въ чемъ: я боялся, что крестьянина обманутъ въ его гражданскихъ правахъ, что онъ не съумѣетъ ими воспользоваться. На дѣлѣ вышло, что онъ свои гражданскія права знаетъ лучше барина, и лучше ими пользуется. Въ этомъ я дѣйствительно ошибся. Но что онъ не съумѣетъ выбрать политическихъ своихъ представителей, да это я думаю и теперь. Политическіе представители народа должны знать многое другое, кромѣ мѣстныхъ условій и обычаевъ, а такихъ между крестьянами нѣтъ; изъ другихъ сословій крестьянинъ выбирать не станетъ, потому что не довѣряетъ имъ, и очень справедливо не довѣряетъ. Покуда пропасть между сословіями не заравняется, я потому и считаю у насъ настоящую конституцію не возможною, а французской конституціи не хочу для Россіи [1]).

[1]) Замѣчательно, что и Кавелинъ, подобно всѣмъ почти русскимъ людямъ, разсуждающимъ pro или contra о конституціи, совершенно оставляетъ безъ вниманія ту ея сторону, которая опредѣляетъ личныя права, — какъ неприкосновенность лица, свобода вѣры, печати и т. п. Этихъ правъ, нужныхъ и мужику и дворянину, всѣхъ сортовъ, Россія и до сихъ поръ вовсе не имѣетъ, между тѣмъ какъ ихъ признавала хоть въ извѣстной степени и французская конституція при «мазурикѣ» III и даже при I-мъ. *М. Др.*

Мнѣ казалось и до сихъ поръ кажется, что разница между твоими и моими понятіями опредѣляется темпераментомъ, а не самымъ дѣломъ. Думаешь ли ты навязывать Россіи и человѣчеству какую нибудь извѣстную политическую и гражданскую форму? Вѣроятно нѣтъ! Въ этомъ отношеніи не можетъ быть православнаго Символа вѣры, какъ и во всемъ прочемъ. Въ этомъ мы согласны. Разнимся же мы тѣмъ, что ты нетерпѣливѣй меня, видя вещи издали въ радужныхъ цвѣтахъ, и думая, что стоитъ сдѣлать одно усиліе, рвануться и все пойдетъ ладно; а я вожусь всю свою жизнь въ накости нашей общественной жизни, вижу и знаю многое, чего ты не видишь и не знаешь и вѣря, что изъ теперешней дичи выйдетъ дѣйствительно что то новое и великое, убѣжденъ, что оно еще далеко впереди, а на первомъ планѣ стоитъ пройдти кризисъ какъ можно спокойнѣе, бережнѣе съ возможно меньшимъ пожертвованіемъ силъ, чтобъ сохранить ихъ на будущее.

Теперешнія стремленія, мысли, страсти, волненія, кажутся мнѣ пѣной, призраками, изъ за которыхъ никакъ не стоитъ ставить все будущее на карту. Кто нибудь изъ насъ ошибается, можетъ быть мы оба ошибаемся; но скажи, положа руку на сердце, можно ли изъ за этого бросать другъ въ друга каменьями? Когда ты обличалъ у насъ все съ неслыханной и не виданной смѣлостью, когда ты бросалъ въ геніальныхъ своихъ статьяхъ и памфлетахъ мысли, которыя забѣгали на вѣка впередъ, а для текущаго дня ставилъ требованія самыя умѣренныя, самыя ближайшія, стоявшія на очереди, ты мнѣ представлялся тѣмъ великимъ человѣкомъ, которымъ должна начаться новая русская исторія. Я плакалъ надъ твоими статьями, зналъ ихъ наизустъ, выбиралъ изъ нихъ эпиграфы для будущихъ историческихъ трудовъ, изслѣдованій политическихъ и философскихъ. Еще недавно Ch. Mazade въ Revue des deux Mondes написалъ о тебѣ нѣсколько страницъ, которыя говорятъ объ этой твоей дѣятельности. Послѣ ты нѣсколько уклонился отъ этой программы. Тебя взяло нетерпѣніе и досада. Изъ мыслителя, обличителя ты сталъ политическимъ агитаторомъ, главою партіи, которая во что бы то ни стало хочетъ теперь же, сію минуту, водворить у насъ новый порядокъ дѣлъ, и если нельзя мирными средствами, такъ переворотомъ. Я считаю это ошибкой. Мнѣ больше по сердцу прежняя твоя дѣятель-

ность. Я думаю, что на этой только почвѣ и можно у насъ работать съ пользой. Твои требованія, направленныя исключительно къ реформѣ, поддержанныя не однимъ громаднымъ талантомъ и любовью къ Россіи, но и отсутствіемъ всякой тѣни насилія, имѣли неотразимую силу, производили потрясающее впечатлѣніе. Я убѣжденъ, что измѣнивъ этотъ путь, ты ослабилъ себя и подкрѣпилъ враговъ дѣла. Я хотѣлъ, пріѣхавши въ Лондонъ, сказать тебѣ все это; но считая новое твое направленіе, или скорѣе твоего органа, ошибочнымъ, я никакъ не думалъ, что намъ изъ за этого нужно поворотиться спиной другъ къ другу. Понятно, что выбирая разныя средства для одной и той же цѣли, — ибо я настаиваю, что цѣль одна, — мы можемъ и должны спорить; но разставаться изъ за сего — этого я не понимаю. Ты для меня все тотъ же, хотя бы, по моему мнѣнію, и ошибался. Если ты ошибаешься искренно, — съ убѣжденіемъ, — трудно тебѣ сказать: или ты откажись отъ своихъ мыслей, или я тебя знать не хочу.

Я сказалъ все. Горько мнѣ писать тебѣ такое письмо. Теперь я спрашиваю: можешь и хочешь ты меня видѣть у себя или нѣтъ? Если да, я буду очень счастливъ, и готовъ дать тебѣ всѣ объясненія, какія потребуешь. Если нѣтъ, — будь по твоему. Это будетъ не первое и не послѣднее мое горе, но помочь ему нельзя. Я не могу отступиться ни отъ одной іоты моихъ убѣжденій, прежде чѣмъ самъ не увижу, что ошибался. Но тогда я скажу объ этомъ во всеуслышаніе отъ самого себя, по доброй волѣ, а не по чьему либо требованію. Такихъ аккордныхъ пунктовъ я не принималъ и не приму никогда.

Жду отъ тебя категорическаго отвѣта: долженъ я пріѣхать къ тебѣ, или нѣтъ. Прежде чѣмъ отвѣтить, взвѣсь хорошенько это письмо и мои вины. У тебя много поклонниковъ и почитателей; друзей осталось мало. Я и теперь люблю тебя по старому, хоть ты и несправедливъ ко мнѣ,— несправедливъ, какъ не бываютъ и посторонніе. Если ты меня и оттолкнешь отъ себя, я все таки не перестану тебя любить, потому что дружба не старые башмаки; ихъ не выбросишь за окно, когда захочешь.

Еще одно послѣднее слово. Ты говоришь, что будешь разбирать мою брошюру, но сохранивъ анонимъ, во имя старой пріязни. Я самъ объявилъ свое имя въ новыхъ объ-

явленіяхъ о брошюрѣ, какъ я писалъ тебѣ, и потому вовсе не желаю, чтобъ изъ личныхъ соображеній ты трактовалъ эту брошюру иначе, чѣмъ всякую другую. Что нибудь изъ двухъ: или ты убѣдишься изъ моего письма, что я могъ такъ написать, какъ писалъ, или не убѣдишься. Въ томъ и другомъ случаѣ ты объ ней отзовешься, какъ будто бы ее писалъ человѣкъ тебѣ совершенно посторонній. Мнѣ было бы очень дорого твое убѣжденіе; а милости я не прошу ничьей, ни твоей, ни императорской. Въ этомъ отношеніи я ищу и желаю полной свободы и отъ друзей и отъ враговъ, не преклоняясь ни передъ кѣмъ, слушаясь только самого себя и своихъ убѣжденій. Прощай.

Твой Кавелинъ.

P. S. Пиши сюда, на мое имя, poste restante.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ VII-МУ ПИСЬМУ.

Записка Кавелина объ университетскихъ волненіяхъ въ Петербургѣ въ 1861 году [1])

Самыя прискорбныя событія произошли въ С. Петербургскомъ университетѣ. Шумныя сходбища студентовъ, съ рѣчами, воззваніями и легкомысленными предложеніями кончились прекращеніемъ лекцій. За тѣмъ послѣдовали дѣйствія внѣ университета, запрещенныя закономъ и подвергающія массу молодыхъ людей отвѣтственности, а университетъ погибели.

---

[1]) Мы перепечатываемъ здѣсь эту записку изъ 119—120 № «Колокола», такъ какъ она теперь мало извѣстна въ Россіи и такъ какъ она относится къ вѣчно-новому въ Россіи вопросу, который въ ней никогда не разрѣшится удовлетворительно для юношей и родителей, пока русскимъ университетамъ (профессорамъ и студентамъ) не будетъ дана такая же академическая свобода, какая существуетъ въ Западной Европѣ. Записка напечатана въ «Колоколѣ» съ помѣткой «Записка объ университетскомъ дѣлѣ, упомянутая въ 116 л. Колокола», — а въ въ № 116 разказывается о преніяхъ среди высшихъ сановниковъ и о томъ какъ нѣкоторые выставляли противъ мин. нар. пр. Путятина «факты, извѣстные министрамъ по Запискѣ Кавелина». *М. Др.*

Уличныя произшествія извѣстны. Они были лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ совокупнаго дѣйствія многихъ отдаленныхъ и ближайшихъ причинъ, разъяснить которыя теперь стало болѣе настоятельною потребностію, чѣмъ когда-либо.

Съ тѣхъ поръ, какъ началось постепенное обновленіе Россіи послѣ крымской войны, университетскій уставъ 1835 г. не могъ долѣе дѣйствовать. Онъ держалъ студентовъ на степени гимназистовъ, предоставлялъ огромную власть надъ ними полицейскому чиновнику — инспектору, систематически удалялъ профессоровъ отъ студентовъ и отъ участія въ университетскихъ дѣлахъ. Потребность коренного преобразованія университетовъ чувствовалась всѣми понимающими дѣло. Исключительно полицейскій характеръ университетскихъ учрежденій не могъ болѣе обезпечивать тишины и порядка; напротивъ, онъ служилъ только поводомъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ между студентами и университетскимъ начальствомъ. Необходима стала для молодыхъ людей узда болѣе прочная, нравственная, основанная на разумныхъ началахъ, на довѣріи юношества къ просвѣщенному и разсудительному начальству и профессорамъ. Только такая нравственная и разумная связь дѣлала возможной строгость и энергію университетскихъ властей, необходимую въ чрезвычайныхъ случаяхъ для поддержанія порядка между молодыми людьми, склонными по возрасту ко всякаго рода увлеченіямъ.

Не смотря на то, что эта мысль была выражаема много разъ словесно, письменно и даже печатно, никакихъ существенныхъ преобразованій въ университетскомъ уставѣ 1835 г. сдѣлано не было. Новыя понятія и требованія вторгались постепенно въ старыя формы и разрушали ихъ, а на мѣсто ихъ ничего новаго поставлено не было. Вслѣдствіе этого анархія и хаосъ водворились мало-по-малу между студентами. Безурядицы устранить не было никакой возможности; для этого уставъ 1835 г. не представлялъ никакихъ средствъ.

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія дѣйств. тайный совѣтн. Норовъ, кажется, чувствовалъ это. Ему хотѣлось поднять студентовъ нравственно, дать ихъ молодымъ силамъ и умамъ направленіе, достойное учащагося юношества. Съ этой цѣлью разрѣшены были студентамъ литературныя бесѣды и изданіе сборника, которыя должны были соединять молодыхъ людей для научныхъ занятій. Эти собранія и за-

вѣдываніе студенческой кассой, собираемой для поддержанія бѣдныхъ студентовъ, послужили первымъ основаніемъ студенческихъ сходокъ.

Противъ сходокъ студентовъ многіе возражаютъ, и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Говорятъ, что онѣ — школы праздности и лѣни, отвлекающія молодые умы отъ серьезныхъ занятій; сходки, по замѣчанію другихъ, поощряютъ юношей къ пустословію и театральнымъ эффектамъ, къ чему и безъ того множество людей къ несчастію слишкомъ рано пріучается въ дѣйствительной жизни. Наконецъ, третьи видятъ въ такихъ сходкахъ зародыши политическихъ и революціонныхъ клубовъ, вредные для государства и гибельные для юношества.

Всѣ эти и подобныя имъ разсужденія — плодъ важныхъ недоразумѣній, которыя необходимо разъяснить, чтобъ правильно смотрѣть на дѣло. Не только молодые люди, но даже дѣти — тѣже люди, какъ и взрослые, только кругъ ихъ дѣйствій, сфера занятій очерчены тѣснѣе и иначе. Оттого вездѣ и всегда учебныя заведенія, въ особенности-же университеты, устроивались по образцу современныхъ имъ общественныхъ учрежденій. Средневѣковые университеты въ Европѣ были такія-же корпораціи и цехи, какъ и тогдашнія городскія общины. У насъ такихъ общинъ нѣтъ и не было; наше національное общественное устройство есть міръ и мірская сходка. Студенческія собранія поразительно ихъ напоминаютъ не только на самомъ дѣлѣ, но и на имени повторяя собою, въ маломъ видѣ, всѣ достоинства и недостатки этихъ учрежденій. На эту сторону вопроса, кажется не было еще обращено должнаго вниманія, а между тѣмъ она чрезвычайно важна. Признавъ ее, нельзя не убѣдиться, что искоренить сходки едва-ли есть какая-нибудь возможность, и легко понять почему студенты такъ упорно ихъ отстаиваютъ. Закрытіе ихъ въ университетѣ повлечетъ за собою открытіе ихъ внѣ университета, по домамъ, а преслѣдованіе всюду обратитъ ихъ изъ явныхъ собраній въ тайныя, что гораздо хуже и опаснѣе.

Сходки дѣйствительно вредны для студентовъ и ихъ занятій, но не сами по себѣ, а потому, что все новое и въ особенности запрещенное имѣетъ въ юномъ возрастѣ большую занимательность. Еслибъ правительство рѣшилось не только дозволить ихъ, но устроить и дать имъ опредѣлен-

ный кругъ дѣятельности, онѣ безъ сомнѣнія, потеряли-бы половину своей заманчивости. Студенты привыкли-бы къ нимъ, и стали-бы на нихъ смотрѣть какъ на одно изъ самыхъ обыкновенныхъ прозаическихъ занятій. Получивъ этотъ характеръ, студентскія сходки принесли бы и молодымъ людямъ и правительству и обществу несомнѣнную, существенную пользу; онѣ пріучили-бы молодыхъ людей, до вступленія ихъ въ дѣйствительную жизнь, къ строгой отчетности и отвѣтственности, къ чему такъ мало пріучены мы теперь, даже въ зрѣломъ возрастѣ. Если учрежденіе столь полезное для молодыхъ людей, вскорѣ послѣ своего возникновенія приняло дурное и вредное направленіе, то и причины должно искать въ разныхъ постороннихъ обстоятельствахъ: во всеобщемъ броженіи умовъ, всеобщей шаткости понятій, естественной спутницѣ коренныхъ общественныхъ реформъ, а больше всего въ томъ, что сходки, съ самаго-же начала, не были правильно устроены самимъ правительствомъ. При господствующей внутри университетовъ анархіи и хаосѣ, студенты были предоставлены самимъ себѣ, не имѣли руководителей, не знали, какъ и за что взяться. Послѣдствія этого, какъ и слѣдовало ожидать, были гибельны для университетскаго юношества.

Какъ-бы то ни было, но при самомъ первомъ своемъ появленіи сходки были мирны и безвредны. Студенты собирались, читали свои статьи, разсуждали о кассѣ, о средствахъ ее увеличить, присуждали вспомоществованія товарищамъ; мало-по-малу онѣ становились шумнѣй и нестройнѣй. Здѣсь и тамъ прорывались рѣзкія фразы и осужденія, произносились рѣчи съ каѳедры — невинныя, но пріучавшія юношей къ ораторству и фразамъ. Сходки считались частнымъ дѣломъ студентовъ, и потому онѣ происходили безъ чьего-либо вѣдома и разрѣшенія и безъ всякаго контроля. Положеніе это было необыкновенно странное: косвеннымъ образомъ, сходки были, какъ сказано, разрѣшены правительствомъ; а между тѣмъ, онѣ не были позволены. Когда студенты толпами ходили просить о чемъ-нибудь, имъ говорили: «выбирайте изъ себя депутатовъ и посылайте ихъ»; лица, принадлежавшія къ университету и близко стоявшія къ университетской администраціи, очень ясно понимали невозможность совсѣмъ уничтожить студентскія сходки, а между тѣмъ правительство ни за что не соглашалось прямо

признать ихъ и устроить: ихъ терпѣли и какъ будто не замѣчали. При такомъ порядкѣ дѣлъ, никто не смѣлъ взяться за ихъ устройство и водворить въ нихъ какой нибудь порядокъ. Всѣ старались только смазывать прорывавшіяся по временамъ крайности и рѣзкости, а безпорядки и хаосъ росли и крѣпчали. Полицейская университетская власть разумѣется не въ состояніи была съ ними бороться. Нѣсколько разъ люди, понимающіе дѣло, напоминали о необходимости устроить сходки, и тѣмъ отвратить грозившую опасность, но имъ отвѣчали, что этого вопроса и подымать невозможно, потому что правительство и слышать не хочетъ о сходкахъ. Такъ проходило время.

Въ началѣ нынѣшняго года, два обстоятельства показали, что болѣзнь приняла уже большіе размѣры. На университетскомъ актѣ 8 Февраля былъ шумъ и безпорядки по тому случаю, что профессоръ Костомаровъ не читалъ рѣчи, которую студенты ожидали съ нетерпѣніемъ; вскорѣ послѣ того слухъ, распространившійся между студентами, будто-бы слѣдственная коммисія, по дѣлу о панихидѣ по убитымъ въ Варшавѣ, перенесетъ свои засѣданія въ стѣны университета, возбудилъ такія неурядицы, что надобно было серьезно подумать о мѣрахъ къ ихъ прекращенію на будущее время. Бывшій попечитель с. петербургскаго учебнаго округа, тайный совѣтн. Деляновъ, потребовалъ по этому предмету мнѣнія отъ нѣкоторыхъ изъ профессоровъ. Послѣдніе подвергнули дѣло подробному изслѣдованію, собрали свѣдѣнія отъ студентовъ и представили цѣлый проэктъ правилъ, касавшихся устройства студентскихъ сходокъ и полицейскаго устройства въ университетѣ. Исходя изъ той мысли, что внѣшній полицейскій надзоръ надъ студентами безсиленъ возстановить порядокъ въ университетѣ, они находили необходимымъ замѣнить его авторитетомъ и мнѣніемъ профессоровъ, и потому предлагали: дать сходкамъ правильное устройство, ограничивъ ихъ занятія исключительно дѣлами студентской кассы, библіотеки и редакціи сборника подъ руководствомъ профессора; устроить изъ профессоровъ университета судъ надъ студентами, замѣнить инспектора — проректоромъ, выбраннымъ изъ среды профессоровъ-же.

Эти предложенія остались безъ послѣдствій, и вскорѣ послѣ того правительство издало новыя правила, измѣнившія весь порядокъ дѣлъ въ университетѣ. Правилами этими

(31 Мая) между прочимъ отмѣнены свидѣтельства о бѣдности, освобождавшія студентовъ и вольнослушателей недостаточнаго состоянія отъ платы 50 р. и запрещены всякія сходки безъ разрѣшенія начальства. Въ одно время съ изданіемъ этихъ правилъ, мѣсто бывшаго министра народнаго просвѣщенія дѣйств. тайнаго совѣтн. Ковалевскаго заступилъ генералъ-адъютантъ графъ Путятинъ, который испросилъ соизволеніе государя императора на мѣры еще болѣе строгія (21 Іюля) а именно: сходки запрещены вообще, положительно; студентъ не выдержавшій экзамена подлежалъ исключенію изъ университета, тогда какъ до того времени онъ могъ пробыть на одномъ курсѣ два года; для завѣдыванія студенческой кассой, библіотекой и т. п. студенты должны избираться въ извѣстномъ числѣ отъ каждаго факультета и разряда не студентами какъ до сихъ поръ было, а правленіемъ университета; присужденія денежныхъ выдачъ должны были подлежать утвержденію ректора или инспектора. Предлагая эти правила для исполненія университетскимъ совѣтамъ и требуя мнѣнія по нѣкоторымъ ихъ пунктамъ, министръ прибавилъ: «что имѣя въ виду матеріальное улучшеніе положенія университетскихъ преподавателей и освобожденіе ихъ отъ труда пріемныхъ испытаній, правительство тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать отъ нихъ усиленія дѣятельности и направленія оной всецѣло къ истинной пользѣ обучающейся въ университетахъ молодежи». Графъ Путятинъ между прочимъ изъявлялъ увѣренность: «что профессоры направятъ свою дѣятельность къ указанной цѣли и не примутъ на себя тяжкой отвѣтственности уклоненіемъ отъ своего долга», а ректоры и деканы помогутъ правительству «предотвращать то легкомысленное небреженіе или превратное пониманіе своихъ обязанностей, которыя были уже причиною несчастія многихъ молодыхъ людей». Съ тѣмъ вмѣстѣ гр. Путятинъ предложилъ университетскимъ совѣтамъ обсудить вопросъ, не полезнѣе-ли будетъ возлагать званіе инспектора студентовъ на одного изъ профессоровъ или адъюнктовъ, по выбору ректора.

Извѣстно какія впечатлѣнія новыя правила произвели въ цѣлой Россіи. Въ нихъ видѣли возвращеніе къ мысли ограничить число студентовъ и снова сдѣлать университеты недоступными для большинства публики, тогда какъ въ послѣднее время они были открыты для всякаго желающаго. Мно-

жество молодыхъ людей, которымъ университетскій дипломъ давалъ въ службѣ и обществѣ положеніе и кусокъ хлѣба, лишены возможности слушать университетскіе курсы. Бѣдные дворяне и чиновники, готовившіе своихъ сыновей въ университетъ, были въ негодованіи; негодовали и всѣ, которымъ дорого просвѣщеніе такъ мало распространенное въ Россіи и составляющее нашу насущную потребность. На студентовъ и слушателей университетовъ впечатлѣніе этихъ мѣръ было тоже самое тяжелое.

Не встрѣтивъ ни въ комъ сочувствія, эти правила могли быть введены безъ волненій развѣ только весьма искусной рукой, обычной въ обращеніи съ университетами и студентами и при помощи значительныхъ смягченій по крайней мѣрѣ на первое время. Въ этомъ отношеніи оставленъ необходимый просторъ; въ высочайшемъ повелѣніи 31 Мая было сказано, что новыя правила должны вводиться постепенно и по мѣрѣ возможности; слѣдственно предоставлены средства сгладить въ началѣ ихъ рѣзкость, дать время остынуть первому непріятному впечатленію, и за тѣмъ еслибъ правительство признало нужнымъ неуклонно слѣдовать предначертанному пути, мало по малу достигнуть точнаго ихъ приложенія. Но уже въ дополнительныхъ правилахъ 21 Іюля новымъ началамъ придана еще большая строгость и благоразумная постепенность забыта.

За мѣсяцъ до изданія этихъ дополнительныхъ правилъ, въ началѣ Іюня, совѣту с. петербургскаго университета предложено было озаботиться немедленнымъ составленіемъ для студентовъ правилъ относительно точнаго посѣщенія лекцій, также изыскать и начертать мѣры для неуклоннаго исполненія правилъ о взиманіи съ посѣщающихъ университетъ установленнаго денежнаго взноса. Вслѣдствіе этого университетскій совѣтъ въ засѣданіи 16 Іюня образовалъ временную коммисію изъ семи профессоровъ, которой поручено между прочимъ составить проэктъ правилъ объ обязанностяхъ студентовъ и вольнослушателей во время нахожденія ихъ въ стѣнахъ университета, о дѣятельности ректора и проректора, какъ начальниковъ полицейско-инспекторскаго надзора за студентами и вольнослушателями, и объ ограниченіи полицейско-инспекторскаго надзора непосредственно подчиненнаго проректору и ректору.

Задача коммиссіи была крайне трудная; основныя начала

были ей даны; оставалось примѣнить ихъ такъ, чтобъ переходъ къ новому порядку дѣлъ не былъ слишкомъ крутъ и могъ совершиться съ необходимою постепенностью. Для этого коммиссія предположила учредить должность проректора, выбраннаго совѣтомъ изъ числа профессоровъ; установить университетскій судъ изъ профессоровъ-же; чтобъ внушить къ этому суду болѣе довѣрія со стороны студентовъ, коммиссія предоставляла каждому подсудимому студенту, для подтвержденія его показаній, приглашать въ судъ двухъ изъ своихъ товарищей. Сверхъ того коммиссія предположила оставить студенческую кассу, библіотеку и редакцію сборника въ завѣдываніи студентовъ, выбранныхъ по факультетамъ и курсамъ. Послѣдній пунктъ конечно косвенно допускалъ сходки; но во 1-хъ онѣ не были общія, а частныя, раздробленныя; во 2-хъ онѣ оставлены только для избранія студентовъ, которымъ ввѣрялась касса, библіотека и редакція сборника; для шумныхъ демонстрацій и разглагольствованій тутъ не было повода; въ 3-хъ онѣ должны были происходить подъ надзоромъ и руководствомъ профессора, слѣдственно согласно съ первоначальнымъ высочайшимъ повелѣніемъ 31 Мая съ разрѣшенія начальства. За совершенною невозможностію прекратить сходки, члены коммиссіи должны были по необходимости избрать средній путь, который-бы согласилъ строгія требованія правительства съ возможностью ихъ исполненія. Кромѣ того коммиссія предложила матрикулы, которыя должны были содержать въ себѣ всѣ университетскія правила, относящіяся къ студентамъ, и какъ-бы формулярный списокъ каждаго изъ нихъ. Наконецъ, противъ предположенія объ исключеніи студентовъ, невыдержавшихъ экзамена, коммиссія возражала, что такое правило должно непремѣнно повести къ большей снисходительности со стороны экзаменаторовъ и слѣдовательно къ ослабленію самого значенія экзаменовъ, а противъ выбора студентовъ правленіемъ—что оно не можетъ руководствоваться никакими данными при этомъ избраніи и должно будетъ избирать случайно, по фамиліямъ только. Въ заключеніе коммиссія положила просить попечителя засвидѣтельствовать министру, что члены совѣта, т. е. профессора с. петербургскаго университета никогда и ни въ чемъ не подавали повода думать, что они уклоняются отъ своего долга, или не знаютъ той нравственной отвѣтственности, которая лежитъ на каждомъ преподавателѣ, и

что членамъ совѣта вовсе неизвѣстны случаи легкомысленнаго небреженія и превратнаго пониманія своихъ обязанностей, бывшихъ причиною несчастія молодыхъ людей.

Совѣтъ университета одобрилъ работы коммиссіи и представилъ ихъ попечителю. Вопросъ о введеніи билетовъ для посѣщенія лекцій былъ поднятъ, но не пущенъ на голоса потому, что очевидно было, что большинство членовъ совѣта не желало этой мѣры. Не смотря на то, исправляющій должность ректора, счелъ нужнымъ сказать въ представленіи попечителю, что многіе профессора признаютъ необходимымъ и полезнымъ допускать постороннія лица въ университетъ не иначе, какъ по билетамъ, съ платою за каждый по 10 коп. серебромъ.

Всѣ спасительныя смягчающія мѣры, предложенныя коммиссіей, были отвергнуты министерствомъ: новый попечитель с. петербургскаго учебнаго округа, генералъ-лейтенантъ Филипсонъ сначала собралъ университетскій совѣтъ подъ своимъ предсѣдательствомъ и объявилъ ему, что министръ утвердилъ правила составленныя коммиссіей съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, а потомъ, въ оффиціальной бумагѣ отъ 2 Сентября, увѣдомилъ исправляющаго должность ректора, что министръ разрѣшилъ привести въ дѣйствіе проэктъ организаціи полицейско-инспекторскаго надзора за студентами на одинъ годъ въ видѣ опыта, съ измѣненіями, которыя лично указаны ему, попечителю. г. министромъ. Къ этому генералъ-лейтенантъ Филипсонъ между прочимъ прибавилъ, что входъ въ университетъ долженъ быть дозволенъ только тѣмъ лицамъ, которыя получатъ отъ исправляющаго должность проректора билеты на право посѣщенія лекцій, съ платою какая будетъ за билетъ назначена.

Незначительныя, по мнѣнію генералъ-лейтенанта Филипсона, измѣненія въ правилахъ, составленныхъ въ университетскомъ совѣтѣ, на самомъ дѣлѣ были чрезвычайно важны. Министерство безусловно отвергло выборы студентовъ и поручило избраніе ихъ деканамъ; отвергло свидѣтелей въ судѣ; подчинило студенческую библіотеку и кассу распоряженію университетскаго начальства и библіотекаря; требовало немедленнаго введенія билетовъ; отвергло возраженія противъ исключенія студентовъ, невыдержавшихъ экзамена и пробывшихъ въ университетѣ болѣе года. Въ частномъ письмѣ на имя попечителя, предназначенномъ для приватнаго сооб-

щенія профессорамъ, министръ сдѣлалъ имъ замѣчаніе за рѣзкость тона коммиссіи; о послабленіи на экзаменахъ отозвался какъ о нарушеніи обязанностей службы; циркулярное-же обвиненіе профессоровъ въ распространеніи вредныхъ мыслей между студентами объяснялъ какъ предостереженіе, на которое никто претендовать не вправѣ. За тѣмъ министръ требовалъ, чтобъ совѣтъ указалъ на профессора, который-бы могъ на основаніи новыхъ правилъ занять должность проректора временно на годъ.

Совѣтъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Распоряженія министерства отняли у новыхъ правилъ все смягчающее, что одно могло обезпечить постепенное, спокойное ихъ введеніе. Отсутствіе спасительнаго клапана представляло серьезныя опасности. На послабленія, смягченія, необходимые обходы крайней строгости правилъ при новомъ министерствѣ, послѣ всего изложеннаго, нельзя было расчитывать, а съ другой стороны, обратить на себя, какъ на вводителя новыхъ порядковъ, негодованіе студентовъ, лишиться черезъ это ихъ уваженія, и вмѣстѣ съ тѣмъ потерять всякій нравственный авторитетъ надъ ними, словомъ пожертвовать собою безъ всякой надежды принести тѣмъ пользу университету и дѣлу никто изъ профессоровъ не хотѣлъ. Всякій изъ нихъ предчувствовалъ бѣду и боялся тяжелой отвѣтственности передъ правительствомъ, университетомъ и общественнымъ мнѣніемъ, если не управится съ дѣломъ, которое на себя бралъ, а управиться не было никакихъ средствъ: это видѣлъ всякій. Положеніе проректора, само по себѣ крайне трудное и деликатное, еще затруднено министерскими распоряженіями и сдѣлано совершенно невозможнымъ. Никакая прибавка жалованья, никакія заботы министерства объ улучшеніи содержанія, не выкупали безвыходнаго положенія профессора, который-бы рѣшился принять званіе проректора. Вслѣдствіе этого профессорамъ оставалось одно: откровенно, добросовѣстно представлять начальству при каждомъ удобномъ случаѣ, крайнюю трудность положенія, неудобство новыхъ правилъ и отказаться отъ опасной чести быть проректоромъ. Съ полною откровенностью они выразили попечителю въ совѣтѣ свои сомнѣнія относительно самыхъ важныхъ пунктовъ новыхъ правилъ, но не были услышаны и въ этотъ разъ. Отъ нихъ требовалось безусловнаго ихъ выполненія и выбора проректора.

Въ бывшемъ, вслѣдствіе того, особомъ совѣщаніи профессоровъ въ залѣ совѣта, продолжавшемся четыре часа, былъ подробно обсуждаемъ вопросъ о проректорѣ. Послѣ продолжительныхъ преній, положено было представить попечителю, что «совѣтъ не можетъ указать ни на одного изъ своихъ членовъ для исправленія должности проректора, по тѣмъ трудностямъ, которыя представляетъ эта должность на основаніи утвержденныхъ правилъ».

Совѣту не легко было рѣшиться на такой шагъ. Если онъ на него рѣшился, даже съ указаніемъ побудительныхъ причинъ, то это доказывало, что положеніе въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно трудное. Не исполнить повтореннаго требованія начальства, дѣло слишкомъ рискованное и мало полезное въ служебномъ отношеніи, чтобъ на него можно было пойти легкомысленно безъ самыхъ важныхъ побудителеныхъ причинъ. Но министерство не хотѣло обратить на это вниманія. Вмѣсто того, чтобъ увидѣть въ отзывѣ профессоровъ добросовѣстное отправленіе служебныхъ обязанностей и важное предостереженіе, оно приняло ихъ отзывъ какъ сопротивленіе распоряженіямъ правительства и отвѣтило назначеніемъ въ должность проректора инспектора студентовъ, человѣка неуважаемаго ни профессорами, ни студентами, недѣятелнпаго и трусливаго.

Съ этой минуты дѣла пошли быстро къ окончательной прискорбной развязкѣ. Къ распоряженіямъ министерства присоединились еще не понятныя упущенія ближайшаго университетскаго начальства. Никакой мѣры для ознакомленія студентовъ съ новымъ порядкомъ дѣлъ въ университетѣ принято не было. Новыя постановленія правительства студентамъ объявлены не были, и стали нѣкоторымъ изъ нихъ извѣстны изъ газетъ, а большинству изъ самыхъ нелѣпыхъ и противурѣчивыхъ слуховъ. Какъ только открылись лекціи (18 Сентября), начались опять сходки, съ рѣчами и разными манифестаціями, никто ихъ не останавливалъ, никто, даже тогда, не позаботился объявить студентамъ, что онѣ безусловно запрещены. Воззваніе самое легкомысленное было прибито въ университетѣ и не было снято въ теченіи шести часовъ сряду: каждый могъ читать свободно, сколько хотѣлъ. Безпорядки по выдачѣ студентамъ билетовъ на жительство поджигали и распаляли ихъ съ каждымъ днемъ болѣе. Еще

въ Пятницу 22 Сентября, совѣтъ единогласно просилъ объ отмѣнѣ билетовъ, но напрасно.

Послѣдняя шумная сходка была въ университетѣ въ Субботу, 22 Сентября, послѣ чего лекціи были прекращены. Своевременно и благоразумно-ли было это распоряженіе — трудно сказать. При прежнемъ порядкѣ дѣлъ, студентовъ конечно можно было успокоить, не прибѣгая къ такой крутой мѣрѣ; но при новыхъ правилахъ и вызванномъ ими настроеніи, университетъ рано или поздно пришлось-бы закрыть, потому, что онѣ именно и поддерживали волненіе.

На другой день 24 Сентября, министръ народнаго просвѣщенія въ первый разъ по вступленіи своемъ въ министерство принялъ профессоровъ и преподавателей университета. Представленіе было оффиціальное. Графъ Путятинъ повторилъ профессорамъ, что правительство заботится объ увеличеніи ихъ содержанія, просилъ содѣйствовать ему въ успокоеніи студентовъ, объяснялъ справедливость и необходимость взиманія съ нихъ платы за слушаніе лекцій и выразилъ готовность правительства оказать въ этомъ отношеніи снисхожденіе достойнымъ, но бѣднымъ молодымъ людямъ. Тутъ-же профессора въ-первые узнали о прекращеніи лекцій не изъ устъ министра, а отъ исправляющаго должность ректора.

На слѣдующій день 25 Сентября, по утру, была по поводу закрытія лекцій, уличная демонстрація студентовъ, а ввечеру происходило засѣданіе университетскаго совѣта подъ предсѣдательствомъ попечителя. Министерство стало въ самое затруднительное положеніе. Оно теперь только кажется замѣтило, что ошибалось и принимало не тѣ мѣры, какія слѣдовало, но отступить отъ нихъ послѣ того, что произошло, было разумѣется невозможно. Для умиротворенія университета министерство придумало новыя полицейскія мѣры. Предположено по открытіи университета раздавать матрикулы не тѣмъ порядкомъ, какъ предписано въ правилахъ, самимъ-же министерствомъ утвержденныхъ, т. е. не проректоромъ и его секретаремъ, а съ особенною торжественностію въ факультетскихъ засѣданіяхъ; присутствіе при этомъ профессоровъ уважаемыхъ студентами, говорилъ попечитель, будетъ имѣть моральное вліяніе на молодыхъ людей и придастъ въ ихъ глазахъ матрикуламъ желаемый авторитетъ. Это говорилось въ то время, когда студенты до послѣдней степени раздраженные распоряженіями министерства и университетскаго начальства, рѣ-

шились на самыя крайнія мѣры. Профессоры, тщетно предостерегавшіе столько разъ и министерство и университетское начальство, должны были теперь своимъ нравственнымъ авторитетомъ и вліяніемъ поддерживать то, чего они по совѣсти не могли одобрить, и тѣмъ лишить себя на всегда возможности имѣть на студентовъ какое-нибудь нравственное вліяніе, имѣть въ ихъ глазахъ какой-нибудь авторитетъ, столько необходимый въ ближайшемъ будущемъ для возстановленія въ университетѣ тишины и порядка. Спрошенные попечителемъ, какъ они объ этомъ думаютъ, профессора, большинствомъ 15 голосовъ противъ 14 отвергли эту мѣру какъ неудобную, не ведущую къ цѣли къ цѣли и противную правиламъ. Министерство опять увидѣло въ этомъ не иное что, какъ сопротивленіе высочайшимъ повеленіямъ и потребовало отъ профессоровъ письменныхъ отзывовъ, по этому предмету, вѣроятно предполагая, что они не рѣшатся изложить свои мнѣнія на бумагѣ. Оказалось, что въ письменныхъ отзывахъ неудобство раздачи матрикулъ въ факультетахъ было признано даже многими изъ тѣхъ профессоровъ, которые, при словесной подачѣ голосовъ, были въ пользу предложенія генералъ-лейтенанта Филипсона, или не были въ засѣданіи совѣта, такъ что значительное большинство голосовъ выразилось противъ этой мѣры. Она и была оставлена. Съ своей стороны профессоры, желая всячески содѣйствовать правительству въ успокоеніи студентовъ мѣрами дѣйствительными, предложили: во-первыхъ произвести посредствомъ коммисіи, выбранной университетскимъ совѣтомъ изъ своей среды, подробное изслѣдованіе о бывшихъ въ университетѣ безпокойствахъ и о ихъ причинахъ; во-вторыхъ облегчить способы уплаты денегъ за слушаніе лекцій для молодыхъ людей недостаточнаго состоянія. Оба предложенія приняты совѣтомъ единогласно, но изъ нихъ одобрено попечителемъ только второе, а первое отвергнуто, безъ объясненій причинъ.

Изъ предыдущаго изложенія видно, что причины волненій и безпорядковъ между студентами, приведшіе къ такимъ прискорбнымъ результатамъ, заключались главнымъ образомъ:

Въ совершенной неудовлетворительности университетскаго устава 1835 г., настоятельно требующаго коренныхъ преобразованій:

Въ неосторожныхъ распоряженіяхъ министерства; въ неустройствѣ и бездѣйствіи университетскаго начальства.

На учащихся молодыхъ людей, по возрасту своему распо-

ложенныхъ къ преувеличеніямъ и крайностямъ, большею частію по самымъ благороднымъ побужденіямъ, могутъ съ успѣхомъ дѣйствовать не внѣшнія полицейскія мѣры, а нравственное вліяніе профессоровъ, къ которымъ они привыкли, которыхъ знаютъ, изъ которыхъ многихъ глубоко уважаютъ. Какъ-же поставлены профессоры? Содержаніе ихъ самое жалкое, участіе въ управленіи университетомъ самое ничтожное, отъ студентовъ они систематически устранены.

Съ другой стороны полицейскій характеръ университетскаго устава 1835 г., смягченный въ примѣненіи въ послѣднее время новыми мѣрами правительства, вдругъ оживленъ и возстановленъ еще съ большею силою, чѣмъ когда-либо; безусловно запрещены студентскія собранія, тогда какъ они, при извѣстныхъ условіяхъ и обстановкѣ, могли-бы быть не только безвредны, но даже полезны; доступъ въ университетъ бѣднымъ молодымъ людямъ закрытъ вовсе, тогда какъ для большинства учащихся университетскій дипломъ есть патентъ на право кормиться честнымъ трудомъ. Едва-ли теперь настало время ограничивать число университетскихъ воспитанниковъ, когда запросъ на нихъ по всѣмъ отраслямъ управленія такъ великъ, а въ ближайшемъ будущемъ съ предстоящими преобразованіями долженъ сдѣлаться гораздо больше. Дѣйствіе этихъ коренныхъ причинъ усилили еще болѣе чрезмѣрно строгія распоряженія министерства, которое дѣйствуя круто и рѣзко, не допуская никакихъ переходныхъ мѣръ, обезсилило и охладило профессоровъ и довело студентовъ до сосредоточеннаго отчаянія. Безурядицы и хаосъ университетской администраціи довершили остальное.

Чтобъ поправить зло и утишить волненіе въ университетахъ необходимо:

1) Преобразовать университетскій уставъ 1835 г. на широкихъ началахъ, предоставя профессорамъ гораздо большее значеніе въ университетскомъ управленіи, чѣмъ теперь, и обезпечивъ имъ безбѣдное матеріальное существованіе. Вообще университеты должны получить больше самостоятельности, чѣмъ до сихъ поръ имѣли.

2) Ректоры должны быть выборные и облечены большею властью; поднять ихъ значеніе необходимо.

3) Если правительство не признаетъ возможнымъ уменьшить плату за слушаніе лекцій, то необходимо по крайней мѣрѣ, освободить отъ нея дѣйствительно бѣдныхъ молодыхъ

людей, и значительно облегчить взносъ денегъ для лицъ недостаточнаго состоянія.

4) Надлежитъ отмѣнить вовсе различіе между студентами и вольнослушателями, безъ нужды путающее дѣло и университетскій надзоръ. Слѣдуетъ или уничтожить вовсе званіе студента или-же отмѣнить разрядъ вольнослушателей. Въ пользу и противъ того и другого можно сказать многое и потому вопросъ этотъ требуетъ внимательнаго обсужденія.

5) Дозволить собранія студентовъ подъ надзоромъ университетскаго начальства и профессоровъ; разрѣшить имъ имѣть въ своемъ распоряженіи, посредствомъ выборныхъ, но также подъ наблюденіемъ университета, студенческую кассу, библіотеку и т. п.; кругъ занятій собраній и наблюденія за ними должны быть очень зрѣло обдуманы, чтобъ съ одной стороны не стѣснять безъ нужды молодыхъ людей, а съ другой не дать имъ уклониться по этому поводу съ прямаго пути.

и 6) Подробно и самымъ тщательнымъ образомъ пересмотрѣть всѣ относящіяся къ студентамъ правила и выключить изъ нихъ все то, что безъ крайней необходимости дразнитъ ихъ и вызываетъ на волненіе. Такія правила есть, и онѣ много вредятъ дѣлу.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что строгому и добросовѣстному надзору надъ студентами, много мѣшаетъ чрезмѣрная жестокость нашихъ уголовныхъ законовъ и заключающаяся въ нихъ наклонность придавать государственный и политическій характеръ такимъ проступкамъ молодежи, которые на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ бредъ молодости. Еслибъ этого не было, еслибъ такъ называемыя политическія преступленія учащагося юношества наказывались слабѣе, напр. по большей мѣрѣ заключеніемъ на полгода, то не было-бы причины скрывать такіе проступки и уменьшать ихъ важность, какъ дѣлается по необходимости теперь, даже людьми добросовѣстными, неодобряющими крайностей, въ которыя вдаются молодые люди. Теперь всякій боится принять на свою душу тяжкую отвѣтственность за погибель юноши; всякій знаетъ часто по опыту, что придя въ зрѣлый возрастъ, юноша будетъ думать и поступать иначе, и потому скрывая его проступки—раждается мысль о безнаказанности, которая поощряетъ молодыхъ людей на этомъ пути, и наконецъ доводитъ ихъ до дѣйствительныхъ политическихъ и государственныхъ преступленій.

ПИСЬМО VIII.

Парижъ, $^{7}/_{19}$ Іюня 1862.

Письмо твое, дорогой Герценъ, было для меня такою же радостью, какъ депеша изъ Эмса о пріѣздѣ туда моей жены съ дочерью. Много и много разъ благодарю тебя за него. Личною связью съ тобою я дорожу безмѣрно, и чѣмъ больше живу, тѣмъ больше. Жизнь безжалостно вырвала листки изъ пышнаго цвѣтка дружбы и теперь ихъ осталось немного: роскошничать этимъ счастьемъ нельзя и не по лѣтамъ, передъ тѣмъ какъ начинаешь обращаться въ минералогическое царство. Ты не хочешь, чтобъ я пріѣхалъ? Будь твоя воля; для меня свиданіе съ тобою есть дѣло сердца, воспоминаній, я готовъ почти сказать поклоненія, хотя мы и стоимъ на разныхъ дорогахъ. Повторяю, я думаю, что насъ раздѣляютъ средства, а не цѣли. Повторяю, мысли твои, которыя ты бросаешь мимоходомъ, какъ будто невзначай, кажутся мнѣ программами на вѣка. Если будетъ время, я когда нибудь займусь выборкой этихъ jets de lumière, какъ недавно Frauenstaedt сдѣлалъ такую выборку изъ Шопенгауера. Какъ мыслителя — я не знаю тебѣ равнаго. Но не сердись на меня, если я тебѣ скажу, что ты непослѣдователенъ. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется. Міръ цѣлый валится, цѣлый синтезъ одряхлѣлъ. Можно ли хоть одной партіи, хоть одному мнѣнію, протянуть руку? Признаюсь я не вижу. Мало того. Мнѣ кажется, что основная мысль вѣка — взглядъ на человѣка какъ на предметъ естественной исторіи, не имѣющей ни цѣли, ни задачи, какъ на продуктъ извѣстныхъ (или правильнѣе неизвѣстныхъ) сочетаній есть уже выходъ изъ всякихъ насильственныхъ пріемовъ, чтобъ вести народы и племена по той или другой дорогѣ. Повѣрь — я хотѣлъ сказать подумай — правительства и противники ихъ не равно ли стоятъ на ошибочной дорогѣ, желая насиловать народы. Результатъ мнѣ кажется совершенно добытый, что всякое насиліе, откуда бы оно ни шло, погибаетъ не подъ ударами другаго насилія, которое его только подогрѣваетъ, искуственно поддерживаетъ его жизнь, а вслѣдствіе своей внутренней, принципіальной несостоятельности, хотя бы противъ него и никто не возставалъ, даже тѣмъ скорѣе, чѣмъ менѣе противъ него будутъ возставать. Пока зло (т. е. насиліе)

есть, значитъ не всѣ возможности его исчерпаны, значитъ нѣкоторыя затвердѣлости еще не распустились. Распускаетъ ихъ только мысль, только сознаніе и ничего больше. Общественная жизнь — это такой же организмъ (т. е. одно изъ проявленій организма), противъ котораго ничего не подѣлаешь силой. Больнаго лечутъ, а не бьютъ, чтобъ онъ выздоровѣлъ.

Мы, русскіе, мнѣ кажется именно тотъ народъ, который всею своей физіономіей призванъ водворить это начало въ исторіи, привести его къ иному сознанію. Не такъ мы сложились въ народъ, не такъ мы росли, не такова вся наша исторія, чтобъ мы могли имѣть какое нибудь поползновеніе смотрѣть на дѣло иначе. Мы прошли, еще въ младенчествѣ, страшный переворотъ — котораго смыслъ мнѣ до сихъ поръ не совсѣмъ ясенъ, — это петровскій. Но едва мы стали открывать глаза, какъ созданное имъ насиліе, эшафодажъ его хитросплетеній, разваливается самъ собою въ прахъ, вымираетъ безъ всякой новой революціи. Чѣмъ спокойнѣе пойдутъ у насъ дѣла, тѣмъ скорѣе онъ вывѣтрится. Чтобъ вѣрить въ это не нужно быть ни фанатикомъ, ни пророкомъ, ни заклятымъ идеалистомъ. Это очевидно, бросается въ глаза, такъ что развѣ лѣнивый не увидитъ, или тотъ, кто смотрѣть не хочетъ.

Я не скажу тебѣ тогоже о Полякахъ. Порядокъ дѣлъ, существующій въ Польшѣ, не ими созданъ. Они завоеваны, и я совершенно понимаю возмущающагося Поляка, какъ понимаю бунтующаго Болгара, Серба, Итальянца противъ Австрійцевъ и т. п. Но ближайшій ли путь для свободы Польши сбросить силою русское иго, — это опять другой вопросъ. Я думаю, я глубоко убѣжденъ что нѣтъ. Какъ ни безсмысленно и ни отвратительно (особенно было) русское владычество въ Польшѣ, имъ не выгодно теперь стряхнуть наше иго. Еслибъ русскому правительству пришла благая мысль отказаться самому отъ Польши, отъ всякаго клочка бывшей прежде польской земли, которую поляки считаютъ и теперь своею, — представилось бы удивительное зрѣлище: поляковъ опять потянуло бы сильно къ намъ, потому только, что за польскимъ вопросомъ стоитъ несравненно важнѣйшій, вопросъ Славянскій, въ которомъ безъ Россіи двинуться нельзя. Взаимнымъ треніемъ другъ объ друга мы лечимся отъ дикости и безмыслія, они отъ неславянскихъ соковъ и

золотухи, которой нахлебались черезъ край. Сближеніе между поляками и русскими, не смотря ни на что, идетъ своимъ чередомъ, медленно, но не останавливаясь и конечно сближеніе въ ненависти къ правительству не есть ни самая прочная, ни самая глубокая сторона этого многозначительнаго явленія: она исчезнетъ съ перемѣнившимися обстоятельствами и оставитъ одни разочарованія. Прочно будетъ сближеніе, происходящее отъ взаимнаго перерожденія, отъ сознанія единства передъ глубокимъ, кореннымъ различіемъ съ европейскимъ синтезомъ.

И такъ, миръ и простота, отсутствіе всякаго рода эшафодажей, какими бы благородными побужденіями они ни вызывались, какъ бы они ни были, по намѣренію чисты и святы — вотъ мой лозунгъ. Съ тобой поступаютъ несправедливо — терпи; твою правду попираютъ безправіемъ — терпи; тебѣ кажется, что если ты отвѣтишь силою противъ силы, то правое дѣло будетъ торжествовать: это горькое заблужденіе, — терпи; тысячу разъ терпи: зло само собою и скорѣе разлетится въ прахъ, а ты останешься чистъ. Терпи не во имя царства небеснаго и будущихъ благъ, а во имя того, что правда и благо только и есть въ совершенномъ отсутствіи насилія. Пусть протестуютъ только мысль, только сознаніе. Они вольны, какъ воздухъ.

И такъ, ты не хочешь меня видѣть! Это большое для меня горе. По крайней мѣрѣ пришли мнѣ самый твой послѣдній портретъ — карточку; я хоть такъ тебя увижу. А можетъ быть не стерплю, пріѣду навѣстить тебя только не у тебя, а гдѣ нибудь на неутральномъ полѣ. Я уважаю твое положеніе, твои заслуги, твое право вѣрить, думать, дѣлать такъ, какъ ты считаешь лучшимъ, по своему убѣжденію и совѣсти. Я хочу видѣть тебя, какой ты есть, съ твоими заблужденіями, ошибками, — этимъ необходимымъ баластомъ каждаго человѣка — потому что ты мнѣ дорогъ весь, какъ ты есть. Спорить съ тобой я не стану. Къ чему это? Не убѣждать же я тебя хочу; а еслибъ хотѣлъ, гораздо лучше писать: въ письмѣ раздраженію нѣтъ мѣста. Мнѣ хотѣлось бы только тебя обнять, удовлетворить личной привязанности къ тебѣ, не зная когда увидимся опять и удастся ли опять, когда нибудь увидаться.

Въ воскресенье ѣду въ Эмсъ, на свиданіе съ женой и дочерью, а черезъ двѣ недѣли ворочусь сюда. Поэтому ты

мнѣ не пиши и не присылай карточки, пока я не дамъ тебѣ знать о своемъ возвращеніи.

Будь же здоровъ! Крѣпко, крѣпко обнимаю тебя отъ всего сердца.

Твой Кавелинъ.

ПИСЬМО IX.

Парижъ, $^{17}/_{29}$ Іюля 1862.

Милый другъ! Я въ Парижѣ, еще не совсѣмъ излечившійся отъ лихорадки, которая • проняла было меня очень сильно въ Эмсѣ. Оттого возвращеніе мое такъ замедлилось, противъ предположеннаго. Жду отъ тебя письма, въ отвѣтъ на мое отъ конца Іюня. Получилъ ли ты его?

Будь здоровъ. Поклонись Татѣ и поцѣлуй Олю — кажется такъ ее зовутъ? Я живу: Rue de Grenelle St. Honoré, hôtel des Empereurs. Appartem. 35. Съ мѣсяцъ еще пробуду, такъ по крайней мѣрѣ надѣюсь.

Твой, по старому преданный и отъ сердца любящій

Кавелинъ.

ПИСЬМО X.

Х Читай про себя.

6 Августа (1862)

Написалъ большое письмо Огареву. Теперь кажется сказалъ все и развѣ еще что пояснить можно, а существеннаго прибавить нечего. Судите и думайте какъ хотите, а я убѣжденъ такъ и убѣжденъ еще въ томъ, что Вы портите дѣло Колокола. Чѣмъ рѣшительнѣе, открытѣе онъ будетъ знаменемъ соціальной революціи въ Россіи, тѣмъ больше и больше онъ будетъ терять прежнее свое вліяніе. Помомни мои слова. Х

Здѣсь Бакунинъ. Я съ нимъ видѣлся разъ. Такъ какъ дружбы я къ нему не чувствую, то видѣться больше считаю совершенною роскошью. Чтожъ у насъ съ нимъ общаго? Трогательно для меня было очень, что онъ преподнесъ мнѣ

дипломъ совершенно честнаго человѣка, прибавя, что еслибъ я такимъ не былъ, онъ, Михайла Бакунинъ, конечно со мною бы не видался. Сравнивая меня съ Н. Ф. Павловымъ онъ нашелъ, что я не то что Павловъ, получше. Вотъ, братъ, до чего я дожилъ, что Михайла Александровичъ выдаетъ мнѣ патентъ на честность. Должно быть скоро умру. Кромѣ того, онъ почему то воображаетъ, что я въ большомъ кредитѣ у Головнина — словомъ погудка Долгорукова; а я до сихъ поръ путемъ не знаю, что значитъ моя посылка за границу. Головнинъ говоритъ, что видя мое ложное положеніе между правительствомъ, которое смотритъ на меня подозрительно, и студентами, которые считаютъ меня консерваторомъ, онъ Головнинъ, желаетъ сберечь меня для будущаго; а другіе, люди понимающіе дѣло, говорятъ, что Головнинъ меня благовидно спустилъ и отъ меня отдѣлался. Что до меня лично касается, то я совершенно равнодушенъ къ обѣимъ версіямъ. Принять какой нибудь дѣятельный постъ, теперь ли, послѣ ли, при такомъ нелѣпомъ правительствѣ, я не могу и не хочу. Въ университетѣ я не возможенъ, потому что былъ бы поставленъ между двумя огнями: студентами и шатающимся на право и на лѣво правительствомъ, которое какою нибудь глупостью въ мигъ разрушитъ то, что ты строишь долго и съ трудомъ. Мое порученіе оканчивается къ Февралю, послѣ чего я намѣренъ остаться еще неопредѣленное время за границей и буду работать. Задумано многое. Въ связи съ тѣми мыслями, которыя я набросалъ Огареву, находится мысль провѣрить по методу естеств. наукъ операціи мышленія и воли. Работы Локка и Канта — устарѣли, а послѣ нихъ только строили на результатахъ, которые они дали. Надо провѣрить эти результаты. Мнѣ кажется тутъ ключъ къ выходу изъ дуалистическихъ воззрѣній и въ новый міръ. Лѣтъ шесть, какъ эта мысль меня занимаетъ, но успѣю ли изложить ее какъ бы хотѣлось, — не знаю. Все некогда.

Чтобъ возвратиться къ Бакунину, онъ мнѣ не понравился. Кромѣ общихъ, битыхъ и перебитыхъ мѣстъ, старыхъ классификацій людей и вещей, я отъ него ничего не слыхалъ. Тутъ все кончено и прожито.

Съ мѣсяцъ пробуду еще здѣсь; а потомъ отправлюсь въ Бельгію. Смертельно хочется обнять тебя, но теперь времени назначить впередъ не могу. Во всякомъ случаѣ извѣщу

впередъ недѣли за двѣ. Извѣстія изъ Россіи, съ моей точки зрѣнія, не такъ плохи. Арестованъ не Николай, а Александръ Соловьевичъ. Аресты меня не удивляютъ, и признаюсь тебѣ не кажутся возмутительными. Это война: кто кого одолѣетъ. Революціонная партія считаетъ всѣ средства хорошими, чтобъ сбросить правительство, а оно защищается своими средствами. Не то были аресты и ссылки при подлецѣ Николаѣ. Люди гибли за мысль, за убѣжденія, за вѣру, за слова. Я бы хотѣлъ, чтобъ ты былъ правительствомъ и посмотрѣлъ бы, какъ бы ты сталъ дѣйствовать противъ партій, которыя стали бы противъ тебя работать тайно и явно. Чернышевскаго я очень, очень люблю, но такого брульона, безтактнаго и самонадѣяннаго человѣка я никогда еще не видалъ. И было бы за что погибать! Что пожары въ связи съ прокламаціями — въ этомъ нѣтъ теперь ни малѣйшаго сомнѣнія [1]).

Прощай. Твой Кавелинъ.

Упомянутое выше «большое письмо» къ Огареву, къ сожалѣнію, не находится въ доступной намъ коллекціи. Тамъ есть только приводимое ниже, вызванное почти годъ спустя слѣдующими строками въ «Колоколѣ» № 162, 1 Мая 1863 г., въ статьѣ Огарева «Надгробное слово», писанной по поводу смерти въ Польшѣ офицера Потебни и начинавшейся съ воззванія: «Друзья юноши!»

«.... дворянство покончило всякую инициативу жизни. Оно ее покончило и въ литературѣ, не говоря уже объ отцахъ, но большое число изъ его дѣтей (юношей, къ которымъ не обращается наше слово) — ударились въ чувство сохраненія помѣщичьихъ правъ, безсознательно — своекорыстно пошли по слѣдамъ подкупныхъ газетчиковъ, профессоровъ — вьющихъ гнилую паутинку своихъ высокомѣрнокрошечныхъ идеекъ, экъ-профессоровъ, — когда то простодушныхъ, а потомъ озлобленныхъ, видя что здоровая молодежь не можетъ сочувствовать ихъ золотушной мысли».

[1]) Однакожъ ни печать Катковскаго направленія, ни правительство не дали ни тогда, ни послѣ никакого сколько нибудь осязательнаго подтвержденія подобныхъ подозрѣній. *М. Др.*

ПИСЬМО XI.

Бонн. Baumschulallée, 11. — 31 Мая 1863.

Огаревъ! Я пишу къ тебѣ по новоду чисто личнаго вопроса, который касается только до меня и до тебя. Въ «Надгробномъ Словѣ» (Колоколъ, листъ 162) ты говоришь обо мнѣ и, съ своей точки зрѣнія, не выгодно отзываешься о моихъ понятіяхъ и взглядахъ. Противъ этого, разумѣется, я и не возражаю. Но зачѣмъ ты говоришь, что я озлобился, видя что здоровая молодежь не можетъ сочувствовать моей золотушной мысли? Эту фразу прочесть мнѣ было больно, больно во имя старины, во имя прошлаго! Я бы могъ доказать тебѣ хронологически, что брошюра, которая тебѣ не нравится, написана въ то время, когда я еще былъ идоломъ молодежи и слѣд. для озлобленія не было повода. Но дѣло совсѣмъ не въ томъ. Мнѣ больно, что зная меня, ты могъ допустить въ своемъ сердцѣ другой поводъ къ моимъ понятіямъ, кромѣ убѣжденія! Неужели же, разойдясь далеко во взглядахъ, въ цѣляхъ и особенно въ средствахъ, ведущихъ къ цѣли, мы получили право взаимно неуважать другъ друга и въ правѣ клеветать, подкладывать личныя причины подъ наши мнѣнія? Это тебя недостойно! Мы оба перемѣнились въ понятіяхъ и взглядахъ. Въ «Общемъ Вѣчѣ» № 14, приложенномъ къ № 162 Кококола, въ статьѣ, подписанной: Старообрядецъ, но въ которой всякій тебя узнаетъ, ты называешь старообрядцевъ братьями своими по вѣрѣ, преклоняешь мысленно съ ними колѣна передъ Богомъ. Ничего такого и тѣни не было, когда мы были знакомыми и друзьями. Неужели же я былъ бы правъ, приписывая какія нибудь личныя поводы къ такой перемѣнѣ въ твоихъ понятіяхъ и взглядахъ? Не соглашаться съ ними, — это другое дѣло; выводить на свѣтъ, что они глупы, пошлы, безобразны, вредны и т. под., — кто противъ этого! Но, зная человѣка, можно не подкладывать ему дрянныхъ побужденій. Это требованіе, я думаю справедливо; по крайней мѣрѣ когда мы говоримъ другъ о другѣ.

Я пишу тебѣ не подъ вліяніемъ досады или оскорбленія, а повторяю, — потому что мнѣ больно за прошедшее, мнѣ горестно, что ты забылъ благочестіе, которое мы должны имѣть къ былому. Во имя его я рѣшаюсь писать тебѣ въ

послѣдній разъ. Мое дѣло было тебѣ напомнить; а тамъ, разумѣется, дѣлай какъ знаешь. Не думаю, чтобъ ты приписывая мнѣ дрянные поводы, успѣлъ этимъ лучше, полнѣе опровергнуть мои взгляды и понятія. Суди дѣло и оставь лицо въ сторонѣ, — лучше будетъ. Я по крайней мѣрѣ, на свою долю, разойдясь съ Вами, сохраняю воспоминаніе о прошедшемъ и берегу его подъ старость лѣтъ. Оно лучше нашего настоящаго и того, что еще будетъ впереди. — Надѣюсь, что и мое теперешнее письмо ты примешь какъ дань прошлому, а не какъ желаніе видѣть оговорку въ «Колоколѣ», въ которой я нисколько не нуждаюсь.

Кавелинъ.

ПИСЬМА ИВ. С. ТУРГЕНЕВА

КЪ

АЛ. ИВ. ГЕРЦЕНУ И ДРУЗЬЯМЪ ЕГО.

1849—1869

ПИСЬМА ИВ. С. ТУРГЕНЕВА

КЪ

АЛ. ИВ. ГЕРЦЕНУ И ДРУЗЬЯМЪ ЕГО.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Нижеслѣдующія письма представляютъ намъ Тургенева съ той стороны, съ какой онъ до сихъ поръ извѣстенъ мало, — а именно со стороны его политическихъ мнѣній и отношеній его къ политической и соціальной агитаціи, центромъ которой былъ въ свое время Герценъ. Мы считали необходимымъ по этому нѣсколько расширить наши примѣчанія къ письмамъ указаніями и выдержками изъ статей, которыя внушалъ Тургеневъ, или съ которыми онъ соглашался или не соглашался. Но нѣкоторыя личныя и даже литературныя указанія Тургенева мы должны были оставить безъ объясненій, по отсутствію въ нашихъ рукахъ необходимыхъ источниковъ и пособій.

М. Др.

ПИСЬМО I.

Парижъ, 31 Іюля 1849 г.

Виноватъ я передъ тобой, милый Герценъ, долго къ тебѣ не писалъ, хотя часто вспоминалъ о тебѣ; но я все это время провелъ въ деревнѣ, въ совершенномъ уединеніи, — а уединеніе производитъ во мнѣ всякій разъ невыразимую лѣнь, которую на поэтическомъ языкѣ называютъ тишиной, погруженіемъ въ тишину и т. д. Однако изрѣдка долетали до меня слухи о тебѣ и твоемъ семействѣ — и теперь вотъ я,

пріѣхавъ на два дня въ Парижъ, не хочу пропустить случая пожать тебѣ заочно руку и пожелать тебѣ и всѣмъ твоимъ всякаго блага и добра. Гдѣ то мы увидимся? Дѣла такой приняли оборотъ, что никакого рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя. Слышалъ я объ одномъ твоемъ намѣреніи — и не хвалю тебя за то, за что тебя многіе хвалить будутъ: потому что сдѣлать это было для тебя такъ же естественно, какъ выпить бутылку шампанскаго [1]). Ты славный малый — и я тебя очень люблю.

Я опять на четыре недѣли уѣзжаю въ деревню охотиться, — что послѣ будетъ, — это знаетъ одинъ Всевышній. Я не думаю, чтобы ты остался въ Швейцаріи. Поклонись отъ меня твоей женѣ, Гервегу [2]) и пр. Я слышалъ, ты на дняхъ сдѣлалъ путешествіе по глетчерамъ. Напиши, что нибудь объ этомъ. Жму тебѣ крѣпко руку и остаюсь навсегда

Преданный тебѣ И. Тургеневъ.

---

[1]) Слова эти относятся, очевидно, къ намѣренію Герцена остаться за границей съ цѣлью организаціи «вольной русской типографіи». Самъ Герценъ говоритъ въ одной своей статьѣ въ 1863 г. о заявленіи этого намѣренія друзьямъ своимъ такъ: «Въ 1849 г. я писалъ моимъ друзьямъ въ Россію (у меня были тогда друзья въ Россіи) что я остаюсь на Западѣ исключительно для того, чтобъ начать свободную русскую рѣчь, устроивъ для Россіи безцензурный органъ». (Колоколъ № 168, 1 Авг. 1863 г.; женевское изданіе: Колоколъ, избранныя статьи А. И. Герцена, стр. 424). Слова Тургенева, очевидно, отвѣтъ на упомянутое письмо Герцена. Впрочемъ, отвѣтъ этотъ былъ чисто индивидуальнымъ и даже слишкомъ оптимистическимъ. Изъ разсказа Герцена о посѣщеніи его М. С. Щепкиныхъ въ Лондонѣ въ 1853 г., видно, что московскіе друзья его были перепуганы появленіемъ его заграничныхъ публикацій; Щепкинъ совѣтовалъ прекратить ихъ, удалиться на время въ Америку, заставить забыть себя и потомъ хлопотать о позволеніи возвратиться въ Россію. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда «Колоколъ» имѣлъ успѣхъ, самъ Щепкинъ припугнулъ имъ своего начальника, директора императорскихъ театровъ (Колоколъ, № 171, 1 Окт. 1863; жен. изд. 443—447). Объ этомъ дальше разсказывается въ письмѣ Тургенева.

[2]) Гервегъ — нѣмецкій поэтъ-демократъ, бывшій въ Парижѣ предсѣдателемъ клуба нѣмцевъ-эмигрантовъ «Democratischer Verein». (См. между прочимъ, П. В. Анненкова, Событія Марта 1848 г. въ Парижѣ. Русскій Вѣстникъ, 1862, № 3, 260—261). Путешествіе по глетчерамъ описано Герценомъ въ «Былое и Думы».

ПИСЬМО II.

Парижъ. $^{22}/_{10}$ Іюня 1850 г.

Я пріѣхалъ изъ деревни, любезный Александръ, часъ спустя послѣ твоего отъѣзда; ты можешь себѣ представить, какъ мнѣ было это досадно; я бы такъ былъ радъ еще разъ съ тобой повидаться передъ возвращеніемъ въ Россію. Да, братъ, я возвращаюсь; всѣ вещи мои уложены и послѣ завтра я покидаю Парижъ и черезъ недѣлю, въ будущую субботу, сажусь на пароходъ въ Штеттинѣ. Ты можешь быть увѣренъ, что всѣ твои письма и бумаги будутъ мною доставлены въ цѣлости, — и хотя ты не удостоилъ меня даже извѣщеніемъ о мѣстѣ твоего пребыванія, — я исполню всѣ свои обѣщанія; буду высылать тебѣ книги и журналы на имя дѣвицы Эрнъ, какъ мы условились—къ Ротшильду; я сегодня же зайду къ нему и извѣщу его объ этомъ [1]). Богъ знаетъ, когда мнѣ придется тебѣ писать въ другой разъ; Богъ знаетъ, что меня ждетъ въ Россіи — mais le vin est tiré, il faut le boire. — Въ случаѣ какого нибудь важнаго обстоятельства, ты можешь извѣстить меня помѣщеніемъ въ объявленіяхъ «Journal des Débats» que M-r Louis Morisset (le Caen и т. д. Я буду читать этотъ журналъ и пойму, что ты захочешь мнѣ сказать. Прощай, милый Герценъ; желаю тебѣ всѣхъ возможныхъ благъ; я отъ твоего имени обниму всѣхъ твоихъ друзей. Мы много будемъ говорить о тебѣ съ ними. Постараюсь также по тому же адресу доставить тебѣ свѣдѣнія объ Огаревѣ и пр. — Будь здоровъ и дѣйствуй по возможности. Крѣпко жму руку твоей женѣ и цѣлую твоихъ дѣтей. Мой поклонъ Гервегу и его женѣ. Еще разъ обнимаю тебя и остаюсь

Твой И. Тургеневъ.

---

[1]) Марія Каспаровна Эрнъ, сестра вятскаго знакомаго Герцена, воспитанная погомъ въ Москвѣ, при помощи отца Герцена, выѣхала вмѣстѣ съ семействомъ Ал. Ив-ча за границу, гдѣ вышла замужъ за музыканта Рейхеля, пріятеля Прудона и Бакунина; теперь онъ директоръ консерваторіи музыки въ Бернѣ.

ПИСЬМО III.

Куртавенель. 22 Сентября 1856 г.

Что же ты никакой вѣсти о себѣ не даешь, любезный другъ? Я все ждалъ письма и присылки моей повѣсти, но наконецъ рѣшаюсь сказать тебѣ два слова. Пріѣхалъ ли ты въ Путней и здоровъ ли ты и здоровы ли всѣ вы? Я здѣсь живу въ деревнѣ и наслаждаюсь farniente и охотой. Плохо только то, что охота, за скудостью дичи, — очень посредственна и погода прескверная. Кончилъ я твои мемуары во 2-части П. З. Это прелесть, — и только остается сожалѣть о невѣрностяхъ въ языкѣ. Но ты непремѣнно продолжай эти разсказы: въ нихъ есть какая то мужественная и безыскуственная правда и сквозь печальные ихъ звуки прорывается, какъ бы не хотя, веселость и свѣжесть. Мнѣ все это чрезвычайно понравилось, — и я повторяю свою просьбу — непремѣнно продолжать ихъ, не стѣсняясь ничѣмъ. Странное дѣло! Въ Россіи я уговаривалъ старика Аксакова продолжать свои мемуары — а здѣсь — тебя. И это не такъ противуположно, какъ кажется съ перваго взгляда. И его и твои мемуары — правдивая картина русской жизни, только на двухъ ея концахъ и съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Но земля наша не только велика и обильна, — она и широка — и обнимаетъ многое, что кажется чуждымъ другъ, другу!

Фетъ пріѣзжалъ сюда дня на два — я ему далъ книжку его стиховъ и твой адресъ — онъ перешлетъ ее тебѣ.

Отзовись, пожалуйста; — а я пріѣхавши въ Парижъ, буду писать тебѣ часто и толково; а здѣсь лѣнь на меня напала невообразимая, — вотъ мой адресъ: au chateau de Courtavenel près de Rosny — en Brie — (Seine et Marne).

Обнимаю всѣхъ твоихъ и Огарева. — Будь здоровъ.

Твой Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО IV.

Парижъ. 10 Ноября 1856 г.

Милѣйшій Александръ Ивановичъ,

Прежде всего благодарю тебя за твою охотничью услугу. Англикъ человѣкъ честный и вручитъ тебѣ настоящее ружье—

а я тотчасъ вышлю тебѣ деньги, какъ только онѣ прибудутъ изъ моего «прекраснаго далека», какъ выражался Гоголь.

Также низко тебѣ кланяюсь за Колбасина, хотя извѣстіе о томъ, что ты уже другому далъ позволеніе печатать твои вещи, — его вѣроятно огорчитъ. Впрочемъ, если ты П. не далъ письменнаго позволенія, то я не думаю, чтобъ онъ могъ что нибудь сдѣлать, потому что кромѣ того, что у тебя есть наслѣдники, ценсура можетъ спросить: а по какому праву ты печатаешь Искандера? И потому я все таки прошу тебя выслать это позволеніе, поставивши вмѣсто одного имени Колбасина — имена его и П—го. Я ему тогда перешлю эту бумажку. И онъ, снесшись съ П., будетъ въ состояніи хлопотать.

Я хохоталъ до упаду отъ имени: Ипподромъ Сухозанетъ и вовсе не вижу причины, почему тебѣ не поставить буквъ: И. Т. — Развѣ онѣ не могутъ обозначать: Иліогабалъ Тизенгаузенъ? Сдѣлай одолженіе, не стѣсняйся, — а я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю этого письма. Я и въ Россіи не скрывалъ, что знаю и люблю тебя, тѣмъ болѣе могу я теперь смѣло сознаться въ этомъ передъ кѣмъ бы то ни было.

Я вчера обѣдалъ съ Пинто у Мельгунова; мнѣ онъ очень понравился, — но что за борода въ видѣ каскада! Шутки въ сторону, онъ мнѣ кажется такой изящной и чистой натурой. A propos d'italiens, поклонись отъ меня милѣйшему Саффи, qui a fait ma conquête.

Кланяюсь также всѣмъ твоимъ — Огареву, его женѣ и твоимъ дѣтямъ. Что поэмы Огарева — будутъ ли напечатаны и гдѣ именно?

Это однако не хорошо, что ты принужденъ былъ прибѣгнуть къ огню... и, вѣроятно, къ корпіи; что же касается до моей невралгіи, то желалъ бы я очень, чтобъ твое предсказаніе сбылось, — а то я порядкомъ потрушиваю.

На дняхъ я надѣюсь получить изданіе моихъ повѣстей и разсказовъ въ трехъ томахъ и тотчасъ перешлю тебѣ одинъ экземпляръ. Прочитай все это à loisir — и скажи мнѣ свое мнѣніе обо всемъ. Огарева прошу о томъ же; ваше мнѣніе мнѣ дорого — и я ему вѣрю.

Ну прощай, другъ. Цѣлую твои ясные очи. Если буду живъ и здоровъ, увижу тебя въ Лондонѣ, если не въ Февралѣ, то уже непремѣнно въ Апрѣлѣ, — ибо я передъ воз-

вращеніемъ въ Россію, хочу провести часть сезона въ Лондонѣ. Еще разъ спасибо и будь здоровъ.

Твой Ив. Тургеневъ.

P. S. Если ты по предложенію моему пришлешь мнѣ autorisation на бумажкѣ, то кстати скажи о ружьѣ — выдалъ ли тебѣ его Ленгъ; во всякомъ случаѣ отвѣчай поскорѣе хотя однимъ словомъ.

ПИСЬМО V.

Парижъ. 6 Декабря 1856 г.

Вчера я послалъ тебѣ черезъ Ротшильда 500 франковъ, милый Герценъ, — и прошу, чтобъ ты подождалъ уплату остальныхъ до новаго года. Ты обратись къ Ротш. съ запросомъ о 500 фр., высланныхъ тебѣ изъ Парижа Тургеневымъ и сейчасъ ихъ получишь.

Я получилъ Амнистію и другія брошюры. Письменно говорить объ этомъ затруднительно, откладываю все это до зимняго свиданія, которое становится все болѣе вѣроятнымъ. Ограничиваюсь теперь изъявленіемъ моего сочувствія. Н. А. М. [1]), котораго я вижу часто, не даетъ мнѣ покоя на счетъ двухъ буквъ, долженствующихъ стать въ главѣ твоего письма; онъ увѣряетъ, что это опасно, я убѣжденъ, что это пустяки и только желалъ бы, чтобъ въ самомъ письмѣ не было упомянуто о подробностяхъ и случайностяхъ нашего свиданія.

Я давнымъ давно отправилъ къ Колбасину твое разрѣшеніе вмѣстѣ съ «онымъ», но до сихъ поръ еще отвѣта отъ него не получилъ. Во всякомъ случаѣ повторяю тебѣ его и мое спасибо; я думаю, что это славная была бы штука, еслибъ позволили хотя одинъ твой романъ.

Изъ Россіи я имѣю извѣстіе о громадномъ и неслыханномъ успѣхѣ стихотвореній Некрасова. 1400 экземпляровъ разлетѣлись въ 2 недѣли; этого не бывало со временъ Пушкина. Отъ него я давно не имѣю писемъ; кажется, онъ

---

[1]) Н. А. Мельгуновъ, часть писемъ котораго къ Герцену напечатана въ «Вольномъ Словѣ», 1 Апр. 1883, № 58.

хандритъ и скучаетъ въ Римѣ. Онъ и въ Россіи скучалъ, но не такъ ѣдко; плохо умному человѣку, уже нѣсколько отжившему, но нисколько не образованному, хотя и развитому, плохо ему въ чужей землѣ, среди незнакомыхъ и непзвѣстныхъ явленій! Онъ чуетъ смутно ихъ значеніе, и тѣмъ больше разбираетъ его досада и горечь не безсилія, а невозвратно потерянпаго времени!

Мнѣ здѣсь хорошо, и было бы еще лучше, еслибъ не подлый мой пузырь! — Очень онъ мнѣ мѣшаетъ жить — особенно работать почти невозможно. За-то я читаю пропасть. Проглотилъ Суетонія, Саллюстія, (который мнѣ крайне не понравился), Тацита и частью Тита-Ливія. Ты спросишь — что за латиноманія на меня напала? Не знаю; можетъ быть она навѣяна современностью.

Но вотъ что прочти непремѣнно: The Confessions of an Opium-eater. — Прочти и скажи мнѣ — такое же ли впечатлѣніе произведетъ эта книжка на тебя, какъ на меня. Я ее прочелъ д в а раза сразу — à l a l e t t r e.

Прощай; цѣлую тебя въ лобъ, а Огарева въ бороду, жену его въ руку — а дѣтей твоихъ въ ясныя очи. Будьте всѣ здоровы и веселы и не забывайте

Любящаго васъ Ив. Тургенева.

ПИСЬМО VI.

Парижъ. $^{3}/_{17}$ Декабря 1856 г.

Милый Герценъ — мнѣ непремѣнно хочется прочесть «Барнумъ и Горасъ» и поэтому сдѣлай одолженіе пришли его къ той дамѣ, которую ты называешь Марьей Касп. и которую я не знаю [1]). Сообщи мнѣ ея адресъ — и предупреди ее о томъ, что я являюсь къ ней.

Стихи Огарева получены и прочтены. Они мнѣ нравятся по прежнему, — хотя лучше слышать ихъ отъ него, чѣмъ самому читать. Его тихій и меланхолическій голосъ придаетъ

[1]) Марья Касперовна Рейхель. См. выше во II письмѣ. «Барнумъ и Горасъ» небольшой очеркъ Герцена напечатанный въ фельетонѣ «С. Петерб. Вѣдомостей», издававшихся тогда А. А. Краевскимъ, — водъ заглавіемъ «Оба лучше». См. дальше.

имъ особенную прелесть, — а когда самъ читаешь, много замѣчаешь небрежностей и не довольно сжатыхъ мѣстъ. — При этихъ листахъ находились страницы три твоихъ воспоминаній, которыя мнѣ чрезвычайно понравились. — Рѣшительно оказывается, что собственно твое призваніе — писать такого рода хроники. — Это въ своемъ родѣ стоитъ Аксакова. Я уже кажется сказалъ, что въ моихъ глазахъ вы представляете два электрическихъ полюса одной и той же жизни — и изъ вашего соединенія происходитъ для читателя гальваническая цѣпь удовольствія и поученія. Это однако уже чтото Востокомъ пахнетъ.

Погженполь — интригантъ, русскій нѣмецъ, который увѣряетъ, что ненавидитъ нѣмцевъ и «чюфствуетъ союзу» (собственныя его слова) съ русскимъ мужикомъ [1]). Онъ и ко мнѣ забѣгалъ, да и ко всѣмъ. Богъ его знаетъ, какими способами онъ пріобрѣлъ le Nord — и теперь, такъ какъ вѣтеръ, кажется, въ Россіи перемѣнился — то и онъ хочетъ не отстать и т. д. Порядочному человѣку съ этакими молодчиками знаться не для чего.

А вѣтеръ не такъ то еще перемѣнился, какъ полагали. На дняхъ Современникъ получилъ сильнѣйшій нагоняй и Бекетова отъ него отставили за перепечатаніе трехъ стихотвореній Некрасова изъ его книжки, которую Мусинъ-Пушкинъ въ своей попечительской агоніи пропустилъ не безъ задней мысли. Надобно сознаться, что въ этомъ дѣлѣ Панаевъ поступилъ какъ мальчишка. — А стихотворенія «Щуки въ Опернѣ» — (я хохоталъ до нельзя надъ этимъ именемъ) имѣютъ успѣхъ громадный, по согласному показанію всѣхъ моихъ корреспондентовъ [2]).

Очень любопытно узнать, что скажутъ англійскіе журналы о вчерашней нотѣ (по поводу швейцарскихъ дѣлъ) — въ Монитёрѣ?... Вотъ куды пошло... Посмотримъ [3]).

---

[1]) Погженполь — тогдашній редакторъ оффиціознаго Le Nord.

[2]) «Щукой въ опернѣ» Герценъ называлъ, кажется, Некрасова, котораго вообще не любилъ. Названіе это значитъ, что Герценъ считалъ Некрасова собственно чуждымъ идеямъ «Современника».

[3]) Нота «Монитера» (оффиц. журналъ франц. правительства) 17 Дек 1856 г. относилась къ дѣламъ кантона Невшателя, гдѣ еще не былъ окончательно рѣшенъ вопросъ объ отношеніяхъ къ Пруссіи, король которой наслѣдовалъ права графовъ Невшательскихъ, потрясенныя революціей 1848 г. Въ 1856 г. въ кантонѣ вспыхнуло вооруженное роялистическое возстаніе противъ республиканскаго пра-

Я получилъ два экземпляра моихъ повѣстей — и пошлю одинъ тебѣ. — Прочти на досугѣ и сообщи свое мнѣніе.

Прощай. Будь здоровъ и веселъ. Обнимаю тебя и твоихъ и Огарева. Женѣ его кланяюсь.

Твой Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО VII.

Парижъ. $^{9}/_{21}$ Декабря 1856 г.

Милый Герценъ, спасибо тебѣ за знакомство съ Кашперовымъ [1]) и Грибовскимъ. — Они оба, кажется, очень хорошіе ребята. — Касперова (который вчера уже уѣхалъ) я сводилъ къ г-жѣ Віардо — и онъ игралъ ей и пѣлъ свою музыку. Онъ остался доволенъ ей и ея совѣтами — хотя большихъ похвалъ отъ нея не слыхалъ. Что касается собственно до меня, то я думаю, что у него талантъ есть — но Господь вѣдаетъ, выдетъ ли изъ этого что нибудь.

Я забылъ тебѣ написать въ послѣднемъ моемъ письмѣ, что съ великой радостью уступаю тебѣ Іакова Ростовцева.

Я совсѣмъ забылъ, что Марья Кас. — собственно — г-жа Рейхель, которую я очень хорошо знаю. — Мы третьяго дня къ ней ходили втроемъ — но Рейхеля не застали, а посидѣли съ ней. Пришли ей, пожалуйста, «Ораса и Б», — а она мнѣ передастъ.

Скажи Огареву, чтобы онъ присылалъ мнѣ свою поэму, что я ему возвращу ее въ исправности и съ посильными замѣтками. Да, главное, скажи ему слѣдующее: я съ нѣко-

---

вительства. Федеральное правительство Швейцаріи приняло сторону послѣдняго и отдало подъ судъ заговорщиковъ возстанія. Пруссія и другія великія державы протестовали. Швейцарское правительство согласилось освободить подсудимыхъ только подъ условіемъ признанія державами полной независимости Невшателя отъ короля Пруссіи. Moniteur Наполеона III, желавшаго посредничать въ этомъ дѣлѣ, упрекнулъ это правительство въ уступчивости демагогическимъ вліяніямъ (de céder à des influences démagogiques). Въ слѣдующемъ году впрочемъ дѣло уладилось согласно желаніямъ Швейцаріи, которая приготовилась было вооруженно защищать свои интересы. (A. Daguet, Histoire de la confédération Suisse, II, 490—496).

[1]) Кашперовъ въ послѣдствіи авторъ нѣсколькихъ оперъ, мало имѣвшихъ успѣха, и издатель журнала «Заря».

тораго времени лечу свой пузырь у здѣшняго доктора — Jozen de S-t André и очень доволенъ имъ. — Я ему говорилъ о съуженіи канала у Огарева; онъ мнѣ сказалъ, что нѣтъ такого съуженія, котораго нельзя было бы вылѣчить постепеннымъ расширеніемъ посредствомъ bougies, и что онъ съ своей стороны противъ операціи. Хотя уже Огаревъ, кажется, совсѣмъ теперь рѣшился на это дѣло, но я почелъ нужнымъ сообщить тебѣ слова, сказанныя мнѣ докторомъ.

Я получилъ твою брошюру; введеніе мнѣ кажется вполнѣ справедливымъ.

Кашперовъ отнялъ у меня экземпляръ моихъ повѣстей и разсказовъ, но далъ мнѣ слово выслать тебѣ ихъ изъ Берлина.

Прощай, покамѣсть. Будь здоровъ и веселъ, а я остаюсь

Любящій тебя Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО VIII.

Парижъ. 8 Генваря 1857 г.

Милый Герценъ, дня три тому назадъ я писалъ Огареву мои замѣчанія на его поэму, а теперь хочу написать тебѣ два слова. Присылай, пожалуйста, твои «Записки» и будь увѣренъ, что услышишь отъ меня искреннее мое мнѣніе. «Барнума и Ораса» я на дняхъ прочелъ въ одномъ №-рѣ С.П-бургскихъ Вѣдомостей и только пожалѣлъ, что коротко: очень умная и тонкая вещица [1]). О печатаніи перевода твоей книжки [2]) идутъ переговоры; но твоя репутація такая грозная, и здѣшніе книгопродавцы такіе слабосеры, что надежды мало; даже Паньеръ (т. е. его фирма) отказался. А Жозана напрасно ты бранишь; я только по его милости свѣтъ увидалъ; онъ разъ меня пожегъ, потомъ вставляетъ bougies, велитъ мыться холодной водой и принимать хининъ. Я познакомился со многими здѣшними литераторами; бы-

[1]) Въ виду рѣдкости этого очерка Герцена, перепечатываемъ здѣсь его цѣликомъ и при этомъ обращаемъ вниманіе библіографовъ на то, что и въ другихъ петербургскихъ изданіяхъ появлялись въ 50—60-е гг. нѣкоторые очерки Герцена, которые необходимо бы заблаговременно разыскать.

[2]) Дѣло идетъ о «Былое и Думы».

ваю у Г-жи d'Agу; долженъ сознаться, что до сихъ поръ ни одного молодаго, симпатичнаго существа не встрѣтилъ; ужасно все мелко и пусто. Доставь мнѣ возможность познакомиться съ Мишлѣ, мнѣ это очень будетъ пріятно. Съ Октября мѣсяца я получаю Библіотеку для Чтенія, поступившую въ завѣдываніе Дружинина; онъ намѣренъ придать ей консервативно-англійскій характеръ и уже написалъ одну статью о Бѣлинскомъ, въ которой бросалъ на него взгядъ свыше; но статья вышла тупая, — точно птица безъ клюва; этимъ ни одной крѣпколобой головы не продолбишь. Да и откуда взяться консерваторству на Руси? Не подойти же къ гнилому плетню и сказать ему: ты не плетень, а каменная стѣна, къ которой я намѣренъ пристраивать!

Грибовскаго я вижу довольно часто; онъ, кажется, хорошій малый. А Мельгуновъ, вообрази, (только это между нами) далъ на канунѣ новаго года réveillon, который стоилъ ему навѣрно франковъ триста. Гости были Пинто, Грибовскій, я, два офицера въ мундирахъ, совершенные жеребцы, вонъ изъ тѣхъ, что ходятъ въ омнибусахъ, да нѣсколько отставныхъ лоретокъ. Мельгуновъ, съ свойственною ему флегматической важностью, отвелъ меня въ сторону и держалъ слѣдующую рѣчь: «Здѣсь вы можете видѣть то, что называется въ Парижѣ demi-monde, но предупреждаю васъ, не судите о немъ по этому обращику; ибо здѣсь находящіяся лоретки или стары, или некрасивы». Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на его лобъ съ надвинутой ермолкой и думалъ: «Да изъ чего же ты тратишься въ такомъ случаѣ?»

Этотъ человѣкъ — чудакъ перзаго сорта, vom reinsten Wasser, — а премилый со всѣмъ тѣмъ.

Ты меня поздравилъ съ европейскимъ новымъ годомъ — а я тебя съ русскимъ.

Кстати, на дняхъ я тебѣ вышлю остальные 500 фр.

Ну, прощай, пока, будь здоровъ. Обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ и остаюсь

Любящій тебя Ив. Тургеневъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ VIII-МУ ПИСЬМУ.

ОБА ЛУЧШЕ.

(отрывокъ)

— Знаете вы этого господина... вотъ направо, читаетъ газеты?

— Нѣтъ.

— Мнѣ бы хотѣлось узнать, что онъ такое.

— Мудрено ли узнать; люди нынѣче выдѣлываются гуртовые, оригиналовъ въ Европѣ нѣтъ. Господинъ, васъ занимающій, или Орасъ Жоржа Санда...

— Не думаю.

— Ну, такъ навѣрное Барнумъ.

— Только будто и типовъ?

— Нѣтъ, есть еще средній: Барнумъ-Орасъ.

— Однако я встрѣчалъ людей совершенно не похожихъ ни на Барнума, ни на Ораса.

— Гдѣ? Въ Кукуморѣ — въ Гон-го...?

— Нѣтъ, здѣсь въ Англіи.

— Это могло случиться; я больше думалъ о материкѣ; но развѣ вы не замѣтили, что всѣ эти чудаки, не похожіе ни на Барнума, ни на Ораса, что всѣ они... ну что же... разъ-два-три...

— Не знаю.

— Подумайте...

— Поврежденные.

— Разумѣется.

I.

Когда я возвратился домой, мнѣ пришло въ голову полушуточное и совсѣмъ злое замѣчаніе моего пріятеля. Въ самомъ дѣлѣ Барнумъ и Орасъ такъ вполнѣ созданы по образу и подобію вѣка мѣщанскаго и риторическаго, что они встрѣчаются вездѣ — внизу и наверху, направо и налѣво, на лавкѣ судей и на лавкѣ подсудимыхъ.

Барнумъ представляетъ дѣловую сторону, практическую нашего вѣка; это проза вѣка, его трудъ, его занятіе. Орасъ

— поэзію, сторону артистическую. Барнумъ это, такъ-сказать, Сократъ мѣщанства; Орасъ, его Алкивіадъ.

Ж. Сандъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ наше время всѣ эти старые волокиты, вѣчные Ловласы, влюбленные маркизы, вовсе не существуютъ, что типъ молодаго человѣка сороковыхъ годовъ совсѣмъ иной. Съ тѣхъ поръ, какъ она писала «Ораса», прошло лѣтъ пятнадцать; въ нихъ ничего не перемѣнилось; прежніе Орасы сдѣлались старше, новые подросли. Вся дѣйствующая, пишущая Франція состоитъ изъ Орасовъ; Нѣмцы тоже выработали себѣ, съ прибавкой глубокомысленнаго, но патріальхально-простаго разврата, и основательно-тяжелой безнравственности — типъ Ораса (который они класически назвали Горацъ).

Въ Англіи Орасовъ мало, въ Америкѣ совсѣмъ нѣтъ; но англо-американская порода произвела другой типъ, неменьше всеобщій, и это ужь не лице романа, а лице въ лицахъ, живой человѣкъ, по днесь здравствующій въ Нью-Іоркѣ — Ф. Барнумъ.

Который изъ нихъ лучше, я не знаю, и принужденъ на это отвѣчать, какъ отвѣчаютъ дѣти: «Оба лучше». Хотя не могу скрыть, что для насъ Орасъ какъ-то интереснѣе—это все литераторъ — словно свой братъ. Но хорошъ и Барнумъ въ своей античной простотѣ, мудрецъ жизни и поведенія, труженикъ и талантъ.

Съ дѣтства безъ средствъ, Барнумъ ростетъ въ мелочной лавочкѣ,онъ окруженъ цѣлой атмосферой плутовства; передъ его глазами совершается мирная мародерская война мелкой торговли, на своей нисшей ступени, гдѣ лавочникъ покупаетъ у крестьянина земледѣльческія произведенія и продаетъ ему городскія. Малѣйшее разсѣяніе — и лавочникъ обманутъ, обвѣшенъ, малѣйшая оплошность — и крестьянинъ надутъ. Эта коммерческая игра въ мошенничество занимаетъ всѣхъ; каждый старается прежде сказать «шахъ и матъ» своему противнику. Въ слѣдующую игру, другой употребляетъ всѣ усилія, чтобъ отыграться, не скрывая совсѣмъ своихъ намѣреній.

Барнумъ смотритъ на это систематически-устроенное воровство глазами умнаго, расторопнаго мальчика, и первый результатъ, который онъ выводитъ, состоитъ въ томъ, что работой можно прокормить себя, но что многаго не выработаешь, а ему съ дѣтскихъ лѣтъ хочется очень многаго. Оборотами и уловками, напротивъ, можно все сдѣлать.

Съ этимъ прекраснымъ началомъ, Барнумъ, присмотрѣвшись къ жизни, испытавъ грошевыя лотереи и копѣечныя перепродажи пряниковъ и прохладительныхъ напитковъ, понялъ великую тайну вѣка риторическаго, вѣка эфектовъ и фразъ, выставокъ и громкихъ объявленій, понялъ, что главнѣйшее для современныхъ номиналистовъ а ф ф и ш а!

Эфектъ и фраза — общія орудія у Барнума съ Орасомъ; но для Барнума это только средство наживы: обобравъ васъ, онъ васъ оставляетъ въ покоѣ. Орасъ проникаетъ въ сердце и душу — и тамъ еще что-то крадетъ и лжетъ. Оттого подъ конецъ Орасъ сдѣлался адвокатомъ, т. е. краснобаемъ по ремеслу, а Барнумъ составилъ себѣ огромное состояніе и сталъ филантропомъ.

Непоколебимая постоянная вѣра Барнума въ глупость людей оправдалась. Онъ не скрываетъ своихъ убѣжденій, напротивъ, наивно разсказываетъ о своихъ продѣлкахъ, такъ, какъ полководецъ повѣствуетъ о своихъ стратегическихъ хитростяхъ. Онъ всякаго человѣка и всѣхъ людей принималъ за средство обогащенія, такъ, какъ это дѣлаютъ и другіе, но съ большей нравственной силой, съ большей послѣдовательностью. Истощивъ всѣ средства наживаться, разбогатѣвъ, онъ еще нажился продавъ людямъ разсказъ о томъ, какъ онъ ихъ надувалъ. Тутъ Барнумъ становится геніемъ своего дѣла.

Барнумъ случайно нашелъ какую-то полубезумную старуху, съ трудомъ разгибавшуюся и мямлявшую всякій вздоръ. Тотчасъ въ его головѣ родилась мысль: «Что если выдать ее за няньку Вашингтона?» Что долго думать! аффиши — и давай ее возить изъ города въ городъ. Куда ни привезетъ, всѣ кричатъ въ одинъ голосъ, что это ни на что не похоже, что это пустяки, что нянькѣ Вашингтона было бы лѣтъ полтораста, и всѣ торопятся взглянуть изъ любопытства, что это такое. Толпа выходитъ изъ балагана съ хохотомъ, другая входитъ, обѣ увѣрены, что это вздоръ и обманъ, а Барнумъ откладываетъ себѣ одну тысячу долларовъ за другою.

Возивъ по міру Сирену и Том-Пуса, подложную няньку Вашингтона и истинную Джени-Линдъ, Барнумъ дослужился до высокой честности, предсѣдательствуетъ въ обществѣ благотворенія бѣднымъ, даетъ отеческіе совѣты начинающимъ карьеру. Прошедшее, по понятіямъ мѣщанъ, не имѣетъ дѣйствія на милліонъ въ кассѣ. Милліонъ все покрываетъ.

Впрочемъ Барнумъ былъ и прежде всегда нравственнымъ человѣкомъ; онъ наивно останавливается среди книги, чтобъ сказать читателю, что несмотря на то, что онъ иногда былъ въ необходимости пользоваться обстоятельствами безъ особенно-щепетильнаго разбора средствъ, онъ постоянно перечитывалъ Библію и гдѣ бы ни былъ, ходилъ всегда по воскресеньямъ въ церковь. Онъ даже не забылъ отмѣтить въ пользу своего чувствительнаго сердца, какъ отправляясь изъ Нью-Йорка въ Лондонъ съ Томъ-Пусомъ, утеръ слезу, прощаясь на пароходѣ съ женою.

Орасъ слезнѣе, нервнѣе его. Орасъ самъ афиша, живая декорація, воплощенная ложь. Вѣчный актеръ, онъ ежеминутно позируетъ; у него есть идеальный Орасъ, за котораго онъ хочетъ прослыть и котораго онъ представлялъ для всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ, для мущинъ и женщинъ, для старыхъ и молодыхъ.

Въ бѣдѣ и счастіи онъ отыскиваетъ одну сценическую сторону, упивается дѣйствіемъ, которое производитъ на другихъ; его эпикурензмъ не простой, а такъ сказать рикошетный; онъ вызываетъ сочувствіе, за которое съ своей стороны ничего не даетъ, да еслибъ и хотѣлъ, не можетъ ничего дать; у него совсѣмъ нѣтъ сердца къ чему нибудь внѣ его самого, но есть поверхностное пониманіе страстей, ни къ чему его не обязывающее; ему нравится ихъ наружное раздраженіе, ихъ дѣйствіе на зрителей, онъ самъ себя увѣряетъ въ нихъ, т. е. лжетъ себѣ самому, но какъ только зыбь становится непокойною, опасною, онъ выходитъ спокойно сухой на берегъ, и идетъ себѣ домой. Если онъ привязывается иногда къ людямъ, то это на томъ основаніи, какъ мы привязываемся къ икрѣ или дичи. Въ немъ нѣтъ внутренняго предѣла, который бы остановилъ его въ чемъ нибудь, — одного изъ тѣхъ инстинктивныхъ предѣловъ, заявляющихъ свое veto прежде всякаго разсужденія. Сверхъ собственной опасности, для Ораса существуетъ одна узда — партеръ, общественное мнѣніе; оставьте его одного: — онъ не будетъ себѣ мыть рукъ. Пуще всего онъ боится смѣха. Чтобъ выправиться изъ смѣшнаго положенія, онъ опозоритъ сестру, предастъ друга.

Онъ падокъ на каждое наслажденіе, на каждое лакомство (что не мѣшаетъ ему представлять изъ себя давно потухшій

кратеръ). Я увѣренъ, что онъ тайно покупаетъ себѣ конфекты и запершись у себя въ комнатѣ ѣстъ ихъ.

Между Барнумомъ и Орасомъ разстояніе не такъ велико, какъ кажется: вмѣсто вашингтоновской няньки онъ показываетъ священныя убѣжденія души, любовь, братство, отчаяніе. Все это у него до такой степени неистинно, что Орасъ даже и не развратенъ: разврату надобно отдаваться для того, чтобъ онъ нравился, развратъ требуетъ своего рода откровенности. Орасъ будетъ представлять какую нибудь роль лоретки, — падшаго духа, — несчастную любовь, которая алчетъ утопить себя въ смертельныхъ волнахъ чувственности — а не то тотчасъ уснетъ.

По мнѣніямъ, онъ непремѣнно радикалъ, ненавидитъ аристократію и особенно банкировъ; но страстно желаетъ денегъ, и какъ только попадается въ богатую залу съ коврами, маркизами и канделябрами, у него начинаетъ кружиться голова, онъ чувствуетъ что р о ж д е н ъ для этого міра. Его утѣшаетъ мысль, что онъ имъ п о ж е р т в о в а л ъ (не имѣя на то никакого права) своимъ убѣжденіямъ. Дайте ему сто тысячъ франковъ доходу и «monsieur le marquis» передъ фамиліей — онъ не пуститъ васъ къ себѣ въ домъ.

Существо это, позолоченное снаружи и испорченное внутри, у котораго развиты всѣ страстныя поползновенія и ни одной страсти, вноситъ гибель и несчастіе во всѣ круги людей простыхъ и искреннихъ — пока они не догадываются, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Занятый исключительно самимъ собою и своимъ эффектомъ, онъ, самъ того не замѣчая, оскорбляетъ нѣжнѣйшія струны чужаго сердца.

Играя на фальшивыя деньги, онъ всегда въ выигрышѣ, потому, что съ другихъ беретъ золото, пока этого не замѣчаютъ. Орасъ силенъ, но какъ привидѣніе теряетъ свою силу при дневномъ свѣтѣ.

Минута, въ которую Мирта перешла отъ любви къ ненависти, — нѣтъ, къ презрѣнію — была та, въ которую Орасъ игралъ самоубійцу у ея ногъ — и остался, слава Богу, здоровъ.

Орасъ главный виновникъ бѣдствій, обрушившихся на Европу въ послѣднее время. Онъ увлекъ своими фразами массы — такъ, какъ увлекъ Мирту въ романѣ — для того, чтобъ предать ихъ при первой опасности.

II.

Ж. Сандъ говоритъ, что что романъ ея былъ принятъ съ ропотомъ — это естественно. Развѣ у насъ не сердились на «Ревизора»? Сходство схвачено поразительно, обидно. Она сама испугалась; ей стало совѣстно передъ знакомыми и друзьями. Кисть дрогнула въ ея рукахъ и она къ концу смѣняетъ улыбку презрѣнія — улыбкой снисхожденія. Она дѣлаетъ Ораса адвокатомъ и даже намекаетъ на его исправленіе. Адвокатомъ-то онъ будетъ, и адвокатомъ отличнымъ, защитникомъ вдовъ и сиротъ, негодующимъ карателемъ человѣческихъ слабостей; но Орасомъ онъ останется, потому что онъ можетъ только удачно «представить» исправленіе — небольше.

Исправляются люди безъ заднихъ мыслей, люди увлеченные, безъ премедитаціи, люди съ сердцемъ, напримѣръ, Фобласъ. Кстати пришелъ онъ на память: Фобласъ отчаянный шалунъ, Орасъ передъ нимъ отшельникъ: отчего же первому хочется погрозить пальцемъ, а втораго толкнуть ногой?

....Между жителями Новой Зеландіи и обитателями какого нибудь квартала въ Парижѣ не больше различія, какъ между Фобласомъ и Орасомъ. А вѣдь между тѣмъ и другимъ не Богъ знаетъ сколько времени прошло. Фобласъ на старости лѣтъ могъ еще встрѣтить Ораса у маркизы или поколотить его въ оперѣ, когда онъ такъ мѣщански хвастался своей побѣдой, — и поколотить той самой палкой, которую онъ оставилъ у актрисы, а сынъ нашелъ.

Фобласъ совершенно искренній человѣкъ, онъ ищетъ не побѣды, а наслажденія, онъ вѣтренъ, впечатлителенъ и такъ же откровенно раскаивается въ своихъ измѣнахъ Лодоискѣ (всякій разъ двадцатью часами позже, нежели слѣдовало), какъ и измѣняетъ ей. Останавливать Фобласа поздно — но бояться нечего: онъ современемъ остепенится и сдѣлается человѣкомъ; можетъ быть по дорогѣ онъ потеряетъ состояніе, здоровье; но сердце у него останется.

Фобласъ жилъ въ испорченномъ воздухѣ будуаровъ; ударилъ громъ: Фобласъсдѣлался Ларошжакленомъ. Орасъ не переродился землетрясеніемъ; въ немъ нѣтъ больше «нерва», какъ говорятъ французы.

Слабости Фобласа — мужскія, слабости Ораса — женскія: его настоящее призваніе жить паразитною жизнію, мучить женщину — дѣлать изъ нея пьедесталъ, скамейку, обирать ее, тя-

нуться передъ ней, капризничать и говоря съ нею, смотрѣть въ зеркало на самого себя.

Но отчегожъ все это... отчего?

А отчего, съ другой стороны, несмотря на то, что Фобласъ часто неприличнѣе романовъ Поль-де-Кока, когда вы читаете послѣдніе, чувствуете, что грязь глубже и тоньше? Уровень понизился!

Между Луве и Поль-де-Кокомъ, между Фобласомъ и Орасомъ — что-то прошло и понизило людей. Съ тѣхъ поръ уровень все еще падаетъ. Фигаро Бомарше и Лизета Беранже сдѣлались теперь такими же идеалами, какъ Баярдъ и Женевьева. Фигаро, забавный, милый плутъ замѣнился Роберть Макеромъ, который уже крадетъ и грабитъ, дѣлаетъ фальшивые векселя, убиваетъ. Вмѣсто Манонъ Леско и Лизеты является Марго (въ les Filles de marbre), которая ничего не любитъ «ни цвѣтовъ, ни соловья, ni le chant de Romeo», а любитъ, только лундоры...

V-la ce qu'aime Margot.

Марго женщина за №, патентованная и гарнитированная префектурой. Немногимъ лучше ея весь литературный парижскій Сен-Лазаръ, котораго двери растворилъ А. Дюма-сынъ.

Между Фобласомъ и Орасомъ, между Фигаро и Роберъ Макеромъ, между Манонъ и Марго прошло мѣщанство, овладѣло людьми и образовало два поколѣнія...

В. Б.

ПИСЬМО IX.

Парижъ. 16 Января 1857 г.

Милый Герценъ,

Третьяго дня получилъ я «твои Записки» и тотъ часъ прочелъ ихъ [1]). Впечатлѣніе было сильное и хорошее: въ этихъ главахъ чрезвычайно много поэзіи и юности, лице твоей жены (всѣмъ намъ дѣйствительно мало извѣстной) привлекательно и живо, отрывки изъ ея писемъ даютъ понятіе о

[1]) Часть «Былое и Думы» съ разсказомъ о женитьбѣ, помѣщенная въ Полярной Звѣздѣ № 3 (1857).

замѣчательной натурѣ. Послѣдняя глава мнѣ очень понравилась и возбудитъ негодованіе только тѣхъ людей, которыхъ одно твое имя сердитъ. Съ моей стороны я сдѣлаю только два возраженія: первое. Осторожно ли ты поступилъ, описывая К. — (котораго, разумѣется, всѣ узнаютъ)— его тоску по революціи и т. д. и т. д.? [1]) Второе: Въ этомъ послѣднемъ отрывкѣ слогъ твой уже черезъ чуръ небреженъ; галлицизмы самые вопіющіе попадаются на каждомъ шагу; хоть бы Огареву просматривать твои корректуры. Напримѣръ, можно ли сказать:

(Стр. 84) «иной міръ, иначе симпатичный, нежели тотъ!...

Что такое (на стр. 87) «есть организаціи, которымъ никогда не нужна... опора, указка, которыя всего лучше идутъ тамъ, гдѣ нѣтъ рѣшетки?

Или (на стр. 127) Ну оно какъ не пріятно, а я изъ этого не рѣшился прежде, нежели было нужно оставить умирающую женщину» и т. д.

Это тѣмъ болѣе непріятно, что вообще языкъ твой легокъ, быстръ, свѣтелъ и имѣетъ свою физіономію. Я бы взялся въ полчаса стереть всѣ эти маленькія пятна, причину которыхъ слѣдуетъ искать въ долгомъ твоемъ пребываніи за границей. Но, повторяю, «Записки» отличныя и читаются съ удовольствіемъ, иногда съ умиленіемъ. Нѣсколько вводныхъ лицъ прекрасно очерчены (какъ напр. Архіерей Парфеній).

№ Библіотеки отправится къ тебѣ на дняхъ: теперь онъ у Мельгунова, у котораго я возьму его завтра или послѣзавтра. Не я послалъ тебѣ Некрасова; должно быть, онъ самъ распорядился — или, можетъ быть, какой нибудь изъ твоихъ тайныхъ приверженцевъ вспомнилъ о тебѣ. A propos de приверженцы. Ты никогда не угадаешь, отъ кого я не далѣе какъ вчера слышалъ великія похвалы тебѣ... Отъ князя Орлова, (раненнаго подъ Силистріей) — сына извѣстнаго Орлова. — Онъ не только все прочелъ, что ты написалъ, но даже (сесі entre nous) съ мѣсяцъ тому назадъ, отвезъ всѣ твои произведенія къ в. к. Михаилу Николаевичу. Онъ мнѣ чрезвычайно понравился; несчастье его отрезвило да и вообще натура въ немъ высказывается хорошая. Вотъ по

[1]) Кетчеръ.

неволѣ воскликнешь: Oú la vertu va-t-elle se nicher? Онъ всю зиму пробудетъ здѣсь; мы, я надѣюсь, будемъ видѣться [1]).

Ты, вѣдь, я думаю, знакомъ съ Оппенгеймомъ? Я его вижу часто: онъ очень уменъ и оригиналенъ.

А къ d'Ar[illegible] я ѣзжу съ точки зрѣнія естествоиспытателя. Какія тамъ попадаются «букашки и таракашки!»

Прощай, обнимаю тебя и остаюсь

Твой Ив. Тургеневъ.

P. S. Колѣнопреклоненно умоляю тебя: не употребляй слово: безразличный! Особенно въ одномъ мѣстѣ оно меня точно по щекѣ ударило.

ПИСЬМО X.

Парижъ. Суббота, $^{2}1/_{16}$ Февр. 1857.

Мельгуновъ показывалъ мнѣ твое письмо къ нему, милый Герценъ — отвѣчаю вкратцѣ на твои пени. Я хандрю потому, что боленъ и ничего не дѣлаю. — Я вылечусь только тогда, когда брошу Парижъ. А брошу я его черезъ мѣсяцъ и покачу въ Англію, въ Лондонъ къ тебѣ. — Авось тамъ я поправлюсь. — А оттуда въ Россію и засяду тамъ на вѣки вѣковъ.

Стихи «Войнаровскаго» — я не знаю.

Некрасовъ (котораго ты не любишь) былъ въ восхищеніи отъ послѣдняго отрывка твоихъ мемуаровъ. Толстой [2]) тоже будетъ въ Англіи; ты его полюбишь, я надѣюсь, и онъ тебя.

Я привезу къ тебѣ въ Лондонъ всѣ имѣющіеся у меня номера журналовъ и оставлю ихъ тебѣ, — а теперь не могу никакихъ сообщить новостей. О побоищѣ Шевырева ты уже вѣроятно знаешь.

Кланяюсь всѣмъ твоимъ и цѣлую кого могу. Еще разъ, будь здоровъ и до свиданія въ Путнеѣ, гдѣ я заживу путнѣе. Rends toi, brave Herzillon!

Твой И. Тур.

---

[1]) Рѣчь идетъ о князѣ Н. А. Орловѣ, бывшемъ въ послѣдствіи посломъ въ Парижѣ.

[2]) Гр. Левъ Николаевичъ

ПИСЬМО XI.

Парижъ. 5 Марта 1857.

Подробное историческое описаніе побоища, происходившаго въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ между графомъ Бобринскимъ и профессоромъ элоквенціи Шевыревымъ.

Бывшій губернскій предводитель Чертковъ, отставленый за помѣщеніе въ дружинные офицеры людей, взятыхъ въ кабакахъ и изъ подъ Иверской, — давалъ вечеръ членамъ общества любителей художества. На этомъ вечерѣ присутствовали между прочими вышеозначенные профессоръ и графъ. Возникли споры (какъ это водится въ Москвѣ) о Славянофильствѣ, о статьѣ Аксакова, о богатыряхъ, а наконецъ и о рѣчи Роберта Пиля, за которую упомянутый графъ вздумалъ заступаться. — «Послѣ этого вы не патріотъ», замѣтилъ профессоръ. На эти слова графъ съ изумительной находчивостью и совершеннымъ à propos возразилъ: «А ты, сукинъ сынъ, женатъ на выблядкѣ». — «А ты самъ происходишь отъ выблядка» — въ свою очередь замѣтилъ профессоръ и бацъ графа въ рожу. Тутъ уже графъ не вытерпѣлъ, сшибъ профессора съ ногъ, началъ его топтать и бить стуломъ. Гости, увидѣвъ такое зрѣлище и сообразивъ, что графъ человѣкъ большаго роста и сильный, непремѣнно убьетъ стараго и слабаго профессора, — тотчасъ всѣ прыснули вонъ; одинъ хозяинъ не потерялъ присутствія духа и тоже убѣжалъ, но прямо къ Закревскому, которому немедленно обо всемъ донесъ. Закревскій, какъ извѣстный дѣлецъ и административная голова, тотчасъ нашелся; онъ далъ знать въ Петербургъ по телеграфу: что дерутся молъ такой-то и такой-то — такъ что прикажете сдѣлать? Между тѣмъ Бобринскій продолжалъ бить Шевырева — и вѣроятно убилъ бы его окончательно, еслибъ г-жа Черткова, оставшаяся одна на театрѣ побоища, отчасти усиліями своихъ слабыхъ рукъ, отчасти увѣщаніями и слезами, (не) успѣла остановить раздраженнаго графа, такъ что онъ сломалъ Шевыреву только одно ребро. Шевырева отнесли замертво — и онъ до сихъ поръ лежитъ въ постелѣ. Дѣло на этомъ остановилось и дальнѣйшихъ пока послѣдствій нѣтъ.

Вотъ тебѣ, милый Герценъ, подробное и во всѣхъ своихъ подробностяхъ точное описаніе этой знаменитой драки, отъ которой по всей Москвѣ стонъ стоялъ стономъ.

Толстому я передалъ твой поклонъ; онъ очень ему обрадовался и велитъ тебѣ сказать, что давно желаетъ съ тобой познакомиться — и за ранѣе тебя любитъ лично, какъ любилъ твои сочиненія (хотя онъ, NB. далеко не красный).

Мы черезъ мѣсяцъ увидимся — а пузырь мой продолжаетъ мучить меня.

Прощай, пока, будь здоровъ. Кланяюсь всѣмъ твоимъ и Огареву.

(Я предисловія къ Дашковой еще не прочиталъ, потому что у меня только отрывокъ [1]). Но фраза хороша).

Твой Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО XII.

Зинцигъ. 17 Іюля 1857 г.

Любезнѣйшій другъ, прежде всего зѣмный тебѣ поклонъ за высланные Делавэ 250 франковъ, о полученіи которыхъ онъ мнѣ отписалъ: очень тебѣ благодаренъ. За знакомство же Сабуровыхъ тебѣ приходится мнѣ быть благодарнымъ, потому что они оба и братъ и сестра — принадлежатъ къ числу самыхъ милыхъ русскихъ, съ какими мнѣ только удавалось встрѣчаться. Они, вѣроятно, разсказали тебѣ кое-что о моемъ здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ. Съ своей стороны скажу тебѣ, что, кажется, мнѣ здѣшнія воды и ванны помогаютъ; сперва боли мои усилились было, а теперь съ каждымъ днемъ становится легше, что то дальше будетъ! Народу здѣсь очень мало и я этому радъ; авось удастся поработать — я уже кое что началъ. Хожу ужасно много — вчера ходилъ на гору (1400 ф. надъ поверхностью моря) восемь верстъ отсюда, взлѣзъ на самый верхъ, осмотрѣлъ базальтовые копи, и тотчасъ же вернулся домой.

Извѣстій изъ Россіи мало. Жду письма отъ Некрасова,

---

[1]) «Записки Ек. Р. Дашковой» изданы были съ предисловіемъ Герцена.

котораго я проводилъ до Берлина, и который теперь, вѣроятно, уже давно гуляетъ по Невскому и дышетъ его кислосѣроватымъ воздухомъ. Твой «Колоколъ» достигъ высочайшихъ «регіоновъ» [1]), — какое онъ тамъ произвелъ впечатлѣніе, самъ можешь посудить. Я на дняхъ надѣюсь собрать кое-какія свѣдѣнія.

Кн. Долгоруковъ, поступившій на мѣсто Орлова, оказывается величайшимъ обскурантомъ; жандармы снова вмѣшиваются въ частную жизнь, въ семейственныя дѣла и т. д.

На дняхъ долженъ къ тебѣ явиться Ленгъ (ружейникъ) съ ружьемъ, заказаннымъ мною для Некрасова. Оно стоитъ 42 фунта; заплочено мною впередъ 21, да возвращенная Ленгу собака стоитъ 17 фунтовъ съ половиной. Остается 3 фунта съ $^1/_2$, которые ты, по твоей старинной привычкѣ: кормивши до усовъ, кормить до бороды, заплатишь за меня, Я же тебѣ вышлю ихъ въ половинѣ Августа изъ Парижа вмѣстѣ съ 250 франками Делавѝ.

Что дѣлаетъ Огаревъ. Какъ его здоровье? Поклонись ему, его женѣ и всѣмъ твоимъ.

Печатай 1 и 2 части Полярной Звѣзды вторымъ изданіемъ. Здѣсь только и слышно, что жалобы на невозможность достать ихъ.

Прощай, братъ, будь здоровъ. Я заѣду въ Лондонъ передъ возвращеніемъ въ Россію, посмотрѣть на тебя и кое-что переговорить.

Твой Ив. Тургеневъ.

P. S. Повторяю на всякій случай мой адресъ: Sinzig, bei Remingen am Rhein, Regierungbezirk Coblentz.

ПИСЬМО XIII.

Зинцигъ. 22 Іюля 1857 г.

Признаюсь милый другъ, твое письмо, не смотря на мою овечью натуру, разсердило меня противъ Некрасова. Онъ

[1]) Колоколъ сталъ выходить съ 1 Іюля 1857 г. Въ послѣдствіи Тургеневъ писалъ Герцену, что Дворъ очень обидѣлся статьею «Августѣйшіе путешественники» о вдовствующей императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ въ 1 № Колокола.

обвиняетъ меня, что я тебѣ не объяснилъ и т. д. Да развѣ я входилъ когда нибудь въ его денежныя дѣла и отношенія? Онѣ всегда были такого рода, что постороннему человѣку нечего было туда заглядывать. Онъ говоритъ, что я тебѣ заплачу изъ денегъ, которыя я ему долженъ. Но знаешь ли, какъ я ему долженъ? Я ему продалъ второе изданіе «Записокъ Охотника» за 1000 руб. сер. а онъ его тотчасъ же перепродалъ книгопродавцу Базунову за 2500; — (я очень этому былъ радъ, потому, что я съ тѣмъ и продалъ ему З. О., чтобы онъ получилъ съ нихъ барышъ) — 2-е изданіе до сихъ поръ не разрѣшено цензурой, но онъ не только никогда не предлагалъ мнѣ возвратить мнѣ купленное имъ право, но даже теперь, уѣзжая въ Петербургъ, собирался непремѣнно выхлопотать это позволеніе. Я ему сегодня же написалъ письмо, въ которомъ, ссылаясь на сказанныя тобою мнѣ слова, или лучше сказать, на переданныя тобою слова Некрасова, прошу его либо выслать мнѣ тотчасъ бумагу, на которой я передаю ему право на изданіе З. О. и тогда я готовъ тебѣ заплатить эти 1000 руб. или, если онъ хочетъ удержать это право за собою, не считать меня въ д о л г у, ибо д о л г у я признать не могу.

Все это дѣйствительно непріятно, — и хотя ничего мнѣ не раскрываетъ новаго, однако имѣетъ и будетъ имѣть свое дѣйствіе. Нѣтъ, рѣшительно, безъ честности нельзя — какъ безъ хлѣба.

Письмо твое я доставлю при первой возможности (нельзя жъ переслать его по почтѣ), но эта возможность вѣроятно раньше 4 хъ недѣль не явится, т. е. раньше отъѣзда Дружинина, который писалъ мнѣ изъ Парижа, и съ которымъ мы уговорились съѣхаться на Рейнѣ. Но ручаюсь тебѣ, что письмо доставлено будетъ, и прошу тебя не печатать ничего въ «Колоколѣ», съ той же точки зрѣнія, съ которой я отговаривалъ тебя говорить о К. Н. [1]). Хотя Некрасовъ тебѣ вовсе не свой — но все таки согласись, что это значило бы: «бить по своимъ».

Очень тебѣ благодаренъ за Делаво и Ленга; я вчера получилъ деньги изъ деревни и могу тебѣ выслать эти 250 фр. и 3 фунта съ $^1/_2$ завтра или послѣ завтра, т. е. въ первую мою поѣздку въ Боннъ.

---

[1]) Вел. кн. Константинъ Николаевичъ??

Здоровье мое все неудовлетворительно; пузырь болитъ почти постоянно, и мнѣ кажется, что зинцигскія воды мнѣ нисколько не помогаютъ. Надъ другими онѣ чудеса производятъ; сосѣдъ мой англичанинъ пріѣхалъ сюда безъ ногъ, весь недвижимый, а теперь по горамъ лазитъ. Кому какое счастье.

Прощай, милый другъ. Кланяюсь Огаревымъ и всей твоей семьѣ. Что его болѣзнь? Я получилъ на дняхъ отъ Орлова кипу журналовъ (Бесѣды, Вѣстника, Библіотеку и пр.). Какъ только прочту, пошлю тебѣ sous bande. А ты пока будь здоровъ и не забывай

Преданнаго тебѣ Ив. Турген.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПИСЬМУ XIII-МУ.

Упомянутое выше письмо Герцена есть, по всей вѣроятности, отвѣтъ его Некрасову по дѣлу, о которомъ пишетъ выше и Тургеневъ. Вотъ письмо Некрасова, вызвавшее этотъ отвѣтъ:

Парижъ, 1857, 27 Іюня.

Милостивый Государь
Александръ Ивановичъ,

Тургевевъ передалъ мнѣ росписку, данную мною Вамъ въ 1846 году, и я увидѣлъ, что дѣло это, которое я считалъ конченнымъ относительно Васъ, не кончено и, быть можетъ, служитъ одною изъ причинъ неудовольствія Вашего противъ меня. Вотъ мое объясненіе. — Я не сдѣлалъ съ Вами своевременно расчета, частію по затрудненію сношеній съ Вами, а главное по безпечности, въ которой признаю себя виновнымъ передъ Вами. Въ 1850 году Тургеневъ привезъ мнѣ изъ заграницы записку Вашу о передачѣ остальныхъ денегъ ему. Съ Тург. я имѣлъ постоянные счеты, по которымъ постоянно мои деньги приходились за нимъ,—по этому долгъ ему не безпокоилъ меня и я до настоящей минуты оставлялъ это дѣло не рѣшеннымъ, думая, что отвѣтственностію обязанъ не Вамъ. Теперь спѣшу по возможности загладить слѣды своей безпечности сначала, недоразумѣнія впослѣдствіи, и сообщаю Вамъ, что первымъ моимъ дѣломъ

по возвращеніи въ Россію (куда я ѣду скоро) будетъ приведеніе въ ясность счетовъ и высылка Вамъ остальныхъ денегъ. Отъ Васъ будетъ зависѣть назначить, куда ихъ выслать или кому передать въ Россіи, я скажу только, что теперь Вы недолго будете ихъ ждать. Что касается до оправданій и извиненій, если Вамъ угодно ихъ принять, то ихъ у меня два. 1-е въ послѣдніе годы я не былъ столько бѣденъ, чтобъ не имѣть возможности заплатить эти деньги; 2., я не дошелъ до того, чтобъ пользоваться чужими деньгами умышленно. Повторяю причины — въ недоразумѣніи и въ безпечности, которые частію поддерживались увѣренностью въ вашей снисходительности.

Ник. Некрасовъ.

А вотъ отвѣтъ Герцена на это письмо, — сохранившійся въ собственноручной копіи Герцена:

Путней, 10 Іюля 1857.

Г. Некрасову.

Милостивый Государь,

Я получилъ письмо ваше отъ 27 Іюня; вѣроятно вы не желали имѣть отвѣта, потому что не дали адреса — но мнѣ кажется необходимымъ отвѣчать вамъ.

Мнѣ очень жаль, что вы могли думать, что «доля неудовольствія моего противъ васъ» — была основана на такой мелкой причинѣ, какъ вашъ долгъ мнѣ. — Я также забылъ и о немъ, и о запискѣ данной Тургеневу, какъ и самъ Тургеневъ; мнѣ очень больно, что вы косвенно вините его въ этомъ дѣлѣ. — Видя по покупкамъ, которыя онъ для васъ дѣлалъ, какъ вы далеки отъ нужды, я думалъ, что вамъ доставитъ удовольствіе заплатить небольшой долгъ, изъ котораго вы уже уплатили долю. Бѣлинскому, по моей просьбѣ въ весьма тяжелое время для него, — и потому просилъ Тургенева передать вамъ, что если вы желаете заплатить остальные деньги, около 1.000 р. с., то вы можете ее вручить Петру Александровичу Захарьину, въ Петербургѣ, — (о желаніи вашемъ онъ придетъ узнать).

Причина, почему я отказалъ себѣ въ удовольствіи васъ видѣть единственно участіе ваше въ извѣстномъ дѣлѣ о требованіи съ Огарева денежныхъ суммъ, которыя должны

были быть пересланы, и потомъ, вѣроятно, по забывчивости, не были пересланы, не были даже и возвращены Огареву. — Я и такъ былъ увѣренъ, что это дѣло было совершено «неумышленно», что, не смотря на два ваши письма къ Марьѣ Львовнѣ — ждалъ объясненія.

Вы оцѣните чувство деликатности, которое воспрещало мнѣ видѣться съ вами, до тѣхъ поръ пока я не имѣлъ доказательствъ, что вы были чужды этого дѣла и что вся отвѣтственность за него падаетъ на третье лицо, какъ вы объясняете въ письмѣ къ Тургеневу.

Въ ожиданіи этого объясненія позвольте мнѣ остаться незнакомымъ съ вами.

Мы привели здѣсь эту переписку, такъ какъ она имѣетъ, кромѣ біографическаго, еще и историко-литературный интересъ, проливая свѣтъ на начало размолвки Тургенева съ Некрасовымъ, дошедшей до разрыва Тургенева и съ «Современникомъ». Разрывъ этотъ объяснялся публикѣ редакціей «Современника» какъ результатъ исключительно идейныхъ разногласій, при чемъ инициатива его приписывалась самой редакціи «Современника». Изъ писемъ Тургенева, уже напечатанныхъ раньше, и изъ разсказовъ П. В. Анненкова (Вѣстн. Европы, 1885, Мартъ, 32—34, 36, Апрѣль, 505, 1887, Январь, 9) видно, что тутъ замѣшаны были и личныя причины. Переписка Тургенева и Герцена показываетъ, что въ толчкѣ къ разрыву между Тургеневымъ и Некрасовымъ игралъ извѣстную роль и Герценъ.

ПИСЬМО XIV.

Римъ. 22 Декабря 1857 г.

Прежде этого письма прочти прилагаемое дѣло, которое посылаю тебѣ для скорѣйшаго помѣщенія его въ Колоколѣ. Оно составлено по документамъ и получено мною изъ самовѣрнѣйшаго источника. Прибавь къ тому, что ты прочтешь, еще слѣдующее: Кочубей, между прочимъ, представилъ пулю, будто бы вынавшую изъ раны — а пуля оказалась въ тѣлѣ Зальцмана, онъ въ теченьи 6 мѣсячной проволочки передѣлалъ всѣ свои комнаты и кабинетъ, такъ что введенный З. не могъ узнать ничего изъ мѣстности: между тѣмъ какъ всякій порядочный человѣкъ самъ бы первый долженъ

былъ хлопотать о возможнѣйшей гласности и ясности. За все это полтавское дворянство избрало его своимъ губернскимъ предводителемъ и на коронаціи онъ получилъ анненскую звѣзду, настаивая на томъ, что онъ ее хочетъ не для себя, а для дворянства. Читая это дѣло, невольно вспоминаешь слова Городничаго въ Ревизорѣ. «Вы ей не вѣрьте; не я ее высѣкъ — она сама себя высѣкла». Эти слова можно бы поставить эпиграфомъ предисловія, которое ты, я надѣюсь, напишешь — только не бранись слишкомъ: это гнусное дѣло само за себя говоритъ.

Ты увидишь, что я вычеркнулъ нѣсколько ненужныхъ и ослабляющихъ общее дѣйствіе украшеній — въ слогѣ, — и я думаю — самое заглавіе не худо бы перемѣнить. Имя благодѣтельнаго генералъ-адъютанта я долженъ былъ обѣщаться вычеркнуть. Тотчасъ по полученіи этого письма дай мнѣ знать о томъ. Напиши только одно слово, что: документъ у тебя въ рукахъ [1]).

И такого рода дѣла — не исключеніе у насъ, — напротивъ — онѣ составляютъ правило, обычную норму нашей юриспруденціи; всякій знакомый съ русскими порядками это скажетъ! А графъ Панинъ [2]) недавно выхлопоталъ согласіе на запрещеніе всякихъ печатныхъ толковъ о гласности, а по новѣйшимъ извѣстіямъ реакція въ полномъ ходу и торжествѣ! Жаль Россіи и жаль царя [3]).

---

[1]) Дѣло о пораненіи княземъ Викт. П. Кочубеемъ австрійца Зальцмана напечатано въ Колоколѣ 1 Января 1858 № 7. Продолженіе см. въ № 60 и въ приложеніи къ № 75, Подъ Судъ, листъ 6.

[2]) Гр. В. Панинъ, министръ юстиціи.

[3]) Изложенію дѣла о кн. Кочубеѣ Герценъ предпослалъ небольшое вступленіе и все вмѣстѣ озаглавилъ «Что значитъ судъ безъ гласности? Во вступленіи упомянувъ о разныхъ «опорахъ престола», которые стаютъ «бревномъ на дорогѣ, когда государь захотѣлъ сдѣлать доброе дѣло», — и «гиряхъ на ногахъ Александра Николаевича» — въ родѣ Панина, — Герценъ между прочимъ говоритъ въ духѣ письма Тургенева: «Государь не услышитъ отъ насъ ничего оскорбительнаго. Мы ему скажемъ: будьте мужественны, человѣчество глядитъ на Васъ, исторія записываетъ Ваши дѣла, бѣдная Россія ждетъ; но что же исторія запишетъ, если Россія ничего не дождется, если Вы ее оставите на произволъ новымъ Аракчеевымъ и новымъ Клейнмихелямъ? — У него было доброе сердце и слабая воля! Неужели Ваше самолюбіе не идетъ дальше? и т. д. (ср. женевск. изданіе, стр. 31).

Прощай, будь здоровъ; держи (зачеркнуто все это) имя своего корреспондента въ тайнѣ, а въ Колоколѣ напечатай какъ можно скорѣе. Кланяюсь всѣмъ друзьямъ.

Твой Тур.

Мой адресъ: Rome, hôtel d'Angleterre, № 57..

ПИСЬМО XV.

Римъ. 7 Января 1858 г.

Любезный Г. отвѣчаю на твое исполненное каламбуровъ и дружелюбія письмо. Спасибо за присылку отрывковъ изъ Колокола, но я уже вчера получилъ весь № отъ одного изъ твоихъ пламеннѣйшихъ поклонниковъ — (имя ихъ легіонъ).— Впередъ, пожалуйста, присылай мнѣ Колоколъ sous bande и Полярную idem — и книгу о Корфѣ idem. Это — самый скорый и вѣрный способъ доставленія. 6 № Коло— хорошъ — но, по моему, немного сбивается на Charivari; а К—ъ и Шариварн большая разница. Я знаю, что не во всякій № можно написать такую статью каково твое письмо къ Государю [1]); но «игривость» — не нужна, особенно теперь, когда въ Россіи готовятся весьма серьезныя вещи. 2 рескрипта и 3-й о томъ же Игнатьеву произвели въ нашемъ дворянствѣ тревогу неслыханную [2]), подъ наружной готовностью скрывается самое тупое упорство и страхъ и скаредная скупость; но уже теперь назадъ пойти нельзя — le vin est tiré — il faut le boire. Жаль также, что ты напечаталъ извѣстіе о побѣдѣ—пребываніи Беринга въ то время, какъ его замѣнили Ахматовымъ [3]). Этотъ госпо-

[1]) Письмо къ Императору Александру II. По поводу книги барона Корфа (М. И. О вступленіи на престолъ имп. Николая I и революціонномъ движеніи 1825 г.) въ № 4 Колокола.

[2]) Рескрипты виленскому генер. губернатору (Назимову) 20 Ноября 1857 г. Петербургскому (Игнатьеву) съ которыхъ начинается рѣшительное и открытое поднятіе правительствомъ вопроса объ эманципаціи крестьянъ.

[3]) Беринъ, московскій полицмейстеръ, навлекшій на себя ненависть грубостью и между прочимъ поощреніемъ своихъ подчиненныхъ къ нападеніе на студентовъ въ к. 1857 г. (См. Колоколъ, №№ 5 и 6). О смѣнѣ его Колоколъ возвѣстилъ въ № 8; равно какъ и о томъ,

динъ совсѣмъ въ другомъ родѣ: сладкій, учтивый, богомольный — и засѣкающій на слѣдствіяхъ крестьянъ, не возвышая голоса и не снимая перчатокъ. Онъ мѣтилъ при Н. П. въ Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода. Теперь попалъ въ Оберъ-полиціймейстеры — должности весьма впрочемъ однородныя. Кстати, я надѣюсь, что ты «Зальцмана» помѣстишь въ Колоколѣ, а не въ П. З. Въ Колоколѣ оно будетъ въ 1000 разъ дѣйствительнѣе. Кстати еще — вотъ тебѣ анекдотъ, который однако ты не разглашай. Актеровъ въ Москвѣ вздумали прижать, отнять у нихъ ихъ собственныя деньги; они рѣшились отправить отъ отъ себя депутатомъ старика Щепкина искать правды у Гедеонова (молока отъ козла). Тотъ, разумѣется, и слышать не хочетъ; «тогда», говоритъ Щ., «придется пожаловаться министру». — Не смѣйте! — «Въ такомъ случаѣ», возразилъ Щ. — «остается пожаловаться Колоколу». — Гедеоновъ вспыхнулъ и кончилъ тѣмъ, что деньги возвратилъ актерамъ. Вотъ братъ, какія штуки выкидываетъ твой Колоколъ [1]).

Мнѣ очень весело, что моя статейка вамъ обоимъ понравилась; а писалъ я ее mit schweren Herzen. Дальнѣйше рекомендую себя вашей снисходительности [2]).

Боткинъ, съ которымъ я вижусь каждый день, совершенно симпатизируетъ твоей дѣятельности и велитъ тебѣ сказать, что, по его мнѣнію, ты и твои изданія составляютъ эпоху въ жизни Россіи.

Очень мнѣ пріятно было услышать о томъ, что здоровье О., послѣ такой жуткой операціи, совсѣмъ поправилось; я ему на дняхъ напишу. Мой пузырь все меня безпокоитъ; посмотрю, не подѣйствуютъ ли на него твои каламбуры.

Ты пишешь, что рекомендуешь Иванову книгу, а какую именно — осталось у тебя въ чернильницѣ [3]).

что, по приказанію Государя, полицейскіе, обидѣвшіе студентовъ, отданы были подъ военный судъ, о чемъ «Колоколъ» сообщилъ «съ глубокимъ уваженіемъ» въ замѣткѣ «Императоръ и Студенты».

[1]) Въ томъ же №-рѣ Колокола Герценъ отвѣчаетъ на «строгую критику Колокола анонимнымъ (sic!) критикомъ, защищаетъ отъ него смѣхъ и жалѣетъ, что онъ ему не позволилъ напечатать все все его письмо. Впрочемъ разсказъ о Щепкинѣ былъ напечатанъ въ Колоколѣ послѣ, въ некрологѣ Щепкина. См. выше въ примѣчаніи къ I-му письму.

[2]) Мы не можемъ догадаться, о какой статейкѣ говорится здѣсь.

[3]) Ивановъ А. А. извѣстный живописецъ. О своихъ отношеніяхъ

Не брани, пожалуйста, Александра Николаевича, — а то его и безъ того жестоко бранятъ въ Петербургѣ всѣ реакц,— за что же его эдакъ съ двухъ сторонъ тузить, — эдакъ онъ, пожалуй, и духъ потеряетъ.

Ну прощай, будь здоровъ и присылай sous bande все, что у тебя готово. А Контерфей мой продается совершенно безъ моего вѣдома. Богъ знаетъ кѣмъ и какой. Я самъ еще не дошелъ до того, чтобы думать, что мое лицо можетъ быть интересно au gros du public.

Твой Тургеневъ.

ПИСЬМО XVI.

Парижъ. 30 Мая 1858 г.

Милый другъ, не сердись на меня за мое молчаніе; я долженъ былъ собрать точныя справки на счетъ извѣстнаго тебѣ дѣла. Вотъ что оказалось:

Источникъ затрудненій не въ здѣшнемъ посольствѣ, не въ интригахъ Франка; онѣ произошли отъ нѣкоторыхъ Сѣверныхъ Нѣмецкихъ правительствъ, которые обратились къ здѣшней полиціи съ указаніемъ на мнимую опасность твоихъ изданій. Слѣдствіемъ этого распоряженія было предписаніе книгопродавцамъ вообще не продавать твоихъ изданій; въ теченіи 14 дней онѣ и не продавались; но теперь онѣ снова разрѣшены, т. е. снова на это смотрятъ сквозь пальцы — и я самъ видѣлъ Колоколъ и т. д. у Франка и въ rue de Rivoli; только нѣкоторые № Колокола (какъ то 8-й и 12-й) да письма изъ Италіи запрещены окончательно. Все это мнѣ сообщено подъ тайной и съ просьбой не давать огласки; а потому я прошу и тебя не говорить объ этомъ, тѣмъ болѣе, что дѣло пока опять попало въ колею надлежащую. Иностранные книгопродавцы въ Парижѣ находятся совершенно въ рукахъ полиціи; одно слово — и ихъ отсюда выгонятъ. Но вотъ что, по несчастью, кажется, выскочило изъ колеи: это наши домашнія дѣла. Реакція наконецъ подняла голову. Титовъ замѣненъ какимъ-то дуракомъ Грим-

къ нему, особенно о томъ, какъ Ивановъ, начавъ усиленно учиться для картины своей «Явленіе Христа», утратилъ вѣру, Герценъ разсказалъ по смерти Иванова въ «Кококолѣ» № 22, 1 Сент. 1858.

момъ [1]), Кавелинъ удаленъ [2]), Щербатовъ вышелъ въ отставку [3]); на дняхъ Ковалевскій [4]) собралъ всѣхъ редакторовъ и держалъ имъ очень грустную рѣчь: «я, говоритъ, старъ и съ препятствіями не могу бороться; меня только выгонятъ, а вамъ, господа, хуже можетъ быть; умоляю васъ быть крайне осторожными». Въ слѣдъ за этой рѣчью онъ поѣхалъ въ Москву налагать на все запрещенье. Слѣдовало ожидать эти revirements, но преувеличенно бояться ихъ не слѣдуетъ; что они ни дѣлай, камень покотился подъ гору и удержать его нельзя. Впрочемъ, я еще надѣюсь на Александра Николаевича, хотя, къ сожалѣнію, онъ, вѣроятно, окруженъ еще хуже, чѣмъ мы предполагали.

(Другой рукой вписано слѣдующее):

Въ письмѣ Тургенева спѣшу сдѣлать приписку, чтобъ извѣстить васъ, друзья мои, что я переѣхалъ проливъ съ глубокой благодарностью въ душѣ къ вамъ, очень благополучно. Буду писать къ вамъ подробнѣе, а теперь замѣчу слѣдующее: Парижъ въ руинахъ, люди въ нѣмотѣ, бульвары въ блескѣ и полицейскіе во многомъ множествѣ.

Прощайте. П. Анненковъ.

(Рукой Тургенева):

Кланяюсь всѣмъ друзьямъ, тебя обнимаю. Я ѣду въ Середу въ Россію; напишу тебѣ изъ Берлина. Addio. Трудныя мнѣ предстоятъ штуки въ любезномъ отечествѣ.

Твой И. Тург.

ПИСЬМО XVII.

Парижъ. 16 Сентября 1859 г.

Милый другъ Александръ Ивановичъ,

Я уѣзжаю завтра въ Россію и, — прибавишь ты: «только теперь вздумалъ написать ко мнѣ». Дѣйствительно, я

---

[1]) Титовъ былъ воспитателемъ Наслѣдника, в. кн. Николая Александровича.

[2]) Кавелинъ удаленъ отъ преподаванія наслѣднику вслѣдствіе напечатанія въ «Современникѣ» его записки объ освобожденіи крестьянъ, составленной еще

[3]) Кн. Щербатовъ, попечитель петерб. уч. округа.

[4]) Ковалевскій, министръ нар. просвѣщенія и тогда высшій начальникъ цензуры.

немножко поздно хватился — но дѣлать нечего. Собственно пишу я къ тебѣ, чтобъ узнать, правда ли, что тебя посѣтилъ Че (рныше) вскій, и въ чемъ состояла цѣль его посѣщенія и какъ онъ тебѣ понравился? Напиши объ этомъ подробно не мнѣ — меня письмо твое не застанетъ — притомъ же я все узнаю въ Петербургѣ — а Колбасину и Шеншину, которые очень интересуются этимъ. Ты знаешь адресъ Колбасина: Asnières près Paris, 4, Boulevard de la Comète (Lehotville—Asnières). Ты ихъ очень этимъ обяжешь. Недѣли черезъ двѣ явится къ тебѣ человѣкъ, котораго ты навѣрное хорошо примешь, декабристъ Вегелинъ, который желаетъ съ тобой познакомиться. Онъ привезетъ тебѣ отъ меня двѣ важныя рукописи, которыя мнѣ были доставлены для П. З. во время моего пребыванія въ Вишн. Я познакомился съ другимъ декабристомъ Волконскимъ, очень милымъ и хорошимъ старикомъ, который тоже тебя любитъ и цѣнитъ. Видѣлъ ты молодаго Ростовцева?

Будь здоровъ. Кланяюсь Огареву, его женѣ и всѣмъ твоимъ. Жму тебѣ крѣпко руку.

Твой Ив. Тургеневъ.

P. S. Ты можешь для вѣрности написать о Ч. иносказательно. Колбасинъ малый не промахъ, поймете.

ПИСЬМО XVIII.

Парижъ. 21 Мая 1860 г.

Любезный другъ,

Соображаясь съ твоимъ письмомъ и другими обстоятельствами, я выѣду отсюда 28-го, т. е. черезъ недѣлю и явлюсь въ твою гречѣскую улицу. Анненковъ долженъ быть теперь у тебя: напишите мнѣ оба словечко. Получилъ я также № Колокола, гдѣ ты такъ «splendidly» обо мнѣ отзываешься. Мнѣ было совѣстно и не могъ я этому повѣрить, но мнѣ было пріятно. Мнѣ много нужно съ тобой переговорить и т. д. Заранѣе обнимаю тебя и Огарева, до свиданія.

Твой Ив. Тургеневъ.

«Splendidly» отзывъ о Тургеневѣ находится въ замѣткѣ о «Библіотекѣ для Чтенія», которая назвала «мерзостно-отвратительными картинками» украинскіе разсказы Марка Вовчка за обличенія крѣпостнаго права. «Разсказы эти, говоритъ Герценъ, остановили насъ именемъ переводчика. Прочитавши, мы поняли, почему величайшій современный русскій художникъ— И. Тургеневъ перевелъ ихъ». (Колоколъ. № 71, 15 Мая 1860).

ПИСЬМО XIX.

Парижъ. 3 Іюня 1860 г.

Не сердись на меня, милѣйшій Александръ Ивановичъ, за то что я поступилъ также, какъ «Hahnenkopf» [1]); собирался все къ тебѣ, а уѣхалъ въ Соденъ, близъ Франкфурта. Дѣло въ томъ, что я не могъ пробыть въ Лондонѣ болѣе 3 дней, а это не стоило хлопотъ и проч.; а главное, я буду на островѣ Уйтѣ вмѣстѣ съ Ганенкопфомъ въ самыхъ первыхъ числахъ Августа и пробуду тамъ недѣли три, слѣдовательно, я насмотрюсь на тебя и наговорюсь съ тобой, ибо и ты тамъ будешь. Впрочемъ я тебѣ еще напишу изъ Содена, а это письмо передастъ тебѣ Николай Михайловичъ Жемчужниковъ, котораго прошу тебя принять à bras ouverts [2]); я знаю навѣрное, что ты его полюбишь отъ души. Онъ доставитъ тебѣ двѣ важныя бумаги, которыя прошу тебя напечатать и за несомнѣнность которыхъ ручаюсь тебѣ своимъ словомъ.

И такъ будь здоровъ и веселъ. Обнимаю тебя и говорю: до свиданія въ Августѣ. Кланяюсь Огареву, женѣ его и всѣмъ твоимъ. Крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО XX.

Парижъ. 4 Іюня 1860 г.

Ты, должно быть, ругалъ-ругалъ меня, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, да ужъ и пересталъ ругать; а разгадка

---

[1]) П. В Анненковъ.

[2]) И. М. Ж—въ, потомъ директоръ департамента въ министерствѣ путей сообщенія.

моего молчаніе слѣдующая: я нѣсколько дней тому назадъ далъ одному моему хорошему пріятелю, Жемчужникову, письмо къ тебѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми документами, которые просили мене тебѣ доставить. Онъ хотѣлъ тогда же уѣхать и до сихъ поръ еще находится въ Парижѣ. Въ Четвергъ онъ однако ѣдетъ. Но для избѣжанія дальнѣйшихъ недоразумѣній скажу тебѣ что я, въ подражаніе Ганенконфу, раздумалъ ѣхать теперь на на три дня въ Лондонъ, когда я съ перваго Августа пробуду три недѣли на островѣ Уайтѣ и вѣроятно (т. е. навѣрное) тебя увижу. А теперь я отправляюсь въ Соденъ возлѣ Франкфурта, гдѣ пробуду шесть недѣль и буду пить воды. Я оттуда напишу тебѣ и пришлю аккуратный адрессъ. А теперь, прошу на меня не сердиться, обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО XXI.

Соденъ. 10 Іюня 1860 г.

Любезнѣйшій А. И...!

Сегодня ограничиваюсь извѣстіемъ, что я благополучно прибылъ въ Соденъ, мѣстечко близъ Франкфурта на Майнѣ въ Великомъ Герцогствѣ Нассаускомъ, что я остановился въ Hôtel de l'Europe, что дождикъ льетъ съ утра, что одинъ докторъ совѣтуетъ мнѣ пить источникъ № 18-й, а другой № 19-й; что здѣсь, къ счастью русскихъ мало, за то есть одинъ такой генералъ, что на двадцать пять шаговъ отъ него несетъ пощечиной, харчевымъ хлѣбомъ, корридоромъ измайловскихъ казармъ въ ночное время и Станиславомъ на шеѣ; что я здѣсь останусь четыре недѣли, а потомъ поскачу на Уайтъ въ твои объятія — (кстати, принялъ уже ты въ оныя Боткина и явился къ тебѣ Николай Жемчужниковъ?) что музыканты, дававшіе мнѣ обычную привѣтственную серенаду, начали съ «Боже Царя храни»; что съ истиннымъ увлеченіемъ прочелъ рѣчь ганноверскаго короля при закладкѣ памятника своему богоспасенному родителю. Того самаго короля, который произвелъ г-на Барриса въ графы за то, что онъ сказалъ всей Германіи, что она дура. Прочти, ради

Бога, эту рѣчь: этакого проникновенія собственнымъ достоинствомъ даже и въ Николаѣ Павловичѣ не было замѣтно!

Пока довольно. Напиши мнѣ два слова, — я тебѣ отвѣчу двѣсти — и будь здоровъ и веселъ.

Жду № Колокола съ высѣченнымъ Краевскимъ [1]). Кланяюсь Огареву и всѣмъ твоимъ

Твой Ив. Тургеневъ.

P. S. Ганенкопфъ въ Италіи, но къ Августу и онъ прилетитъ зефиромъ на Уайтъ — вотъ такъ: (рисунокъ).

ПИСЬМО XXII.

Соденъ. 2/14 Іюня 1860 г.

Милый Александръ Ивановичъ,

Ты можешь меня крайне обязать, и я знаю, что ты это сдѣлаешь. У тебя вѣроятно есть «Поѣздка въ Полѣсье» и «Ася», двѣ мои повѣсти, одна помѣщена въ Библ. для Чтенія, другая въ Современникѣ. («Ася» явилась съ 1 № Совр—а за 1858 годъ, «Поѣздка»—въ 1858-мъ же году въ Библіотекѣ). Мнѣ эти повѣсти крайне нужны. Я продалъ полное изданіе своихъ сочиненій и взялся все пересмотрѣть, а срокъ уже проходитъ. Попроси Огарева поискать эти двѣ штуки и самъ поищи, и тотчасъ же пришли мнѣ ихъ сюда по новому моему адресу (я съѣхалъ изъ Hôtel de l'Europe, гдѣ меня грабили), а именно: bei August Weber (Soden, bei Francfurt am Main). Этимъ ты меня крайне обяжешь. Я разсчитывалъ было найти эти вещи въ Парижѣ, но не нашелъ ихъ. Пожалуйста исполни мою просьбу немедля, или напиши, что не можешь.

Мнѣ здѣсь хорошо и, кажется, на мое здоровье воды хорошо дѣйствуютъ. Одно скверно: все дожди. Пріобрѣлъ

---

[1]) Въ № 73—74 Колоколѣ (15 Іюня 1860) напечатана статья И—ра «Религіозное значеніе СПБ. Вѣдомостей», которыхъ редакторомъ былъ тогда А. А. Краевскій, — съ насмѣшками по поводу возведенія тамъ въ Баярды генер. Ламорисьера, тогда начальника папскихъ войскъ.

покупкой 72-й № Колокола — очень хорошо предисловіе [1]). Сердцу моему пріятны твои заботы о Тимашевѣ [2]).

Жму тебѣ крѣпко руку.

До свиданія въ началѣ Августа.

Твой Ив. Тургеневъ.

P. S. Пріѣхали ли въ Лондонъ Ж. Б. и Т.? дай знать.

ПИСЬМО XXIII.

Куртавнель. $^{6}/_{18}$ 1860 г.

Милый Александръ Ивановичъ, ты, вѣроятно, удивился, узнавъ отъ M-me N. N., что я проскочилъ чрезъ Лондонъ не видавъ тебя, но я, во первыхъ, не зналъ до той минуты, что ты въ Лондонѣ, а во вторыхъ, у меня не было рѣшительно ни одной минуты свободной, такъ что я и Огарева не видалъ. Теперь я въ деревнѣ г-жи Віардо и хожу на охоту, на сколько позволяютъ непрерывные дожди, а черезъ нѣсколько дней я отправлюсь въ Парижъ искать квартиру. Если ты не перемѣнилъ своего намѣранія на счетъ Англійской гувернантки, то я съ удовольствіемъ примусь тебѣ отыскивать такую, съ помощью моей знакомой содержательницы пансіона въ Парижѣ: rue Lafitte, hôtel Byron. Я надѣюсь, что ты получилъ черезъ Огарева нашъ проектъ: напиши мнѣ свое мнѣніе о немъ со всею искренностью: я

---

[1]) Предисловіе — статья «За пять лѣтъ», напечатанная и какъ предисловіе къ сборнику этого же имени. Основная мысль статьи,— что правительство Александра II, самодержавіе, не исполнило ожиданій образованнаго общества. «Оставимъ правительство — правительствомъ и будемъ заниматься своимъ дѣломъ. Для этого пойдемте въ отставку; хозяйство разстроено, дѣтей надо воспитывать, дѣлать ихъ ручными изъ баричей. Ослабимъ правительство нашимъ неучастіемъ».... совѣтовалъ Герценъ.

[2]) Тимашева, завѣдывавшаго тогда III-мъ отдѣленіемъ, Герценъ предлагалъ въ 72 № Колокола, сдѣлать графомъ за усердіе въ открытіи «лужинскихъ заговоровъ», т. е. въ раздуваніи дѣла студентовъ, арестованныхъ въ Харьковѣ и Кіевѣ въ началѣ 1860 г., по указанію харьковскаго губернатора Лужина, имѣвшаго еще въ 1858 г. столкновеніе со студентами. Это было первое «политическое дѣло» при Александрѣ II. (См. Колоколъ, №№ 20, 22, 78).

дорожу твоимъ мнѣніемъ въ этомъ дѣлѣ (да и вообще) больше, чѣмъ сотнями другихъ [1]).

Я въ Парижѣ увижу послѣдніе №№ Колокола: неужели ты не отхлесталъ нашего барина за эти гнусные австрійскіе обѣды, напоминающіе самую скверную эпоху Николаевщины? Что за изліянія такія! [2]) И дѣло крестьянскаго освобожденія тоже пошло скорой рысью назадъ.

Жду твоего отвѣта и дружески жму твою руку, если она вмѣстѣ съ твоимъ тѣломъ не замерзла въ твоемъ орлиномъ гнѣздѣ. Впрочемъ тебѣ пріятенъ не только сѣверный вѣтеръ, — сѣверный ураганъ.

Кланяюсь твоимъ дѣтямъ, которыхъ уже не смѣю цѣловать.

Твой Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО XXIV.

Куртавнель. 27 Сентября 1860 г.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, я какъ только получилъ твое письмо, переданное мнѣ Delavo'іемъ, немедленно вручилъ его N. M—внѣ, которая также немедленно хотѣла отвѣтить тебѣ. Мнѣ съ ней было хлопотъ немало: надо было ее вывести на свѣтъ божій изъ омута фальшивыхъ отношеній, долговъ и т. д. въ которомъ она вертѣлась. Мужъ ея незлой и честный даже человѣкъ, но хуже всякаго злодѣя своимъ мелкимъ, раздражительнымъ, самолюбивымъ п

---

[1]) «Нашъ проэктъ» — планъ общества для обученія народа грамотѣ и распространенія въ немъ нравственнаго образованія,— составленный при самомъ дѣятельномъ участіи Тургенева кружкомъ русскихъ, бывшихъ въ 1860 г. на о. Уайтѣ (Анненковъ, гр. Ал. Толстой, графы Ростовцевы, — сыновья Іакова Ростовцева, — В. П. Боткинъ и др.) — былъ разосланъ разнымъ представителямъ общества, литературы, искусства, — но не имѣлъ послѣдствій, такъ какъ обсужденіе его дотянулось до закрытія правительствомъ воскресныхъ школъ (см. Анненковъ въ Вѣстникѣ Европы, 1885, Апр. 471—475).

[2]) Вслѣдъ за этимъ письмомъ Тургенева въ Колоколѣ № 82, 1 Окт. 1860, помѣщена была передовая статейка И—ра, «Послѣдній ударъ» по поводу сближенія «кейзера петербургскаго съ кейзеромъ австрійскимъ», направленнаго между прочимъ противъ Польши. «И назначить мѣстомъ союза Нѣмцевъ противъ Славянъ Варшаву! Нѣтъ, у нихъ нѣтъ ни смысла, ни сердца, ни совѣсти!» — такъ оканчивалась эта статейка. См. дальше, № XXVI.

невыносимо тяжелымъ эгоизмомъ. Прожиганіемъ денегъ (при совершенномъ отсутствіи не только комфорта, но даже платья) онъ напоминаетъ мнѣ Бакунина (ничѣмъ другимъ разумѣется, ибо при этомъ онъ ограниченъ до нищеты). Я рѣшился, чтобы зло пресѣчь, помѣстить N. M. въ пансіонъ, гдѣ она за 175 фр. въ мѣсяцъ имѣетъ все готовое, отправить супруга въ Петербургъ, гдѣ его ждетъ мѣсто, приготовленное Ковалевскимъ, привести въ извѣстность всѣ долги и тѣмъ самымъ пріостановить ихъ, а отчаяннаго и скверно воспитаннаго, но умнаго мальчишку, сына N. M. отдать здѣсь въ institution для вышколенія. Но супругъ, жившій до селѣ деньгами и долгами жены, не иначе соглашается ѣхать изъ Гейдельберга, какъ простившись съ нею и съ сыномъ т а м ъ: и вотъ она туда поскакала на 2 дня, что ей будетъ стоить франковъ 300. По крайней мѣрѣ она отвезетъ ему деньги на отъѣздъ и приведетъ долги его въ Гейдельбергѣ въ ясность, т. е. возьметъ на себя. (Онъ, главное, задолжалъ Гофману, бывшему московскому профессору).

Поблагодари за меня Огарева за его дружеское письмо: совѣтъ его на счетъ нашихъ будущихъ школъ будетъ принятъ къ свѣдѣнію; что ты говоришь о нашемъ проэктѣ?

Я нанялъ себѣ квартиру на 8 мѣсяцевъ въ Парижѣ: Rue Rivoli, 210 и переѣзжаю туда черезъ недѣлю. Жду твоего отвѣта на счетъ англичанки.

Надѣюсь, что ты со всѣми твоими здоровъ и веселъ, хотя погода продолжаетъ быть мерзостной. Крѣпко жму тебѣ руку и кланяюсь твоимъ.

Твой Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО XXV.

Парижъ. 13 Октября 1860 г.

Пишется письмо отъ Ивана Тургенева къ Александру Герцену, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1. До сихъ поръ не узналъ еще имени автора берлинской книги, но, узнавши, сообщу [1]). Кто Вагнеръ — не знаю. А въ Библ. для Чт. есть статья о Саванаролѣ, подписанная

[1]) Берлинская книга, вѣроятно, «Искандеръ-Герценъ» Елагина.

М. Эссенъ; этотъ Э. былъ сосланъ на Кавказъ за протестъ, присланный имъ изъ Тамбова противъ гнустной рѣчи, произнесенной профессоромъ съ фамиліей въ родѣ: Антрополохскій и одобренной Казанскимъ Университетомъ.

2. Спасибо за обѣщанные въ теченіи 10 лѣтъ 50 фр. Я съ этой исторіей имѣлъ много самыхъ непріятныхъ хлопотъ. Мы надѣемся набрать фр. 300; съ этимъ ребенокъ не умретъ съ голоду.

3. Фотографію Бакунина мнѣ показалъ N. N., и я могу получить (и получу) нѣсколько оттисковъ отъ Захарьина. А твоей фотографіи я не получалъ и даже не думаю, чтобъ сынъ твой былъ у меня, по крайней мѣрѣ онъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своего визита.

14 Октября.

На этомъ пунктѣ письма засталъ меня твой выговоръ. Согласенъ, что заслужилъ его, хотя не въ томъ смыслѣ, какъ ты полагаешь. Грѣшенъ я всякими грѣхами, но страсти къ сплетнямъ особенно сильной въ себѣ не чувствую. Вотъ какъ это все случилось. Ты знаешь, что я нахожусь въ отношеніи къ N. M. въ положеніи дяди или дядьки и говорю съ ней очень откровенно. Я совершенно убѣжденъ, что между ею и П. нѣтъ рѣшительно ничего, и это убѣжденіе основывается именно на тѣхъ психологическихъ данныхъ, о которыхъ ты упоминаешь; но les apparences — дѣйствительно противъ нея. А потому я и сталъ ей доказывать, что брать на себя невыгоды извѣстнаго положенія, не получая его выгодъ, значитъ дѣлать глупость; и въ подтвержденіе того, что это говорится не одними вздорными людьми, привелъ твой авторитетъ, такъ какъ я знаю, что она тебя уважаетъ и любитъ. Я не счелъ нужнымъ оговориться и потребовать отъ нея тайны, я позабылъ взять въ соображеніе ея наивность и добродушіе. Бѣды впрочемъ во всемъ этомъ никакой нѣтъ; она точно также благодарна тебѣ, какъ и мнѣ за дружеское предостереженіе; а потому укроти свой гнѣвъ. Письмо твое я ей доставилъ, а живетъ она rue de Clichy, № 19, chez M-me Rorion. У ней на дняхъ сынъ чуть не умеръ отъ крупа и она очень перепугалась.

Ты пишешь, что дочь твоя сюда ѣдетъ. Но съ кѣмъ и гдѣ она остановится, не упоминаешь. Нечего тебѣ говорить, что и дочь моя и гувернантка моя (которая оказывается

прекрасной женщиной) и я, мы готовы носить ее на рукахъ и всячески о ней заботиться. Но для этого надобно знать, гдѣ она будетъ жить.

Ну прощай, пока, строгій, но справедливый человѣкъ. Крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

P. S. Колокола съ статьей о «свиданіи» въ Варшавѣ еще не получалъ [1]). На дняхъ обѣдалъ съ Долгорукимъ. Здѣсь также любезнѣйшій Ешевскій — и Чичеринъ.

ПИСЬМО XXVI.

Парижъ. 24 Октября 1860 г.

Любезный другъ,

Не знаю, дошло ли до тебя извѣстіе, что Ш. три дня тому назадъ умеръ отъ удара. Этого слѣдовало ожидать, но горестно то, что онъ оставилъ послѣ себя женщину и ребенка, которыхъ ничѣмъ не обезпечилъ, а вдова его (довольно противная барыня — между нами) кричитъ, пищитъ, плачетъ,

---

[1]) Статьей о Варшавскомъ свиданіи Тургеневъ, очевидно, называетъ упомянутую выше статью «Послѣдній ударъ». Герценъ, очевидно, отвѣчалъ на его вызовъ въ письмѣ № 23 «хлеснуть барина» обѣщаніемъ написать статью о предстоящемъ свиданіи. Статья спеціально о Варшавскомъ свиданіи императоровъ австрійскаго, россійскаго и короля прусскаго, съ эпиграфомъ Es reiten drei Reiter появилась въ № 85 Колокола (15 Ноября). Очевидно, Герценъ, послѣ письма Тургенева, № 23, заранѣе извѣщалъ его о намѣреніи написать эту статью. Она оканчивалась словами: «Варшавское свиданіе будетъ внесено и въ другую лѣтопись, и въ ней скажется, — что царское самовластіе, не знавшее никакихъ предѣловъ, наконецъ натолкнулось на свою границу, и вызвало то страдательное противудѣйствіе молчанія и затаеннаго отвращенія, отъ котораго монархи блѣднѣютъ. Передъ позоромъ австрійскаго союза, передъ глупостью союза противъ Италіи — Россія и Польша соединились въ одно чувство порицанія и осужденья!

«И если вѣнценосцы уѣхали изъ Варшавы головою ниже — Россія и Польша выросли на голову.

Съ этого варшавскаго свиданія началось явно революціонное движеніе въ польскомъ обществѣ противъ Александра II. Разбросаніе ассафетиды въ театрѣ во время гала-спектакля считается за начало революціонныхъ манифестацій въ Польшѣ передъ 1863 г

клянется въ любви къ законному мужу, но не вѣритъ или притворяется, что не вѣритъ, что сынъ — его — и что онъ могъ имѣть какую нибудь серьезную связь, когда еще за три дня до своей смерти, онъ, прибавляетъ она, «клялся у моихъ ногъ и восклицалъ: О Викторина! » Должно замѣтить, что эта самая «Викторина» уѣзжала прочь отъ него за любовникомъ въ Одессу. Я взялся хлопотать о бѣдномъ ребенкѣ, такъ какъ всѣ деньги теперь въ рукахъ у вдовы и до сихъ поръ успѣваю мало. Не говорилъ ли онъ тебѣ что нибудь о своихъ отношеніяхъ? Въ такомъ случаѣ напиши только м н ѣ, а ни кому другому, чтобъ не вышло сплетней. Дѣло это весьма щекотливое. Ты знаешь мой адрессъ: rue de Rivoli, 210.

Спасибо за присылку Колокола. «Богомокрицы» in your happiest. Варшавскихъ тоже хорошо отдѣлалъ, но еще, еще! Какъ сказано въ одной поэмѣ:

Ещѣ разить, ещѣ, ещѣ...
Погибъ, погибъ сей мужъ въ плащѣ.

Хотя мужья въ плащѣ у насъ живучи — (говорятъ, Орловъ опять всталъ на ноги) — но разить ещѣ и ещѣ необходимо.

Неужели ты еще долго проживешь въ Бурнемаусѣ? Еслибъ я имѣлъ честь быть тобою, я бы рискнулъ каламбуръ о бурномъ Эмаусѣ, при чемъ сравнилъ бы тебя съ апостоломъ и т. д., но у меня ничего изъ этого не выдетъ.

Получилъ ли ты мое письмо адресованное въ тотъ же Bournemauth? Извѣсти, когда ты переѣзжаешь и куда.

П. В. тебѣ кланяется изъ Петербурга. Я получилъ отъ него интереснѣйшее письмо. Хаотическое состояніе нашего отечества умилительно.

Я понялъ конецъ «Желчевиковъ» и сугубо тебѣ благодаренъ. Пора этого безстыднаго мазурика на лобное мѣсто. И за насъ, лишнихъ, заступился. Спасибо.

Я принялся за работу, но она идетъ безобразно туго.

Прощай, пока. Крѣпко жму тебѣ руку и кланяюсь всѣмъ твоимъ.

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

Въ № 32 Колокола, 1 Окт. 1860, напечатана статья Богомокрицы и Бого-саранча (Разборъ основоначертательницы сребромудрія преподобныхъ отецъ нашихъ Башуцкаго, Бурачка и Аскоченскаго) — по поводу проэкта основанія, при покровительствѣ императрицы, общества для борьбы съ «современнымъ, — противурелигіознымъ, — движеніемъ», со сборомъ со всего народа въ 4.183.813 руб. въ годъ, — или, какъ острилъ Герценъ, — «предложенія императрицы завести торговый домъ благочестія, учредить нѣчто въ родѣ ставропигіальнаго откупа, для распространенія, укрѣпленія и поддержанія православія» и т. д.

Фраза о «Варшавскихъ», судя по времени написанія письма, должна относиться еще къ статьѣ «Послѣдній ударъ», напечатанной, какъ сказано въ № отъ 1 Окт. Въ такомъ случаѣ спеціально посвященная варшавскому свиданію статья съ эпиграфомъ Es reiten drei Reiter, напечатанная въ № отъ 15 Ноября, являлась бы, какъ исполненіе просьбы ещѣ разить, ещѣ, ещѣ...

Намекъ на индивидумъ въ словахъ по поводу статьи «Лишніе люди и желчевики», — помѣщенной въ № 83 Колокола 15 Окт. 1860 г., намъ не вполнѣ ясенъ. Желчевиками называлъ Герценъ людей изъ поколѣнія, сложившагося въ послѣдніе годы царствованія Николая, — холодныхъ и самолюбивыхъ, какъ въ болѣзненномъ смиреніи, такъ и въ надменныхъ выговорахъ. «Половина ихъ постоянно каялась, другая постоянно карала», говоритъ Герценъ. Излагая недавній споръ съ однимъ такимъ желчевикомъ о «лишнихъ людяхъ», Герценъ заканчиваетъ: «я вамъ пожалуй укажу типы вреднѣе не только мертвыхъ, но и живыхъ лишнихъ людей», — хоть напр. типъ «литературнаго руфіано», и за тѣмъ такъ характеризуетъ этотъ, по его мнѣнію, новый въ Россіи типъ: «Мы не привыкли къ барышникамъ, отдающимъ въ ростъ свои слезы о народномъ страданіи, ни къ промышленникамъ, дѣлающимъ изъ сочувствія къ пролетарію оброчную статью... Повѣрьте, что гонитель неправды, сѣющій позоръ и проклятіе на современный срамъ и запустѣніе и въ то же время запирающій въ свою шкатулку деньги, явно наворованныя у друзей своихъ, при теперешнемъ броженіи понятій, при нашей распущенности и удобовпечатлительности — вреднѣе и заразительнѣе всѣхъ праздныхъ и лишнихъ людей, желчевыхъ и слезливыхъ!» — Не знаю согласны ли вы, мой Даніилъ...»

Очевидно, что образчика этого Даніила надо искать въ редакціяхъ тогдашней радикальной журналистики.

ПИСЬМО XXVII.

Парижъ. 4 Ноября 1860 г.

«Любезный сердцу и очамъ» — (самая сильная дружба не позволяетъ мнѣ однако прибавить слѣдующій стихъ: «Какъ вешній цвѣтъ едва развитый») — Александръ Ивановичъ! Получилъ я твою записку съ приложеніями. Адрессъ г-жи Ш.: Passage Sandrié, 5. Едва ли ты въ чемъ нибудь успѣешь: она безумствуетъ, бранится, лжетъ, плачетъ, падаетъ въ обморокъ, — словомъ ломается. Она, «изъ уваженія къ памяти Александра», который въ чемъ то ей клялся передъ смертію, не хочетъ признать ребенка за его сына и дала матери только 2000 фр., какъ милостыню. Мы хотимъ помѣшать этому ребенку умереть съ голоду и собираемся назначить ему пенсію: не дашь ли ты хоть сто франковъ въ годъ?

Переводъ твоего посланія къ Сербамъ написанъ нѣсколько a v a n t u r é, французскимъ языкомъ, а впрочемъ для Сербовъ ничего.

Я могу тебѣ поручиться, что N. M. вовсе не Цирцея и не думаетъ соблазнять юнаго П. Влюбленъ ли онъ въ нее, это я не знаю, но она никакъ не заслуживаетъ быть предметомъ материнскаго отчаянія и т. д., и т. д. Повидимому, Гейдельбергъ отличается сочиненіемъ сплетней: про меня тамъ говорятъ, что я держу у себя насильно крѣпостную любовницу и что г-жа Бичеръ-Стоу (!) меня въ этомъ публично упрекала, а я ее выругалъ. Тоже eine Schöne Gegend.

Спасибо за Колоколъ. Впередъ прошу не забывать.

Крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО XXVIII.

Парижъ. 20 Ноября 1860 г.

Милѣйшій Александръ Ивановичъ!

Хотя Огаревъ, (которому я дружески кланяюсь) и говоритъ, что мнѣ слѣдуетъ радоваться Ш—ской исторіи, од-

нако она начинаетъ сильно надоѣдать мнѣ. Ты ее знаешь; а потому не стану поднимать ее снова; ограничусь немногими афоризмами:

1. Прежде всего у г-жи Ш., по ея собственному счету и по бумагамъ мнѣ ею предъявленнымъ, болѣе 150,000 франковъ капитала (считая тутъ и ея 100 душъ).

2. Г-жа Ш. $1^1/_2$ года не видалась съ мужемъ, уѣхавъ въ Одессу за любовникомъ, который ее прогналъ: тогда она вернулась къ мужу, который ее снова принялъ.

3. Что ребенокъ — сынъ Ш., — не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: Колбасинъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ соблазнялъ его мать; меня Ш. водилъ къ ней, когда она была беременна; онъ съ Козодоевымъ ходилъ записывать ребенка въ mairie; онъ до конца своей жизни былъ очень нѣженъ съ нею (т. е. съ своей любовницей, а не съ mairie) и умеръ, держа на рукахъ сына, который сверхъ того на него похожъ, какъ двѣ капли воды.

4. Гидропсъ, о которомъ и мнѣ было говорено, не помѣшалъ моему дѣдушкѣ прижить 18 человѣкъ дѣтей, о чемъ, впрочемъ, я также докладывалъ г-жѣ Ш.

5. Я убѣжденъ, что Ш. лгалъ вообще и женѣ въ особенности: это ничего не доказываетъ, какъ ничего не доказываетъ и то, что онъ никакихъ не оставилъ распоряженій и т. п. Русская натура-съ.

6. Наконецъ, у г-жи Ш. больше ничего не просятъ, оставляя ее при ея убѣжденіи; но она требуетъ, чтобъ не давали милостыню ребенку и на дняхъ присылала мнѣ beau frère'а своего любовника, который грозилъ мнѣ «трибуналомъ», если я не брошу ребенка.

Изъ всего этого я заключаю, что совершенно безкорыстныхъ человѣка въ настоящую минуту въ Европѣ только два: Гарибальди и я. Замѣть, что я вовсе не былъ близокъ съ Ш., который бранилъ меня аристократомъ, и что любовница его пребезобразная.

А что сцены между г-жей Ш. и мною были исполнены всяческаго комизма,—несомнѣнно; и я дѣйствительно намѣренъ воспользоваться когда нибудь этимъ матеріаломъ.

За симъ, рѣшай, Верховный Судья! И сдѣлай одолженіе, распорядись такъ, чтобъ я могъ забыть всю эту чепуху.

Drei Reiter — очень хороши; есть нѣсколько удачнѣйшихъ загвоздокъ, но вообще статья мнѣ показалась напряженной. Можетъ быть, я былъ подъ вліяніемъ Ш.

Жду M-me M. съ Ольгой [1]) и дружески жму тебѣ руку.

Твой Ив. Тургеневъ.

(На томъ же листѣ)

ПИСЬМО XXVIII.

Любезный Николай Платоновичъ!

N. N. я отыщу и постараюсь быть ему полезнымъ; въ случаѣ надобности сведу его съ M-r Віардо, а ее съ М. А. Марковичъ, которая, кажется, теперь серьезно принялась за работу. Если можно, по прочтеніи, перешлите мнѣ Гайку Кохановской, о которой я много слышалъ. Я ее аккуратно возвращу.

Дружески Вамъ жму руку.

Преданный Вамъ И. Т.

ПИСЬМО XXIX.

Парижъ. 1 Января 1861 г.

Съ Новымъ Годомъ!

Посылаю тебѣ, дражайшій amico, письмецо Головнина къ князю Н. И. Трубецкому по поводу твоего вопроса въ Колоколѣ и посылаю также sous bande отрывокъ изъ Морскаго Сборника, въ которомъ находится подробное и, сколько я могъ судить, откровенное слѣдствіе о гибели «Пластуна». Также просятъ тебя очень щадить велик. кн. Конст. Ник. въ твоемъ журналѣ, потому что, между прочимъ, онъ, говорятъ, ратоборствуетъ, какъ левъ, въ дѣлѣ эманципаціи противъ дворянской партіи и каждое твое не милостивое слово больно отзывается въ его чувствительномъ сердцѣ. Просятъ тебя также, по прочтеніи отрывка изъ Мор. Сбор., непремѣнно и немедленно возвратить его мнѣ [2]).

---

[1]) Дочь Герцена и ея гувернантка.

[2]) Въ № 86 подъ заглавіемъ «Крузенштернъ, Нолькинъ, плюха,

Твоя Ольга процвѣтаетъ и у ней квартира очень хороша. Больше пока писать нечего. Жду статью объ Оуенѣ [1]). Кланяюсь всѣмъ твоимъ и обнимаю тебя.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Прочти «Стрекаловскаго барана» и «Гаваньскихъ Чиновниковъ» въ Биб. для Чт. Кажется, нѣ за чѣмъ напоминать тебѣ что эдакого рода наши отношенія должны храниться въ тайнѣ [2]).

ПИСЬМО XXX.

Парижъ. 9 Января 1861 г.

Милый А. И. Пожалуйста напиши мнѣ немедленно, откуда дошла до тебя вѣсть о смерти К. Аксакова и достовѣрна ли она? Ни въ журналахъ, ни въ полученныхъ мною изъ Россіи письмахъ ни слова объ этомъ нѣту. Я все еще не хочу вѣрить смерти этого человѣка [3]).

Коммисію твою передалъ Рюриковичу, который въ сущности не Рюриковичъ, а Гедиминовичъ. Онъ обѣщалъ пере-

---

линьки, обезьяна и Анкудиновъ» передано было нѣсколько сообщеній о жестокомъ обращеніи съ матросами. Редакторъ спрашивалъ:

Правда ли это, Константинъ Николаевичъ?

Правда ли это, господинъ Краббе?

И наконецъ, г. Головнинъ, правда ли это?

А. В. Головнинъ, — впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія, — служилъ тогда въ министерствѣ морскомъ и былъ приближеннымъ В. Кн. Константина Николаевича. Въ 1843—45 гг. онъ служилъ вмѣстѣ съ Тургеневымъ въ мин. вн. дѣлъ и сохранилъ съ нимъ дружескія отношенія. Въ 90 № Колокола, 15 Янв. 1861, перепечатано изъ «Морскаго Сборника» слѣдствіе о «Пластунѣ» (Собственное сознаніе о взрывѣ на «Пластунѣ») съ короткой замѣткой, которая оканчивалась словами: «Жаль невинно погибшихъ, а хорошо бы было, еслибъ матросы помогли Константину Николаевичу бросить за бортъ, или поднять на воздухъ всѣхъ этихъ «затыкающихъ рты» и морскихъ чудовищъ, — сѣкущихъ гардемариновъ и стариковъ съ крестами».

[1]) Статья объ Оуенѣ явилась въ VI кн. Полярной Звѣзды (1861 г.).

[2]) Подъ «этакого рода отношеніями» слѣдуетъ разумѣть посредничество Тургенева въ передачѣ Герцену матерьяловъ отъ такихъ лицъ, какъ Головнинъ.

[3]) О смерти К. С. Аксакова Герценъ узналъ изъ письма брата его Ивана, — (напечатано въ «Вольномъ Словѣ» 1 Мая 1883 г. №60).

дать твои слова по принадлежности и просилъ о возвращеніи отрывка [1]).

«Раскольниковъ» я уже давно пріобрѣлъ и прочелъ. Это удивительно интересно [2]). Хорошъ тамъ является Тургеневъ, Ѳедоръ Михайлычъ. Это былъ величайшій сукинъ сынъ и грабитель. Помнится, мы къ нему отъ этого не ѣздили, даромъ что онъ былъ намъ родственникъ. А вѣдь и мои родные не были изъ числа самыхъ безпорочныхъ.

Бени былъ, доставилъ портретъ, очень понравился и исчезъ. Надо его отыскать [3]).

Ольга обѣдала у меня въ Воскресенье съ другими дѣтьми. Я представлялъ медвѣдя и ходилъ на четверенькахъ. Это dans mes moyens, но жениться! О, жестокая насмѣшка!

Съ Современникомъ и Некрасовымъ я прекратилъ всякія сношенія, что между прочимъ явствуетъ изъ ругательствъ à mon adresse почти въ каждой книжкѣ. Я велѣлъ имъ сказать, чтобъ они не помѣщали моего имени въ числѣ сотрудниковъ, а они взяли да помѣстили его на самомъ концѣ, въ числѣ прохвостовъ. Что тутъ дѣлать? Не возобновлять же Катковскую исторію въ газетахъ [4]).

Статью Огарева я еще не успѣлъ прочесть [5]), напишу тебѣ свое мнѣніе непремѣнно, а ты мнѣ отвѣчай, пожалуйста, на счетъ Аксакова.

Будь здоровъ. Кланяюсь всѣмъ твоимъ.

Ив. Тур.

---

[1]) Гедиминовичъ, должно быть, кн. Юр. Голицынъ, капельмейстеръ, которому Герценъ посвятилъ полную юмора статью, напечатанную въ Посмертныхъ сочиненіяхъ.

[2]) Раскольники — Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ, — сводъ матеріаловъ, изданіе которыхъ поручено было Герценомъ Вас. Кельсіеву. Тургеневъ говоритъ о II-мъ выпускѣ изданія.

[3]) Бени — Беньковскій, полякъ родившійся въ Англіи, принималъ нѣкоторое участіе (мало впрочемъ до сихъ поръ выясненное) въ русскомъ радикальномъ движеніи того времени. См. дальше.

[4]) «Катковская исторія» — полемика, поднятая Катковымъ изъ за того, что онъ усмотрѣлъ въ напечатанной Тургеневымъ въ «Современникѣ» повѣсти «Фаустъ» тотъ этюдъ, который былъ ему обѣщанъ для «Русскаго Вѣстника». Послѣдняя, была, кажется «Призраки», напечатанныя значительно позже.

[5]) Статья Огарева, очевидно, «На новый годъ», въ 89 № «Колокола». 1 Янв. 1861.

ПИСЬМО XXXI.

Парижъ. 12 Февраля 1861 г.

Я давно не писалъ къ тебѣ, милый Александръ Ивановичъ, а между тѣмъ кое-что набралось сказать тебѣ.

Firstly, я долженъ довести до твоего свѣденія, что твои статьи въ Колоколѣ о смерти К. С. А. и объ Академіи — прелесть, особенно первая, про которую я знаю, что она произвела глубокое впечатлѣніе въ Москвѣ и Россіи [1]). Какимъ образомъ я попалъ въ Академію, для меня тайна, тѣмъ болѣе, что тамъ засѣдаютъ все какіе-то штатскіе генералы съ кутейническими именами.

Боткинъ третьяго дня сюда пріѣхалъ и представь, почти слѣпой! Я боюсь, не таже ли самая болѣзнь у него какая была у д'Убри, а именно размягченіе мозга. Онъ очень ослабѣлъ; сегодня везу его къ Райе.

---

[1]) Статья «Конст. Серг. Аксаковъ» явилась въ № 90 Колокола, 15 Янв. 1861. Самыя характерныя мѣста ея, кажется намъ, слѣдующее сведеніе къ единству московскихъ «славянофиловъ» и «западниковъ»:

«У насъ была одна любовь, но не одинаковая.

«У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное безотчетное, физіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество, — чувство безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ русскому народу, къ русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время какъ сердце билось одно.

«Они всю любовь, всю нѣжность перенесли на угнетенную мать. У насъ... эта связь ослабла. Мы были на рукахъ французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы догадались по сходству въ чертахъ... Мы сильно полюбили ее, но жизнь ея была слишкомъ тѣсна... мы знали, что у нея нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній, — мы знали и другое, что ея счастіе впереди, что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ — это нашъ маленькій братъ, которому мы безъ чечевицы уступаемъ старшинство...»

[2]) Объ Академіи (Наукъ, въ Петербургѣ) Герценъ говорилъ въ статьѣ «Провинціальные университеты». Основная мысль этой статьи въ томъ, что оффиціальная наука, представляемая въ Россіи Академіей наукъ въ Петербургѣ, очень мало служила для русскаго развитія, что эту роль сослужили Москва и московскій университетъ, давшіе Чаадаева, славянофильство, — Лермонтова, Бѣлинскаго, Тургенева, Кавелина, — а что за тѣмъ и Москва заснула и теперь наступаетъ чередъ провинцій съ ихъ университетами, для которыхъ «правительство ничего не дѣлаетъ».

О свадьбѣ П. В. Анненкова ты, вѣроятно, уже извѣстенъ сталъ; примѣръ намъ съ тобою, братъ! Онъ беретъ дѣвушку лѣтъ 28, не очень красивую, но добрую и умную.

Работа моя подвигается очень не спѣшно; я все это время возился то съ собственнымъ бронхитомъ, то съ бронхитомъ (и очень сильнымъ) моего пріятеля Віардо. Слѣпцовъ былъ у меня и сообщилъ свѣденія о твоемъ житьѣ-бытьѣ. Упоминовеніе тобою моего имени въ обществѣ Бѣлинскаго и др. я принялъ въ родѣ Анны съ короной на шею и чувствовалъ на душѣ играніе тщеславія. А между прочимъ

Кухарка моя входитъ и подаетъ твою записку о Трубецкомъ и т. д. Сегодня же соберутся подробнѣйшія свѣденія и завтра будутъ къ тебѣ препровождены.

Кажется ты еще не убѣдился, что «Будущность» плоха?

Обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ. До завтра.

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО XXXII.

(1861. Февраль 13?)

Милый А. И. Вотъ свѣденія, которыя я могъ собрать: Князь Н. П. Трубецкой, бывшій адъютантъ герцога Мекленбургскаго (мужъ дочери вел. кн. Елены Павловны) по всѣмъ признакамъ человѣкъ хорошій и благородный. Кн. Долгоруковъ отзывается о немъ очень хорошо: онъ лично его не знаетъ, но знаетъ семейство, гдѣ онъ воспитывался и т. д. О Дубровинѣ никто ничего не знаетъ. Впрочемъ здѣсь есть человѣкъ (полковникъ главнаго штаба — котораго ты называешь) отъ котораго я могу собрать свѣденія какъ о Дубровинѣ, такъ и объ арестахъ офицеровъ въ С.-Петербургѣ, которые, повидимому, остались тайной, если они точно происходили. Я его увижу и дамъ тебѣ знать результатъ нашихъ разговоровъ. Слѣпцовъ мнѣ ничего не говорилъ о діаконѣ.

Кажется я писалъ тебѣ о пріѣздѣ Боткина сюда: онъ, бѣдный, очень плохъ; мозгъ и зрѣніе поражены. Мы хотимъ помѣстить его въ тотъ пансіонъ, гдѣ находится М. А. Марковичъ: она такая добрая и будетъ ходить за нимъ. М. А. также пріѣхалъ въ Парижъ, но я его еще не видалъ.

Отъ Анненкова получаю радужныя письма: я счастливъ его счастьемъ. Имѣю также сообщить тебѣ самымъ достовѣрнымъ образомъ, что указъ объ эманципаціи выйдетъ скоро: никакимъ другимъ слухамъ не вѣрь; главные противники указа, кто бы ты думалъ? (не говорю о Гагаринѣ, это само собою разумѣется) Муравьевъ, Княжевичъ и кн. *А. М. Горчаковъ!!* Дядя мнѣ пишетъ, что жесточайшіе морозы съ мятелями причиняютъ много бѣдъ: всѣ сообщенія прекращены, скотъ умираетъ и т. д.

P. S. Скоро тебѣ опять напишу; а пока будь здоровъ, обнимаю тебя и кланяюсь твоимъ.

Твой И. Т.

ПИСЬМО XXXIII.

Парижъ. 9 Марта 1861 г.

Прежде всего долженъ тебѣ сказать, что ты ужасный человѣкъ. Охота же тебѣ поворачивать ножъ въ ранѣ! Что же мнѣ дѣлать, коли у меня дочь, которую я долженъ выдавать замужъ и потому по неволѣ сижу въ Парижѣ? Всѣ мои помыслы, весь я въ Россіи.

Буду сообщать тебѣ всѣ новости неофиціальныя, но вѣрныя. Пока ничего нѣтъ: въ Варшавѣ хотятъ попробовать мѣры кротости (Brutalité была слишкомъ велика даже для русской администраціи, даже ей стыдно стало) [1]), но попробуй поляки завести рѣчь о конституціи и увидятъ они, какіе выставятся кулаки. Изъ Петербурга по прежнему обѣщаніе (кажется несомнѣнное) объявить свободу $^{6}/_{18}$-го Марта. Но обрѣзаніе надѣла едва ли понравится крестьянамъ, особенно въ хлѣбопашныхъ губерніяхъ. Хорошо то, что глупѣйшаго переходнаго времени не будетъ.

Присылай Колоколъ Делавойю. Онъ все помѣститъ, что слѣдуетъ и гдѣ слѣдуетъ. Но вообрази, вѣдь онъ не Ген-

---

[1]) Brutalité въ Варшавѣ — стрѣльба по демонстративной процессіи 27 Февраля 1861 г. «Мѣры кротости» — дозволеніе торжественныхъ похоронъ убитыхъ 27 Февраля и отправка адресса къ государю съ желаніемъ огражденія національной самостоятельности Поляковъ.

рихъ, а Гипполитъ. Я самъ недавно узналъ этотъ потрясающій фактъ. Вотъ отчего у Рассина сказано:

Pourqui sous Hyppolite
Des hêros de la Grèce assemblait-on l'élite?

Отвратительное зрѣлище представляетъ здѣсь старая парламентская партія: всѣ они, вольтеріанецъ Тіеръ, протестантъ Гизо, ламартинистъ Ламартинъ охаютъ и ахаютъ о Папѣ, о неаполитанскомъ королѣ и т. д. Они думаютъ этимъ произвести реакцію противъ здѣшняго правительства, а оно только руки себѣ потираетъ. Если это будетъ такъ продолжаться, то кончится тѣмъ, что Наполеонъ будетъ главою либераловъ во Франціи!!... Уменъ онъ, уменъ, да ужъ и счастливъ, нечего сказать.

Г-нъ Лохвицкій — одинъ изъ самыхъ грязныхъ великороссійскихъ циниковъ. Я этой полемики не читалъ [1]). А представь, харьковскій студентъ Страховъ не выдержалъ и умеръ [2]).

Желиговскаго я очень хорошо знаю [3]) и способствовалъ его свадьбѣ, которая должна совершиться на дняхъ. Какое то свадебное новѣтріе въ воздухѣ. Ему теперь не до Варшавы и т. д.

Прощай, будь здоровъ; поклонись всѣмъ твоимъ и N. N., если онъ еще въ Лондонѣ.

Твой Ив. Тургеневъ.

Rue de Rivoli, 210.

ПИСЬМО XXXIV.

(1861)

Милый А. И.

Посылаю тебѣ копію съ письма Анненкова, писаннаго на другой день великаго дня, т. е. 6-го Марта. Оно, ты увидишь, любопытно. До сихъ поръ телеграммы (печатныя и

---

[1]) Мы не имѣемъ подъ рукою полемики, которая велась въ свое время Лохвицкимъ, профессоромъ Одесскаго лицея и потомъ адвокатомъ.

[2]) Студентъ Страховъ участникъ грязной и жестокой исторіи въ маскарадѣ, оскорбленія маски изъ модистокъ; объ этой исторіи упоминалось въ 93 № «Колокола».

[3]) Желиговскій, кажется, принималъ участіе въ заграничныхъ польскихъ и русскихъ кружкахъ, занимавшихся политикой.

частныя) единогласно говорятъ о совершенной тишинѣ, съ которой принятъ манифестъ во всей Россіи. Что то будетъ дальше? Самъ манифестъ явнымъ образомъ написанъ былъ по французски и переведенъ на неуклюжій русскій языкъ какимъ нибудь нѣмцемъ. Вотъ фраза въ родѣ: «благодѣятельно устроять»... «добрыя патріархальныя условія» — которыхъ ни одинъ русскій мужикъ не пойметь. Но самое дѣло онъ раскуситъ, и дѣло это устроено, по мѣрѣ возможности, порядочно.

Мы здѣсь третьяго дня отпѣли молебенъ въ церкви, и попъ произнесъ намъ краткую, но умную и трогательную рѣчь, отъ которой я прослезился, а Ник. Ивановичъ Тургеневъ чуть не рыдалъ. Тутъ же былъ и старый кн. Волконскій (декабристъ). Много народа передъ этимъ ушло изъ церкви.

За Полярную Звѣзду спасибо, которую я читаю съ удовольствіемъ. Твои отрывки по обыкновенію прелестны, записки Безстужева очень интересны, письма Лунина я уже зналъ, стихотворенія Березина показались мнѣ au dessous de leur réputation; объ Оуенѣ я еще не успѣлъ прочесть. Но кто это тебя мистифицировалъ, давъ переводъ извѣстнѣйшей проповѣди отца Бриденъ (Bridaine) при Людовикѣ XIV за современное произведеніе какого то Нестора и т. д., и какъ ты это попался?

Скажи два слова въ Колоколѣ о смерти Шевченка. Бѣднякъ уморилъ себя неумѣреннымъ употребленіемъ водки. Незадолго передъ смертью съ немъ случилось замѣчательное происшествіе: Одинъ исправникъ (Черниговской губерніи) арестовалъ его и отправилъ какъ колодника въ губернскій городъ, за то, что Ш. отказался написать его портретъ масляными красками во весь ростъ. Это фактъ.

Я ѣду черезъ мѣсяцъ въ Россію въ деревню и на дорогѣ заѣду къ тебѣ въ Лондонъ на день.

Прощай. Обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ. Благодарю Крузе за его письмо; я ему буду отвѣчать.

Твой Ив. Тургеневъ.

P. S. У здѣшнихъ русскихъ высунулись рожи: но они уже смирились. А Таймсъ толкуетъ о haughty and

factious noblesse! Г—о — эта noblesse и слава Богу!

P. S. Рекомендую для апр. Колокола — Муханова; передерни этого мерзкаго, кровожаднаго и развратнаго старика.

Подробность о Шевченкѣ была уже напечатана въ Колоколѣ въ № 80, 1 Сент. 1860; но тамъ она поставлена въ Кіевскую губернію, въ м. Межиричи, Черк. уѣзда — (что и вѣрно) и разказана подробнѣе: исправникъ Кабашниковъ обвинялъ Шевченка въ кощунствѣ и богохульствѣ. Изъ разказовъ М. А. Максимовича мы знаемъ, что Ш—ко говорилъ съ крестьянами о «незаконномъ рожденіи» І. Христа и заключаемъ, что онъ разказывалъ имъ содержаніе поэмы «Марія».

Статья о Мухановѣ, тогда директорѣ гл. коммиссіи внутр. дѣлъ въ Ц. Польскомъ, напечатана въ № 94 Колокола 15 Марта.

———

ПИСЬМО XXXV.

(1861)

Милый другъ А. И.

Вчера получены здѣсь письма отъ разныхъ оффиціальныхъ лицъ (Головнина и др.) объ окончаніи крестьянскаго вопроса. Главныя основанія редакціонной коммиссіи приняты; переходное время будетъ продолжаться 2 года (а не 9 и не 6), надѣлъ остается весь, съ правомъ выкупа. Плантаторы въ Петербургѣ и здѣсь въ ярости неизъяснимой: здѣсь они кричатъ, что проэктъ не либеральный, сбивчивый и т. д. Мнѣ обѣщали доставить сегодня одинъ уже отпечатанный экземпляръ Положенія, который прислали изъ Петербурга. Спишу главные пункты и пошлю тебѣ. Манифестъ (написанный Филаретомъ) выдетъ въ то Воскресеніе, т. е. чрезъ 9 дней. Государю приходилось по инымъ пунктамъ быть въ меньшинствѣ 9 человѣкъ противъ 37. Самыми либеральными людьми въ этомъ дѣлѣ оказались: Конст. Ник., Блудовъ, Ланской, Болтинъ, и Чевкинъ. Выбивается медаль со словомъ: благодарю и съ вензелемъ государя, которая будетъ роздана отъ имени Государя всѣмъ членамъ коммиссіи, комитетамъ и т. д. Воображаю, какъ иные ее примутъ.

Плантаторы потому такъ взбеленились, что въ послѣднее

время распространились слухи о принятіи Гагаринскаго проэкта, т. е. $^1/_4$ надѣла и т. д. Впрочемъ, говорятъ, и въ печатномъ экземплярѣ это находится въ примѣчаніи comme une chose facultative. Не понятно, но такими словами мнѣ это передалъ одинъ придурковатый плантаторъ, читавшій напечатанный манифестъ.

Дожили мы до этихъ дней, а все не вѣрится, и лихорадка колотитъ, и досада душитъ, что не на мѣстѣ.

Впрочемъ, если я не увижу перваго момента, я все таки буду свидѣтелемъ первыхъ примѣненій: я въ концѣ Апрѣля въ Россіи.

Обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ. Гдѣ же Полярная Звѣзда?

Твой Тургеневъ.

Эти сообщенія Тургенева почти дословно вошли въ № 94 Колокола съ помѣткой «15 Марта, Послѣднія извѣстія».

ПИСЬМО XXXVI.

Парижъ. 210, rue de Rivoli. 7 Октября 1861.

Милый другъ Александръ Ивановичъ, я десять дней тому назадъ сюда пріѣхалъ, но все былъ въ деревнѣ и только недавно поселился окончательно въ старой своей квартирѣ. Всею душею жажду тебя видѣть, да и нужно обо многомъ весьма важномъ переговорить съ тобой и многое тебѣ сообщить. (Между прочимъ у меня есть къ тебѣ большое письмо отъ Бени). Долгоруковъ мнѣ сказалъ, что ты до Четверга еще въ Торкеѣ; пишу тебѣ туда съ просьбой отвѣчать тотчасъ: когда ты пріѣдешь въ Лондонъ, или ужь не пожалуешь ли ты въ Парижъ, такъ какъ теперь «d'Altdorf les chemins sont ouverts», это бы крайне меня обрадовало и арранжировало, говоря по русски. Повторяю, намъ необходимо видѣться.

Кланяюсь дружески всѣмъ твоимъ, Огаревымъ и жму тебѣ изо всѣхъ силъ руку.

Отвѣчай поскорѣе и обстоятельно.

Твой Ив. Тургеневъ.

Очевидно, на упомянутое Тургеневымъ письмо отъ Бени написанъ былъ отвѣтъ Герцена, черновая котораго, кажется, не оконченная, имѣется у насъ:

«$^{19}/_{11}$ 61. Письмо Ваше пришло, какъ Вы знаете теперь, только вчера, слишкомъ черезъ два мѣсяца. Отвѣчать прежде, стало, я не могъ, но обстоятельства были таковы, что вреда отъ этого нѣтъ. Предполагаемый вами адресъ могъ бы, при теперешней реакціи, погубить васъ и многихъ. Адресъ умѣренный, о которомъ вы пишете, можетъ и не дуренъ, (хотя о главномъ вопросѣ: о выкупѣ крестьянскихъ земель, тамъ и не упомянуто) но вы врядъ ли успѣете что нибудь сдѣлать. Вы сами въ письмѣ дотронулись до больнаго мѣста. Такія предпріятія удаются только кореннымъ жителямъ; вы слишкомъ чужды русской средѣ. Если мысль Вашего адреса соотвѣтствуетъ потребностямъ общества, она пойдетъ, для нея вамъ стало нечего дѣлать. Недостаточно имѣть вѣрную мысль, надобно ясно знать средства подъ руками. Вы говорите о успѣхѣ распространенія Колокола и о затрудненіяхъ адреса — ясно что вы можете дѣлать, и чего вы не сдѣлаете, до тѣхъ поръ пока вы не пріобрѣтете дѣйствительнаго права гражданства между русскими и дѣйствительнаго знанія всѣхъ (бѣлое мѣсто) русской жизни. Говоря объ адресѣ, вы давали чувствовать, что это согласно съ нашимъ мнѣніемъ. Вѣроятно, вы говорили съ людьми очень мало читающими Колоколъ: они вамъ прямо сказали бы, что мы не можемъ соглашаться, послѣдовательно, на такой адресъ — а можемъ только не мѣшать ему, такъ какъ не мѣшаемъ Долгоруковской конституціи. На счетъ книгъ и Колокола мы говорили. Двѣ такія вещи какъ тайная пропаганда книгъ и явная или полуявная агитація — несовмѣстимы».

ПИСЬМО XXXVII.

(25 Янв. 1862).

Любезнѣйшій А. И. Братъ Бакунина тебѣ, вѣроятно, сообщилъ, что онъ нашелъ меня больнымъ; и я до сихъ поръ поправиться не могу и не рѣшаюсь выходить на улицу. Это опять отложило время моей поѣздки въ Лондонъ, которая

рѣшительно начинаетъ принимать какой-то миѳическій оттѣнокъ; — но я не теряю надежды.

О твоемъ сынѣ уже пошелъ запросъ къ Головнину черезъ кн. Орлова. По словамъ сего послѣдняго онъ не предвидитъ препятствій къ исполненію его желанія [1]).

Доставленіе п о с т о я н н о й суммы М. А. затруднительнѣе [2]). С. давно уѣхалъ въ Египетъ, — да и сколько мнѣ извѣстно, это чванливое животное, которое не дастъ гроша, если нельзя протрубить о немъ во всеуслышаніе. Боткинъ будетъ давать по временамъ небольшія суммы, но едва ли согласится на что нибудь постоянное. Впрочемъ я еще съ нимъ потолкую. Объ остальныхъ здѣшнихъ русскихъ и говорить нечего. Надо посмотрѣть, что можно сдѣлать въ самой Россіи. Что касается до меня, то я съ величайшей готовностью беру на себя обязанность давать Бакунину ежегодную сумму 1500 фр. впредь на неопредѣленное время и первые 500 фр. (считая съ 1-го Янв.) отправляю на твое имя тотчасъ. Такимъ образомъ $^1/_4$ часть желаемой суммы уже обезпечена; надо постараться и объ остальной.

Дошли до меня слухи объ овацiяхъ, дѣлаемыхъ твоему сыну русской молодежью въ Гейдельбергѣ и въ Карлсруе. Я порадовался за тебя, за твоего сына, а главное за русскую молодежь. C'est un signe des temps!

Первыя извѣстія о Головнинѣ довольно хороши; что будетъ дальше? [3]) Читалъ ты статью: la Russie sous Alex. II

---

[1]) Дѣло идетъ, кажется, о прошеніи А. А. Герцена, по достиженіи совершеннолѣтія, о дозволеніи возвратиться въ Россію, изъ который онъ вывезенъ былъ родителями, будучи мальчикомъ. Въ противность предположенію Тургенева, на просьбу эту послѣдовалъ отказъ, т. е позволеніе, но съ условіемъ прекратить всякія сношенія съ отцемъ.

[2]) М. А. — Михайло Александровичъ Бакунинъ, который не задолго предъ тѣмъ убѣжалъ изъ Сибири въ Америку и 27 Декабря 1861 г. пріѣхалъ въ Лондонъ.

[3]) Головнинъ только что назначенъ былъ министромъ нар. просвѣщенія послѣ адм. Путятина, вызвавшаго волненія въ университетахъ правилами о студентахъ. Сочувственный отзывъ о его назначеніи, но съ предостереженіями противъ «трехъ язвъ эпидемическихъ въ нашемъ министерствѣ просвѣщенія: с в ѣ т с к и х ъ п о п о в ъ, русскихъ нѣмцевъ и блудныхъ дѣтей ихъ: доктринеровъ — доктринеровъ бюрократовъ, полисократовъ, централистовъ, цивилизаторовъ, теоритическихъ Аракчеевыхъ, поклонниковъ шпицрутеновъ, Паниныхъ въ новомъ изданіи въ восьмушку и пр. и пр.» — напечатанъ былъ въ Колоколѣ, № 119—120, 15 Янв. 1862.

въ Revue des Deux Mondes? Ты окруженъ ореоломъ — да такъ и слѣдуетъ.

Кланяйся всѣмъ лондонскимъ друзьямъ, а я жму тебѣ руку и говорю — до свиданья — что бы тамъ ни было.

Ив. Тургеневъ.

25 Янв. 62. Rue de Rivoli 210.

ПИСЬМО XXXVIII.

(11 Февр. 1862).

Милый А. И. Отвѣчаю тебѣ съ быстротою молніи, — и тоже по пунктамъ:

1., Колоколъ нисколько не запрещенъ и продавался еще вчера вечеромъ повсюду.

2., Не имѣй никакого дѣла съ Будущностью и Трюбнеру не совѣтую. Этотъ журналъ не окупался и не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха. Сему вѣрь, какъ пишутъ ci-devant помѣщики подъ своими ci-devant приказами.

3., Не имѣю никакого понятія о Садовскомъ, но ты поступишь благоразумно, если не прикоснешься болѣе ни единымъ пальцемъ до всего этого дѣла. Долгоруковъ (между нами) нравственно погибъ и едва ли не подѣломъ; ты сдѣлалъ все что могъ въ Колоколѣ; надо было его поддержать въ силу принципа, а теперь предоставь его своей судьбѣ. Онъ будетъ къ тебѣ лѣзть въ самую глотку, но ты отхаркаешься. Нечего говорить, что Воронцовыхъ тебѣ не изъ чего поддерживать; превратись въ Юпитера, до котораго всѣ эти дрязги не должны доходить [1]).

4., Въ Россіи точно кутерьма, но прошу тебя убѣдительно, не трогай пока, Головнина. За исключеніемъ двухъ, трехъ вынужденныхъ и то весьма легкихъ уступокъ, все что онъ дѣлаетъ — хорошо. (Вспомни его разрѣшеніе Кавелину и др. читать публичныя лекціи и т. д. и т. д.). Я получаю очень хорошія извѣстія о немъ. Не безпокойся; если онъ свихнется,

---

[1]) Въ Колоколѣ № 121, 1 Февраля 1862 г. помѣщено было заявленіе кн. П. Долгорукаго о выходѣ его изъ редакціи «Будущность». Въ № 119—120 была короткая замѣтка «Процессъ князя П. В. Долгорукаго».

мы тебѣ его «представимъ», какъ говорятъ мужики, приводя виноватыхъ для сѣченія въ волость [1]).

5., Et tu, Brute! Ты, ты меня упрекаешь, что я отдаю свою работу въ Русскій Вѣстникъ? Но изъ чего же я разсорился съ Современникомъ, воплощеннымъ въ образѣ Некрасова? Въ программахъ своихъ они утверждаютъ, что они мнѣ отказали, яко отсталому; mais tu n'est pas dupe, надѣюсь, этого маневра, и очень хорошо знаешь, что я бросилъ Некрасова, какъ безчестнаго человѣка. Кудажъ мнѣ было дѣться съ своей работой? Въ Библіотеку пойти? Да и конецъ концовъ, «Русскій Вѣстникъ» не такая уже дрянь, хотя много въ немъ мнѣ противно до тошноты [2]).

6., Я бы тебя вызвалъ на дуель, если бы ты заподозрилъ меня въ дружбѣ съ Ч.; но даже въ отношеніи къ москвичамъ ты не правъ. Многіе изъ нихъ имъ гнушаются [3]). Въ Петербургѣ онъ былъ бы невозможенъ... вотъ послѣ этого и брани Петербургъ!

7., Дромадеръ Бакунинъ былъ здѣсь, мямлилъ, скрылъ и уѣхалъ, оставивъ мнѣ адресъ какихъ-то Lafare frères, которымъ надобно заплатить задолженныхъ Мишелемъ 1000 франковъ [4]).

Я открылъ подписку, но къ моимъ 500 фр. прибавилось пока 200. Надѣюсь однако собрать всѣ. Бакунинъ пишетъ мнѣ о 1000 руб. сер. Я готовъ ихъ выдать ему *до* моего отъѣзда отсюда, но тогда они будутъ зачислены въ счетъ трехлѣтняго пансіона (не вполнѣ трехлѣтняго, я обѣщалъ 1500 фр. въ годъ, а 1000 руб. сер. съ 500 фр. составятъ меньше этой суммы). Отговори его, пожалуйста, теперь же выписывать свою жену. Это было бы безуміе; пусть онъ

---

[1]) Въ 122 № Колокола. 15 Февр. 1862 г. напечатана впрочемъ легкая «загвоздка» по адресу Головнина за его «первый напрягай» московской цензуры за «День» И. Аксакова.

[2]) Работа, предназначенная въ «Русскій Вѣстникъ» — была «Отцы и Дѣти». Тогда этотъ журналъ Каткова еще не выступалъ за политическую реакцію, а только расходился съ радикальною печатью по вопросу аграрному, высказываясь за англійскую систему землевладѣнія, да по вопросамъ философскимъ, въ которыхъ онъ держался идеализма, а также во взглядѣ на западноевропейскія событія съ 1848 г., обсуждая которыя, Р. Вѣстникъ высказывался за либераловъ противъ радикаловъ.

[3]) О полемикѣ Герцена съ Ч. см. выше въ письмахъ Кавелина.

[4]) Мишель — М. А. Бакунинъ. Дромадеръ — братъ его.

осмотрится сперва. Надобно соображаться съ средствами, а онѣ едва ли будутъ велики. Боткинъ долго ничего не дастъ и т. д.

Ну прощай, милый другъ, или таки до свиданія.

Твой Ив. Тургеневъ.

Вторникъ, 11 Февр. 62.
Парижъ, rue de Rivoli 210.

ПИСЬМО XXXIX.

Парижъ. Rue de Rivoli 210. 28 Апр. 1862.

Милый А. И. Немедленно отвѣчаю на твое письмо, не для того, чтобы защищаться, а чтобы благодарить тебя и въ тоже время заявить, что при сочиненіи Базарова я не только не сердился на него, но чувствовалъ къ нему «влеченіе, родъ недуга», — такъ что Катковъ на первыхъ порахъ ужаснулся и увидалъ въ немъ апоѳеозу Современника и вслѣдствіе этого уговорилъ меня выбросить немало смягчающихъ чертъ, въ чемъ я раскаиваюсь. Еще бы онъ не подавилъ собою «человѣка съ душистыми усами» и другихъ! Это торжество демократизма надъ аристократіей. Положа руку на сердце, я не чувствую себя виновнымъ передъ Базаровымъ и не могъ придать ему ненужной сладости. Если его не полюбятъ, какъ онъ есть, со всѣмъ его безобразіемъ, значитъ я виноватъ и не съумѣлъ сладить съ избраннымъ мною типомъ. Штука была бы не важная представить его идеаломъ; а сдѣлать его волкомъ и все таки оправдать его, это было трудно; и въ этомъ я вѣроятно не успѣлъ; но я хочу только отклонить нареканіе въ раздраженіи противъ него. Мнѣ напротивъ сдается, что противное раздраженію чувство свѣтится во всемъ, въ его смерти и т. д. Но basta cosi; — увидѣвшись, поговоримъ болѣе.

Въ мистицизмъ я не ударился и не ударюсь; — въ отношеніи къ Богу я придерживаюсь мнѣнія Фауста:

Wer darf ihn nennen,
Und wer bekenen:
Ich glaub'ihn!
Wer empfinden
Und sich unterwinden
Zu sagen: Ich glaub'ihn nicht!

Впрочемъ, это чувство во мнѣ никогда не было тайной для тебя.

Если ты распекъ Каткова за его статью въ Р. В., то я рукоплещу тебѣ и съ наслажденіемъ прочту статью твою въ Колоколѣ [1]).

---

[1]) Статья Каткова въ «Русскомъ Вѣстникѣ», есть, вѣроятно: «Къ какой мы принадлежимъ партіи?» Помѣщена она въ одномъ №-рѣ съ «Отцы и Дѣти». Авторъ статьи свысока старается осмѣять всѣ, по его мнѣнію, воображаемыя партіи въ Россіи, которыя перечисляетъ такъ: «консерваторы, умѣренные либералы, прогрессисты, конституціоналисты (даже не выгооорить этого ужаснаго термина!) и демократы и демагоги, и соціалисты и коммунисты». Но свое собственное направленіе авторъ характеризуетъ очень не ясно, давая на него только намекъ въ соображеніяхъ, что истинный прогрессъ состоитъ «не въ упраздненіи началъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись нормальное развитіе общества, — какъ монархическое начало, аристократическій элементъ, централизація», — а въ томъ, «чтобъ каждому началу дать соотвѣтственное положеніе и силу, отвести (его) въ общіе предѣлы». Впрочемъ въ слѣдующей статьѣ, тѣсно связанной съ этой («По поводу одного ироничекаго слова», Р. В. 1862, Мартъ) редакторъ «Русскаго Вѣстника» полемизируетъ съ газетой «Наше Время», въ которой принималъ участіе Мельгуновъ, а главнымъ публицистомъ былъ г. Чичеринъ, и развиваетъ конецъ первой статьи, въ которомъ было сказано, что «интересъ свободы составляетъ душу консерватизма», и требуетъ чтобъ «государство (русское) стало великою земскою силой и приняло въ свои нѣдра начало свободы, чтобы оно заинтересовало собою нравственныя силы и личную энергію, чтобъ оно возложило свои задачи не на однихъ опричниковъ, но главнымъ образомъ на земскія силы». Этотъ путь указываетъ намъ исторія, говоритъ дальше Катковъ, на этотъ путь, слава богу, мы и выходимъ теперь, выходимъ тѣмъ смѣлѣе и надежнѣе, что только этимъ путемъ мы можемъ оживить нашу заглохшую связь съ прошедшимъ, возстановить цѣльность народной жизни и вызвать творческія силы въ ея дремлющихъ нѣдрахъ». Въ этихъ словахъ, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ той же статьи (особ. стр. 450—453) Катковъ является въ сущности конституціоналистомъ и если не присоединяется къ тому движенію, которое начато было тогда адрессомъ Тверскаго дворянства (2 Февр. 1862 г.) къ государю о созваніи выборныхъ всей земли русской (напечатанъ въ 126 № Колокола, 22 Марта, 1862) то старается не очень отъ него отдалиться. Но въ началѣ и этой статьи Катковъ опять развиваетъ, на этотъ разъ нѣсколько яснѣе, мысль первой статьи о «призрачности» партій въ Россіи,

Герценъ, кажется, не получивъ еще этой второй статьи, «распекъ» Каткова за первую въ 130 № Колокола, 22 Апр. 1862 г., въ статьѣ «Сенаторамъ и Тайнымъ Совѣтникамъ журналистики», — въ которой отрицаетъ у «ученыхъ» издателей Р. Вѣстника всякое практическое чутье въ оцѣнкѣ современныхъ движеній въ Россіи. На эту статью

N. N. истинно отличный малый и я его искренно полюбилъ. Онъ напоминаетъ мнѣ братьевъ Колбасиныхъ.

Приложенный къ твоему письму конвертъ съ надписью Г-ѣ Саліасъ вручится ей не черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ — а завтра же въ Парижѣ — ибо она здѣсь — пріѣхала недавно и живетъ Avenue Marboeu, 3 bis.

До свиданія — чтобы ты ни думалъ объ моей неаккуратности — скорѣе земной шаръ лопнетъ, чѣмъ я уѣду не повидавшись съ тобою. Будь здоровъ.

Твой Ив. Тур.

ПИСЬМО XL.

Баденъ, 27 августа 1862 г. Amalienstrasse.

Милый А. И. — во первыхъ, спасибо за скорой отвѣтъ, а, во вторыхъ, — говоря поэтическимъ языкомъ, легкія п е н и на тебя за то, что ты могъ подумать, что твои двѣ статьи (Концы и Начала) могли меня разсердить. Я ихъ только теперь прочелъ — (и принимаясь за чтеніе, даже не подозрѣвалъ, что онѣ ко мнѣ обращены — потомъ скоро догадался) и нашелъ въ нихъ всего тебя, съ твоимъ поэтическимъ умомъ, особеннымъ умѣньемъ глядѣть и быстро и глубоко, затаенной усталостью благородной души и т. д.,— но это еще не значитъ, что я съ тобой вполнѣ согласенъ; ты, мнѣ кажется, вопросъ не такъ поставилъ. Я рѣшился тебѣ отвѣчать въ Вашемъ же журналѣ, хотя это не совсѣмъ легко — во всяческомъ смыслѣ этого слова, а ты, пожалуйста, сохрани мое имя въ тайнѣ и даже, если можно, отведи другимъ глаза. Я

Катковъ отвѣтилъ въ 20 № «Современной Лѣтописи Р. Вѣстника», и такимъ образомъ открылась перестрѣлка между двумя публицистами, приведшая наконецъ къ жестокой войнѣ, открытой Катковымъ въ Р. Вѣстникѣ, 1862, Іюнь, помѣщеніемъ «Замѣтки для издателя Колокола». Тургеневъ, который и послѣ этой статьи отдавалъ свои сочиненія въ Р. Вѣстникъ, оказался въ неловкомъ положеніи. Какъ увидимъ изъ его дальнѣйшихъ писемъ, эту неловкость Тургеневъ сознавалъ и самъ, но старался оправдать его соображеніями, которыя читатель оцѣнитъ и безъ нашихъ замѣчаній, прочитавъ ихъ дальше.

надѣюсь черезъ недѣлю послать тебѣ отвѣтъ — онъ уже начатъ.

Объ остальномъ пока говорить я не буду — некогда. Я только что переѣхалъ на квартиру и не усѣлся какъ слѣдуетъ. Спасибо за «Колоколъ» и за обѣщаніе впредь. Второе твое письмо къ «Молодой Россіи» — лучше перваго: тебѣ болѣе, чѣмъ кому-нибудь, слѣдуетъ вразумлять ихъ. Но какъ это Вы напечатали предложеніе издателямъ «Соврем.», «Русскаго Слова» и «Дня» издаваться на Вашъ счетъ въ Лондонѣ!! Вѣдь это все равно, что кирпичемъ ихъ по головѣ, да и вѣроятно-ли, что НЕКРАСОВЪ, гр. Кушелевъ или даже Аксаковъ (или его продолжатель Елагинъ) захотятъ сжечь свои корабли. Это было очень необдуманно съ Вашей стороны: Некрасовъ, пожалуй, увидитъ въ этомъ желаніе отомстить ему.

А каковъ Гарибальди? Съ невольнымъ трепетомъ слѣдишь за каждымъ движеніемъ этого *послѣдняго* изъ героевъ. Неужели Брутъ, который не только въ исторіи всегда, но даже и у Шекспира гибнетъ, — восторжествуетъ? Не вѣрится, — а душа замираетъ. Но ты мнѣ ничего не пишешь о Бакунинѣ? — До слѣдующаго письма.

Жму тебѣ руку и остаюсь преданный тебѣ.

И. Т.

Между этимъ письмомъ и предидущимъ — большой промежутокъ времени, во время котораго Тургеневъ, какъ видно и изъ письма № 40, былъ въ Лондонѣ и видѣлся съ Герценомъ. По всей вѣроятности, тамъ въ устныхъ бесѣдахъ положено было начало и тому спору, который Герценъ продолжалъ печатно въ статьяхъ «Концы и начала», — появившихся въ «Колоколѣ» съ № 138, 1 Іюля 1862 г., на которыя Тургеневъ собирался отвѣчать также печатно. Объ этихъ статьяхъ скажемъ дальше при слѣдующихъ письмахъ, въ которыхъ Тургеневъ обстоятельнѣе говоритъ о нихъ.

Лондонское пребываніе Тургенева въ этотъ разъ оставило по себѣ письмо его, напечатанное въ Колоколѣ, № 134. Письмо это имѣетъ цѣлью смягчить извѣстіе газеты кн. Петра Долгорукаго «Правдивый» о московскомъ издателѣ сочиненій Т—ва, Основскомъ, недоплатившемъ ему должной суммы. (Объ этомъ дѣлѣ см. въ воспоминаніяхъ Анненкова, Вѣстникъ Европы, 1865, Апр. 477, 782, 483, 486). Письмо подписано Лондонъ. 24 Мая, 1862. По показанію Анненкова Тургеневъ писалъ ему

«въ Апрѣлѣ 1862 по возвращеніи изъ Лондона въ Парижъ»— слѣдующія строки: «... Хотѣлъ бы я Вамъ разсказать кое-что о моей лондонской поѣздкѣ, но лучше отложить все это до близкаго свиданья. Одно скажу, что — охъ, какая безжалостная мельница — жизнь! — Такъ людей и превращаетъ въ муку — спросите вы? — Нѣтъ, просто въ соръ. Но все это иносказательно». (Вѣстникъ Европы, 1887, Январь, 5—6) Можетъ быть полное обнародованіе писемъ Тургенева, по крайней мѣрѣ къ Анненкову, прольетъ свѣтъ на точное значеніе этихъ строкъ. Покамѣсть, по имѣющимся у насъ письмамъ, можно видѣть, что у Тургенева съ этого времени проявляется нѣкоторое раздраженіе къ Огареву, и особенно къ Бакунину, но къ Герцену онъ продолжаетъ относиться съ большою любовію, не смотря на разницу во мнѣніяхъ.

«Молодая Россія» — листокъ, появившійся въ Россіи изъ тайной печатни, приглашала молодежь («нашу главную надежду») готовиться къ скорой «кровавой и неумолимой революціи» съ крикомъ: «да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская!», — при чемъ должны были подвергнуться истребленію какъ императорская фамилія,, такъ и «императорская партія». Въ послѣднюю «Молодая Россія» зачисляла и «либеральничающихъ помѣщиковъ конституціоналистовъ». Къ либеральнымъ заговорщикамъ, въ родѣ издателей «Великорусса» М. Р. относилась съ ироніей, Герцена признала отсталымъ за то, что онъ съ 1849 г. «теряетъ вѣру въ насильственныя перевороты» и издаетъ «журналъ съ либеральною (не болѣе) программою». Для себя М. Р. ставитъ образцомъ французскихъ «великихъ террористовъ 92 года» и обѣщаетъ не испугаться, если для ниспроверженія современнаго порядка ей придется пролить втрое больше крови, чѣмъ пролито Якобинцами въ 90-хъ годахъ. Высказавшись за федеративное устройство Россіи, «Молодая Россія» однако же говорила: «Мы твердо убѣждены, что революціонная партія, которая станетъ во главѣ правительства, если только движеніе будетъ удачно, должна сохранить теперешнюю централизацію, безъ сомнѣнія политическую, а не административную, чтобы при помощи ея ввести другія основанія экономическаго и общественнаго быта въ наивозможно скорѣйшемъ времени. Она должна захватить диктатуру въ свои руки и не останавливаться ни передъ чѣмъ. Выборы въ Національное Собраніе должны происходить подъ вліяніемъ правительсльва, которое тотчасъ же и позаботится, чтобы въ составъ его не вошли сторонники современнаго порядка (если только они останутся живы»). («Молодая Россія» перепечатана, какъ документъ, въ изданіи Л. П. Блюмера, «Свободное Слово», русскій политическій органъ. Т. I, вып. 4. Берлинъ, 1862).

Герценъ коснулся «Молодой Россіи» въ двухъ статьяхъ: «Молодая и старая Россія», въ № 139 Колокола, 15 Іюля 1862, и «Журналисты и террористы» въ № 141, 15 Авг. 1862 г. Въ первой онъ между прочимъ говоритъ: «Молодая Россія» намъ кажется двойной ошибкой. Во первыхъ о н а в о в с е н е р у с-

ская; это одна изъ варьяцій на тему западнаго соціализма, метафизика французской революціи, политико-соціальныя desiderata, которымъ придана форма вызова къ оружію. Вторая ошибка — ея неумѣстность; случайность совпаденія съ пожарами усугубила ее.

«Ясно, что люди, писавшіе ее, больше жили въ мірѣ товарищей и книгъ, чѣмъ въ мірѣ фактовъ; больше въ алгебрѣ идей съ ея мелкими и всеобщими формулами и выводами, чѣмъ въ мастерской, гдѣ треніе и температура, дурной закалъ и раковина, мѣняютъ простоту механическаго закона и тормозятъ его быстрый ходъ. Рѣчь ихъ такою и вышла, въ ней нѣтъ той внутренней сдержанности, которую даетъ или свой опытъ, или строй организованной партіи..... Русское земское дѣло началось. Каждое дѣло идетъ не по законамъ отвлеченной логики, а сложнымъ процессомъ эмбріогеніи. Въ помощь нашему дѣлу нужна мысль Запада и нуженъ его опытъ. Но намъ столько же не нужна его революціонная декламація, какъ французамъ была не нужна римско-спартанская риторика, которой они говорили въ концѣ прошлаго вѣка. Говорить чужими образами, звать чужимъ кличемъ — это не пониманіе ни дѣла, ни народа, это не уваженіе ни къ нему, ни къ народу. Ну есть ли тѣнь вѣроятія, чтобы народъ русскій возсталъ во имя соціализма Бланки, оглашая воздухъ кликомъ изъ четырехъ словъ, въ числѣ которыхъ три длинныхъ для него непонятны? Вы насъ считаете отсталыми, мы не сердимдимся за это... Не сердитесь же и вы, когда мы дружески оборотимъ ваше замѣчаніе и скажемъ, что вашъ костюмъ Карла Мора и Гракха Бабефа на русской площади не только старъ, но сбивается на маскарадное платье. Французы народъ смѣшливый, но почтительный; ихъ можно было озадачить Римской латиклавой и языкомъ Сенекиныхъ героевъ; у насъ... народъ требовалъ головы несчастнаго Обручева..... Народъ намъ не вѣритъ и готовъ побить камнями тѣхъ, которые отдаютъ за него жизнь. Темной ночью, въ которой его воспитали, онъ готовъ, какъ великанъ въ сказкѣ, перебить своихъ дѣтей, только по тому, что на нихъ чужое платье».

Въ № 141 Герцесъ опять обращается къ «Молодой Россіи» между прочимъ съ такими словами: «Звать къ оружію можно только наканунѣ битвы. Всякій преждевременный призывъ — намекъ, вѣсть, поданная врагу и обличеніе передъ нимъ своей слабости. А потому оставьте революціонную риторику и займитесь дѣломъ. Соединяйтесь плотнѣе между собою, чтобы вы были сила, чтобы вы имѣли единство и организацію, соединяйтесь съ народомъ, чтобъ онъ забылъ вашъ отколъ; проповѣдуйте ему не Фейербаха, не Бабефа, а понятную ему религію земли... и будьте готовы. Придетъ роковой день, станьте грудью, ляжте костьми, но не зовите его, какъ желанный день. Если солнце взойдетъ безъ кровавыхъ тучъ, тѣмъ лучше, а будетъ ли оно въ мономаховой шапкѣ, или въ фригійской — все равно. Развѣ французы мало доказали вамъ, что за переводъ съ феодально-монархическаго языка мѣстъ и

чиновъ на римско-республиканскій — не стоитъ проливать не только крови, но и чернилъ».

Предложеніе редакторамъ запрещенныхъ послѣ петербургскихъ пожаровъ лѣтомъ 1862 г. журналовъ «Дня», «Современника», «Русскаго Слова» продолжать ихъ изданіе въ Лондонѣ, при чемъ Герценъ брался «на первый разъ, печатать, если это будетъ нужно, на свой счетъ», — опубликовано въ 139 № Колокола.

Гарибальди въ это время выступилъ съ корпусомъ волонтеровъ для освобожденія Рима отъ папской власти, — но экспедиція его остановлена была королевскими итальянскими войсками и самъ онъ былъ раненъ при Аспромонте (29 Авг. 1862).

ПИСЬМО XLI.

Баденъ-Баденъ, 8 октября 1862 г. Amalienstrasse.

Любезнѣйшій NN! Посылаю Вамъ, по обѣщанію, переданный мнѣ адрессъ. Вы увидите, что я не сдѣлалъ никакихъ измѣненій: по зрѣломъ соображеніи я нашелъ, что мнѣ предстояло почти весь адрессъ передѣлать, на что я, разумѣется, не имѣлъ никакого права. Я уже излагалъ Вамъ въ чемъ я не схожусь съ Н. П. — считаю нужнымъ повторить Вамъ мои слова и прошу Васъ доставить это письмо въ Лондонъ.

a) Адрессъ, по моему, наполненъ фактическими невѣрностями во всемъ, что касается введенія уставныхъ грамотъ (см., между прочимъ, нынѣшнюю «Сѣверную Почту»), выкупа, состоянія крестьянъ и помѣщиковъ. Это — родъ обвинительнаго акта противъ Положенія — а съ Положенія начинается новая эра Россіи. Правительство это знаетъ, а потому вся первая половина адресса — покажется ему — и по справедливости — неосновательною.

b) Редакція адресса составлена ясно съ цѣлью пріобрѣсти нѣсколько сотенъ или тысячъ подписей отъ крѣпостниковъ, которые обрадовавшись случаю высказать свою вражду къ эманципаціи и Положенію — зажмурятъ глаза на послѣдствія Земскаго Собора. Но во-первыхъ, это недобросовѣстно — и не нашей партіи заключать какія-то ни было коаліціи. Мы держимся только принципами и яснымъ и честнымъ высказываніемъ ихъ. Такая дипломатія никуда не годится.

с) Если этотъ адрессъ дойдетъ до крестьянъ — а это несомнѣнно — то они по справедливости увидятъ въ немъ новое нападеніе дворянства на освобожденіе. Въ одной фразѣ даже выражается какъ бы сожалѣніе о невозможности барщины! Другія фразы—въ родѣ, напр., слѣдующихъ: «Русская земля остается невоздѣланной — крестьянинъ не имѣетъ ни времени, ни охоты обработывать собственныя поля» — поразятъ крестьянина своей явной неправдой, — а мысль о Земскомъ Соборѣ не утѣшитъ его ни на волосъ, если даже не испугаетъ его. Главное наше несогласіе съ О. и Г., а также съ Бакунинымъ состоитъ именно въ томъ, что они презирая и чуть не топча въ грязь образованный классъ въ Россіи, предполагаютъ революціонныя или реформаторскія начала въ народѣ; на дѣлѣ, это — совсѣмъ наоборотъ. Революція въ истинномъ и живомъ значеніи этого слова — я бы могъ прибавить: въ самомъ широкомъ значеніи этого слова— существуетъ только въ меньшинствѣ образованнаго класса, — и этого достаточно для ея торжества, если мы только самихъ себя истреблять не будемъ.

Вообще весь адрессъ какъ бы написанъ заднимъ числомъ: онъ отсталъ на цѣлый годъ и едва-ли найдетъ гдѣ-нибудь дѣйствительный отголосокъ, кромѣ партіи крѣпостниковъ: а этимъ, я полагаю, сами составители адресса не останутся довольными.

Я долженъ Вамъ признаться, что я самъ ношусь съ мыслью адресса, и полагаю составить его въ Парижѣ. Нечего и говорить, что я сообщу мой проэктъ въ Лондонъ. Программа адресса вкратцѣ слѣдующая:

«Признавъ великое благо, основанное Положеніемъ, указать на необходимость нѣкоторыхъ дополненій и улучшеній, а главное на настоятельную потребность привести весь остальный составъ Русскаго Государства въ гармонію съ совершившимся переворотомъ а для этого, раскрывъ безпощадной рукой всѣ безобразія нашей администраціи, суда, финансовъ и т. д. требовать созванія земскаго Собора, какъ единаго спасенія Россіи, однимъ словомъ доказать правительству, что оно должно продолжать дѣло, имъ начатое».

Я очень хорошо знаю, что правительство не приметъ подобнаго адресса — и даже будетъ готово наказать под-

писавшихся; но, также какъ сообщенный мнѣ адрессъ, онъ будетъ написанъ для возбужденія общественнаго мнѣнія — и, по крайней мѣрѣ, всякій будетъ въ состояніи пристать къ нему, не измѣнивъ своимъ убѣжденіямъ и не скрывая ихъ.

Окончивая это письмо, повторяю одно: не должно забывать, что какія бы ни были послѣдствія отъ «Положенія» для дворянъ — *крестьянинъ* разбогатѣлъ и, какъ они выражаются, *раздобрѣлъ* отъ него и знаетъ, что онъ этимъ царю обязанъ.... Безумно было бы не принимать этихъ фактовъ въ соображеніе и вслѣдъ за М. Безобразовымъ и другими лепетать обвиненія, которыя показываютъ или недобросовѣстность или незнаніе.

Надѣюсь увидѣть Васъ на дняхъ въ Гейдельбергѣ. Откровенно Вамъ скажу, что былъ очень радъ нашему знакомству и надѣюсь, что оно продолжится.

Дружески жму вамъ руку.

Ив. Тургеневъ.

Въ письмѣ № 42, прямо адресованномъ къ Герцену, Тургеневъ говоритъ, что онъ просилъ N. N. переслать настоящее письмо Герцену, — такъ что письмъ это и формально входитъ въ переписку между этими друзьями. Реально же, какъ увидимъ и изъ дальнѣйшихъ писемъ (№№ 42, 43) оно прямо принадлежитъ къ этой перепискѣ и къ участію Тургенева въ той политической агитаціи, которую тогда поддерживали издатели «Колокола».

Дѣло идетъ о подачѣ императору адресса о созывѣ земскаго собора. Объ этомъ подало адрессъ тверское губернское собраніе 2 Февраля 1862. Проэкты подобныхъ адрессовъ ходили въ то время и въ другихъ дворянскихъ собраніяхъ. Но кромѣ того въ разныхъ кругахъ ходила мысль и объ общемъ адрессѣ, подписанномъ лицами разныхъ сословій. Проэктъ такого адресса пущенъ былъ печатно тайнымъ обществомъ «Великоруссъ» въ концѣ 1861 г. (Перепечатанъ въ «Колоколѣ», № 115, 8 Дек. 1861 г. и въ брошюрѣ Летучіе листки. Heidelberg, Bangel und Schmitt, 1862). Мы видѣли, что идея о подобномъ адрессѣ была и у Бени. Проэктъ такого рода адресса, какъ видно, составленный при участіи и редакторовъ «Колокола», былъ предложенъ и Тургеневу, который и разбираетъ его въ настоящемъ письмѣ, а также въ №№ 42, 43.

Вотъ этотъ проэктъ:

Государь!

Положеніе Россіи съ каждымъ днемъ становится затруднительнѣе и опаснѣе. Гроза растетъ, и между тѣмъ никто не знаетъ что дѣлать и какимъ путемъ выйти изъ бѣды мирно, невредимо съ обновленными силами на устройство новой спокойной и обильной жизни.

Народъ молчитъ въ недоумѣніи. Никто не знаетъ, чего онъ хочетъ; онъ самъ не можетъ уяснить себѣ своихъ потребностей, потому что у него отняты средства столковаться. Онъ не имѣетъ права собираться для обсужденія своихъ нуждъ и заявленія своего голоса. О его нуждахъ никто его не спрашиваетъ; слово сказанное имъ въ слухъ само правительство В. В—ства сочло бы за преступленіе противу власти; а между тѣмъ затаенная сила нѣмаго множества втихомолку выростаетъ до взрыва. Дворянство, утративъ помѣщичью власть, не пріобрѣло нравственнаго вліянія на народъ и не можетъ пріобрѣсти его пока народъ видитъ въ немъ особое, отдѣльное сословіе съ особымъ названіемъ и особыми льготами; сословіе, которое отъ начала прошлаго столѣтія и до сего времени держалось отъ народа особо, жило своею, народу чуждою жизнью, и встрѣчалось съ народомъ только ради разорительнаго и жестокаго угнетенія его, во имя помѣщичьяго крѣпостнаго права, и безнаказаннаго чиновничьяго произвола. Само дворянство въ своей гибельной оторванности отъ народа утратило живое пониманіе народныхъ нуждъ и, не смотря на свою образованность, не въ силахъ уяснить ихъ себѣ, не спросивъ о нихъ у самаго народа, и между тѣмъ не видитъ возможности столковаться съ народомъ къ пользѣ общей иначе, какъ напередъ отказавшись отъ всѣхъ своихъ сословныхъ льготъ и преимуществъ, отъ своего сословнаго названія, и своей уединенности, или что все одно и тоже — не признавъ за народомъ общей всѣмъ одинаковой равноправности.

Правительство В. И. В—ства не смотря на Ваши искреннія, добрыя и благія начинанія, Государь, оказалось не въ силахъ постановить ясныя и опредѣленныя преобразованія. «Положеніемъ» о крестьянахъ оно, не распутавъ окончательно стараго узла, навязало къ нему такъ много новыхъ петлей, что если теперь не поспѣшить распутать ихъ общими народными силами, узелъ въ скоромъ времени затянется

до того, что его развѣ мечемъ или топоромъ перерубишь, а не развяжешь работою мирныхъ рукъ.

Вслѣдствіе запутанности «Положенія» о крестьянахъ дворянство остается безъ вознагражденія за утраченное, безъ пособій для работы, и смѣло скажемъ, безъ пособій для пропитанія, исключая дворянъ чиновниковъ, получающихъ казенное жалованіе и награды, которыя падаютъ на народъ тяжелымъ налогомъ. Правительство В. В—ства, вмѣсто пособія дворянству, поспѣшило отнять у него помощь обычнаго казеннаго кредита, — и чрезъ это лишило дворянство послѣдняго довѣрія со стороны народа, потому что никто не идетъ работать по найму къ помѣщикамъ, которые не въ состояніи заплатить за работу. Барщина стала невозможною. Помѣщичьи земли остаются не обработанными.

Между тѣмъ «Положеніе» дало возможность урѣзать крестьянскую землю. Крестьянинъ не увѣренъ, что онъ завтра сохранитъ землю, которую обрабатываетъ сегодня. Толки объ уставныхъ грамотахъ, въ которыхъ онъ не безъ основанія боится быть обманутымъ и своею подписью отказаться отъ собственныхъ выгодъ и лучшей будущности— отнимаютъ у него время и охоту для обработки собственныхъ полей. Выкупъ обременительный и невозможный по способу, принятому «Положеніемъ», подвигается относительно цѣлаго населенія въ размѣрахъ булавочныхъ головокъ, и не успокаиваетъ народа. Его положеніе становится невыносимо; онъ видитъ по прежнему и даже больше, чѣмъ прежде, въ каждомъ помѣщикѣ своего врага и въ распоряженіяхъ Вашего правительства — хитрыя козни чиновниковъ. Мировые посредники не въ состояніи помочь дѣлу; подъ вліяніемъ сбивчивыхъ предписаній министерства, они бѣгутъ отъ должностей, оставляютъ мѣста, на которыхъ не могутъ принести, пользы, и народъ, и безъ того взволнованный, попадаетъ подъ власть посредниковъ недобросовѣстныхъ и окончательно озлобляется противу всего, что не принадлежитъ къ народу, по платью, по обычаю, по сословнымъ преимуществамъ.

Такимъ образомъ земля русская остается невоздѣланною. Покупатели безъ денегъ; купцы не могутъ сбывать своихъ товаровъ, и слѣдовательно не охотно покупаютъ ихъ у производителей. Фабрики останавливаются, города разоряются. Все дорого, денегъ нѣтъ, и между тѣмъ кредитные билеты постоянно падаютъ въ цѣнѣ. Довѣріе къ государственной

состоятельности колеблется, частнаго кредита не существуетъ. Государственные займы лягутъ новыми налогами на страну, которая перестаетъ производить, и нисколько не помогутъ возстановленію денежнаго курса, потому, что звонкой монеты въ непроизводящей странѣ держать нельзя.

Государственные крестьяне безмолвно ждутъ себѣ новой участи, съ увѣренностью, что правительство, состоящее изъ чиновниковъ исказитъ благія намѣренія царя; общее экономическое разстройство не только не позволитъ имъ приступить къ выкупу своихъ даровыхъ земель, какъ предполагало министерство В. В—ства, къ выкупу равно обременительному и несправедливому, — но окончательно вызоветъ ихъ ненависть къ управляющему ими чиновничеству. Всеобщее раззореніе подвигается быстрыми шагами. Всеобщая нужда подвергаетъ опасности самый престолъ В. В—ства.

Государь! не спросясь народа, нельзя спасти государство. Безъ Земскаго Собора, который одинъ въ состояніи найти изъ совокупности мѣстныхъ экономическихъ средствъ способъ спасти раззоренное государство и безденежное правительство, нельзя обойтись безнаказанно.

Изъ всѣхъ новыхъ учрежденій введенныхъ по указанію В. В—ства одно имѣло полный успѣхъ: это сельскіе и волостные выборы судей, старостъ и старшинъ. Крестьянскіе выборы повсюду были добросовѣстны и безошибочны. Очевидное доказательство, что народъ знаетъ хорошо своихъ избранныхъ и способенъ избрать людей, могущихъ обсудить общія нужды и спасти Россію, надлежащими постановленіями и указаніями, чего сдѣлать уже не въ силахъ, ни сословное дворянство, ни правительство В. В—ства, составленное изъ дворянъ чиновниковъ.

Въ слѣдствіе всего вышеизложеннаго, мы нижеподписавшіеся, безбоязненно, добросовѣстно и искренно обращаемся къ Вамъ Государь, просимъ и хотимъ, молимъ и требуемъ, чтобы народъ былъ спрошенъ объ общихъ нуждахъ черезъ своихъ избранныхъ людей и призванъ на общій Земскій Соборъ для постановленія, какимъ образомъ, какими учрежденіями спасти, успокоить, обновить и возвеличить русскій народъ и всѣ племена его, русскую землю и всѣ ея области.

Для чего мы просимъ:

1) Чтобы по всѣмъ губерніямъ были учреждены волост-

ные и городскіе сходы, для избранія посланцевъ на общій земскій соборъ.

5) Чтобы выбирали всѣ совершеннолѣтніе люди безъ различія сословій, вѣроисповѣданій и толковъ, поголовно, крестьяне срочно-обязанные, крестьяне удѣльные, крестьяне государственные, дворяне, купцы, мѣщане, духовенство и люди всякаго званія.

3) Чтобы для устраненія недовѣрія со стороны крестьянъ, дворяне для подачи голоса приписывались къ любой волости своего уѣзда, исключая той, къ которой принадлежатъ крестьяне, бывшіе у нихъ въ крѣпости.

4) Чтобы дворяне при подачѣ голосовъ не имѣли ни какихъ преимуществъ по сословію или по чину.

5) Чтобы лица духовнаго чина господствующей церкви приписывались бы для подачи голосовъ къ волостямъ или городамъ, но не къ волостямъ, къ которымъ относится село ихъ прихода, а въ городахъ къ кварталамъ, къ которымъ не относится ихъ приходъ.

6) Чтобы лица духовнаго званія также не имѣли никакого преимущества при подачѣ голоса ни по сословію, ни по чину.

7) Чтобы въ городахъ купцы не имѣли ни по сословію, ни по гильдіи никакого преимущества передъ мѣщанами и разночинцами.

8) Чтобы мѣстныя власти были вовсе устранены отъ подачи голосовъ и всякаго вмѣшательства въ устройство, веденіе и рѣшеніе выборовъ. Люди, сюда относящіеся, могутъ приписываться для подачи голоса только къ мѣстностямъ, гдѣ они не составляютъ власти.

9) Чтобы избранные волостями и городами люди изъ среды своей избрали какого бы то званія и чину ни было, трехъ кандидатовъ на уѣздъ, и послали бы имена ихъ по волостямъ селамъ и деревнямъ уѣзда, и по городу на утвержденіе народомъ одного изъ нихъ по большинству голосовъ.

10) Чтобы утвержденный народомъ кандидатъ и былъ избранникомъ отъ уѣзда на общій Земскій Соборъ.

11) Чтобы такимъ образомъ Земскій Соборъ состоялъ изъ избранниковъ отъ всей Русской Имперіи.

12) Чтобы на оном Земскомъ Соборѣ, вслѣдъ за опредѣленіемъ порядка засѣданій и подачи голосовъ были обсуждены во всеуслышаніе и постановлены: права поземель-

наго владѣнія и всякой собственности, вознагражденіе дворянства смотря по уступкѣ земель, способъ выборнаго управленія, сельскаго волостнаго и городскаго, соединеніе уѣздовъ въ области, и способъ областнаго самоуправленія, составъ и размѣръ податей и повинностей, денежныхъ и натуральныхъ, роспись государственныхъ расходовъ и приходовъ, устройство судовъ гражданскихъ и уголовныхъ, устройство высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, устройство церковныхъ приходовъ, устройство сельскихъ, волостныхъ, областныхъ и государственныхъ кредитныхъ учрежденій, и вообще были бы обсуждены и рѣшены всѣ вопросы, которые Земскій Соборъ почтетъ нужнымъ обсудить и рѣшить.

Изъ любви къ отечеству и народу русскому, мы нижеподписавшіеся охотно, искренно и безпрекословно подчиняемся рѣшенію народныхъ избранцевъ на общемъ Земскомъ Соборѣ, и глубоко уповаемъ, что изъ любви къ отечеству и народу русскому также охотно, искренно и безпрекословно подчинитесь ему Вы Сами, Государь, какъ единственному способу спасти, успокоить, обновить и возвеличить Государство.

Государь!

Съ вѣрою и преданностію подписываемъ наши имена.

По поводу пункта *а.* возраженій Тургенева на проэктъ адреса слѣдуетъ напомнить, что мысль о томъ, что крестьяне не примутъ уставныхъ грамотъ и возстанутъ повсюду, была очень распространена въ русскомъ обществѣ того времени и выражалось и въ «Колоколѣ» (см. напр. въ № 141, въ цитированной уже статьѣ «Журналисты и террористы».

Въ пунктѣ *b.* интересно выраженіе «нашей партіи», которое, какъ и собственная программа Тургенева показываетъ, что тогда онъ причислялъ себя прямо «къ партіи дѣйствія» и даже собирался взять въ ней извѣстную инціативу. Въ пунктѣ *с.* интересно выраженіе: «если мы только самихъ себя истреблять не будемъ» — намекаетъ на начавшеся не задолго передъ тѣмъ раздѣленія между «радикалами (соціалистами) и либералами».

М. Безобразовъ (Михаилъ) пріобрѣлъ извѣстность еще въ 1859 г., запиской, поданной имъ черезъ шефа жандармовъ, въ которой онъ, обвиняя правительственныхъ чиновниковъ, — членовъ коммиссій, составлявшихъ проэкты освобожденія крестьянъ, а также журналистовъ, въ стремленіи «инспирер-

нуть помѣщичью власть и поземельную собственность, оторвать дворянъ отъ престола, раззорить финансы, расшатать весь остовъ государственный и установить у насъ конституцію по обряду европейскихъ государствъ» — и довести «Россію до паденія», — въ тоже время предлагаетъ «собраніе выборныхъ отъ земли русской», — какъ «природый элементъ самодержавія», которое «въ немъ только можетъ освѣжить силы свои и находить нужный свѣтъ». (См. Матеріалы для истор. упразди. крѣпостн. состоянія и пр. Berlin, II. 220 и слѣд.).

ПИСЬМО XLII.

Баденъ-Баденъ, 8 октября 1862 г. Amalienstrasse, 337.

Милый А. И. — Я оттого долго не отвѣчалъ, что все собирался б о л ь ш о е письмо написать; — но пріѣздъ N. далъ мнѣ толчокъ — и я пишу тебѣ — не знаю какъ выйдетъ: коротко или длинно. Прежде всего скажу тебѣ, что самъ N. мнѣ понравился такъ, какъ давно молодой человѣкъ мнѣ не нравился: это благородное и дѣльное существо. На счетъ адресса я уже подробно отвѣчалъ ему, — и ты вѣроятно получилъ мой отвѣтъ. Я просилъ его переслать тебѣ его не медля. Что же касается до моего отвѣта на письма, помѣщенныя въ «Колоколѣ», то уже нѣсколько страницъ было набросано — я тебѣ покажу ихъ — но такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ты пишешь мнѣ — я пріостановился, тѣмъ болѣе, что получилъ подъ рукою о ф ф и ц і о з н о е предостереженіе не печататься въ «Колоколѣ». Потеря въ сущности не большая для публики, хотя для меня оно было бы важно. Главное мое возраженіе состояло въ томъ, что ты въ отношеніи собственно ко мнѣ не такъ поставилъ вопросъ: не изъ эпикуреизма, не отъ усталости и лѣни — я удалился, какъ говоритъ Гоголь, подъ с ѣ н ь с т р у й европейскихъ принциповъ и учрежденій. Мнѣ было бы 25 лѣтъ — я бы не поступилъ иначе — не столько для собственной пользы, сколько для пользы народа. Роль о б р а з о в а н н а г о класса въ Россіи быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что ему отвергать или принимать, это въ сущности скромная роль, хотя въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ, хотя ее приводитъ въ

дѣйствіе революція, эта роль, по моему, еще не кончена. Вы же, господа, напротивъ, нѣмецкимъ процессомъ мышленія (какъ славянофилы) абстрагируя изъ едва понятой и понятной субстанціи народа тѣ принципы, на которыхъ Вы предполагаете, что онъ построитъ свою жизнь, кружитесь въ туманѣ и, что всего важнѣе, въ сущности отрекаетесь отъ революціи — потому что народъ, передъ которымъ Вы преклоняетесь, консерваторъ par excellence и даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что далеко оставитъ за собою всѣ мѣтко-вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить — посмотри на нашихъ купцовъ. Я не даромъ употребилъ слово абстрагировать. Земство, о которомъ Вы мнѣ въ Лондонѣ протрубили уши — это пресловутое Земство оказалось на дѣлѣ такой же кабинетной, высиженной штучкой, какъ родовой бытъ Кавелина и т. д. Въ теченіи лѣта я потрудился надъ Щаповымъ (истинно потрудился!), и ничто не измѣнитъ теперь моего убѣжденія. Земство — либо значитъ тоже самое, что значитъ любое относительное западное слово — либо ничего не значитъ и въ Щаповскомъ смыслѣ не понятно ровно ста мужикамъ изо ста.[1]) Приходится вамъ пріискивать другую троицу, чѣмъ найденная Вами: «земство, артель и община», или сознаться, что тотъ особый строй, который придастся государственнымъ и общественнымъ формамъ усиліями русскаго народа еще не настолько выяснился, чтобы мы, люди рефлексіи, подвели его подъ категоріи. А не то предстоитъ опасность то низвергаться передъ народомъ, то коверкать его, то называть его убѣжденія святыми и высокими, то клеймить ихъ несчастными и безумными, какъ это сдѣлалъ чуть не на одной страницѣ Бакунинъ въ своей послѣдней

[1]) Статья Щапова — «Земство и расколъ». Ученіе о народно-революціонномъ значеніи раскола составляло уже и тогда одинъ изъ догматовъ народничества. См. въ «Молодой Россіи», какъ и въ «Колоколѣ» и его приложеніяхъ, особенно въ «Общемъ Вѣчѣ», которое стало выходить съ 15 Іюля 1862 и преимущественно редижировалось Огаревымъ.

брошюрѣ[1]). Кстати о немъ: на стр. 21, онъ говоритъ: «Въ 1863 г. быть въ Россіи страшной бѣдѣ, если царь не рѣшитъ созвать всенародную земскую думу». Если онъ хочетъ, я ему предлагаю какое угодно пари: я утверждаю, что царь ничего не созоветъ, и 1863 годъ пройдетъ преувеличенно тихо[2]). Es gilt? Я увѣренъ, что и тутъ мое предсказаніе сбудется, какъ и сдѣланное мною, помнишь, весною въ Лондонѣ на счетъ уставныхъ грамотъ. Я ошибся только въ томъ, что думалъ, что къ концу года половина ихъ будетъ представлена, а онѣ теперь уже почти всѣ представлены. Эхъ, старый другъ, повѣрь: единственная точка опоры для живой, революціонной пропаганды — то меньшинство образованнаго класса въ Россіи, которое Бакунинъ называетъ и гнилыми и оторванными отъ почвы и измѣнниками. Во всякомъ случаѣ, у тебя другой публики нѣтъ. Ну, а теперь довольно. Dixi et animam meam salvavi. А я все таки люблю тебя отъ души и крѣпко жму тебѣ руку.

Твой Ив. Тургеневъ.

P. S. На счетъ адресса скажу одно: мнѣ достаточно того факта, что къ нему могутъ приложить руки М. Безобразовъ и Паскевичъ[3]), чтобы не прикладывать моей.

Письмо это представляетъ отвѣтъ на статьи Герцена, начатые съ 138 №-ра «Колокола» (1 Іюля 1862 г.) подъ заглавіемъ «Концы и Начала». Въ статьяхъ этихъ Герценъ развиваетъ идеи, которыя не разъ передъ тѣмъ излагалъ въ разныхъ брошюрахъ и статьяхъ, — особенно: «Съ того берега» (1850) «Русскій народъ и соціализмъ» (Письмо къ Мишле; 1851) «Старый міръ и Россія» (Письмо къ Б. Линтону, 1854 «Еще варіація на старую тему», 1857), — а именно о томъ, что западный, или латиногерманскій міръ безсиленъ выйти изъ осужденныхъ его же мыслію буржуазныхъ формъ общества, и что примиреніе этой мысли, реализма и особенно соціализма, съ дѣйствительностію совершится въ мірѣ славянскомъ, который, осо-

[1]) Брошюра Бакунина — «Романовъ, Пугачевъ, или Пестель?»

[2]) Тургеневъ ошибся только относительно польскаго возстанія, которое внутреннихъ губерній Россіи почти не коснулось.

[3]) Паскевичъ, — сынъ извѣстнаго князя Варшавскаго, членъ правительственной редакціонной коммиссіи по крестьянскому дѣлу, противникъ надѣленія крестьянъ землею.

бенно русскій народъ, въ своей нетронутой петровской реформою части, — въ селѣ, сохранилъ основу будущаго строя— въ крестьянской общинѣ. Эта мысль съ особенной рѣзкостью выражена была Герценомъ въ статьѣ Mortuos plango, въ самомъ началѣ 1862 г. (Колоколъ, № 118, 1 Янв. 1862). Тутъ между прочимъ высказываетъ слѣдующее основное біологофилософическое положеніе:

«Переходъ отъ менѣе совершенныхъ видовъ къ болѣе совершеннымъ вообще не дѣлается развитіемъ наименѣе несовершеннаго вида въ болѣе развитый. Онъ и такъ хорошъ и такъ дорого стоитъ, пусть же онъ и остается самъ по себѣ, въ то время, какъ ряды другихъ попытокъ на право, на лѣво, со всѣхъ сторонъ тянутся, гибнутъ, отстаютъ, обходятъ, забѣгаютъ существующій видъ.

«Каждый видъ представляетъ поступательное развитіе съ одной стороны, а съ другой предѣлъ, т. е. препятствія, на которыя онъ натолкнулся съ стремленіемъ ихъ перейти. Это безсиліе нисколько не мѣшаетъ другому виду, можетъ бѣднѣе организованному въ чемъ нибудь иномъ, перешагнуть именно это препятствіе».

Спрашивая за тѣмъ: «но гдѣ же предѣлъ европейскаго развитія, гдѣ препятствія, за которыя оно запнулось?» Герценъ отвѣчаетъ:

«Во первыхъ въ сознаніи необходимости кореннаго переворота, въ сознаніи нелѣпости государственной, юридической и экономической жизни, отставшей вѣками отъ общественной и научной. Во вторыхъ въ немоготѣ не только совершить этотъ соціальный переворотъ, но даже формулировать его.

«Вотъ на чемъ оборвались реформаціи и революціи, республики и конституціи, вотъ порогъ, за который запнулся смѣлый бѣгъ Запада, и смутившись бросился въ цезаризмъ, національнизмъ и въ тупой смѣхъ надъ соціальными вопросами, напоминающій намъ тупой смѣхъ римскихъ патриціевъ и доктринеровъ надъ назареями. Плакать надобно, а не смѣяться. Мы ждали четырнадцать лѣтъ (съ 1848 г.)... Соціализмъ стоитъ тѣмъ же гнѣвнымъ Даніиломъ, указывая страшныя, огненныя буквы, которыхъ полнаго смысла мы не знаемъ, которыя пророчатъ бѣду и молчатъ объ искупленіи...

«Вотъ предѣлъ»...

«Но предѣлъ ли это для насъ, пріемышей, пасынковъ западной цивилизаціи? спрашиваетъ Герценъ далѣе, — и отвѣчаетъ:

«Прошедшее Запада обязываетъ его — не насъ. Его живыя силы скованы круговой порукой съ тѣнями прошедшаго, дорогими ему, не намъ. Свѣтлыя человѣческія стороны современной европейской жизни выросли въ тѣсныхъ средневѣковыхъ переулкахъ и учрежденіяхъ; онѣ срослись съ старыми доспѣхами, рясами и жильями, расчитанными совсѣмъ для другаго быта, — разнять ихъ опасно, тѣже артеріи пробѣгаютъ по нимъ. Западъ — въ неудобствахъ наслѣдственныхъ формъ,

уважаетъ свои воспоминанія, волю своихъ отцовъ. Ходу его впередъ мѣшаютъ камни,— но камни эти памятники гражданскихъ побѣдъ или надгробныя плиты.

«У насъ ничего подобнаго. Наши преданія впереди. На нашихъ старинныхъ зданіяхъ известь не обсохла, наши развалины — состарѣлись не отъ лѣтъ, а отъ того что фундамента нѣтъ. Мы еще не обстраивались, и это превосходно. Военныя поселенія ужасно легко переходятъ опять въ деревню».

Изобразивъ далѣе, какъ непрочны и даже антипатичны насажденія императорскаго европеизма въ Россіи (Зимній дворецъ, Царицынъ лугъ, Старая Русса, съѣзжіе господскіе дома) Герценъ представляетъ двухъ братьевъ: молодаго русскаго европейца, который отвращается отъ баръ-отцевъ къ крестьянину, и крестьянина. «И вы воображаете, что если у кого нибудь изъ дѣтей ихъ (баръ) уцѣлѣла живая душа, такъ онъ не будетъ сухими глазами смотрѣть, какъ смирительный домъ нашего просвѣщенія загорится со всѣхъ четырехъ сторонъ?... .... А другой — тотъ, котораго дѣда и отца сѣкли, которому брили лобъ, котораго брали во дворъ, котораго жена, сестра, дочь были безчещены — какъ вы думаете — пожалѣетъ?

«Можетъ вамъ страшно? — спрашиваетъ въ заключеніе авторъ... ну такъ переходите къ намъ, мѣсто есть. Съ народомъ не погибнете, народъ приметъ васъ и стараго не помянетъ... оставьте мертвымъ хоронить мертвыхъ... ихъ не воскресите... ихъ можно только оплакивать, звать надобно живыхъ, мы и зовемъ ихъ... Откликайтесь-же — есть ли въ полѣ живъ человѣкъ? Vivos voco!»

По всей вѣроятности, въ бытность Тургенева весною 1862 г. въ Лондонѣ у него было много споровъ съ Герценомъ по поводу такихъ статей, — быть можетъ, именно по поводу вышеуказанной, — такъ какъ статьи «Концы и Начала» уже своимъ вступленіемъ (И такъ, любезный другъ, ты рѣшительно дальше не ѣдешь, тебѣ хочется отдохнуть въ тучной осѣнней жатвѣ, въ тѣнистыхъ паркахъ и т. д.) намекаютъ на предидущіе споры, а съ другой стороны и Тургеневъ въ настоящемъ и слѣдующихъ письмахъ выходитъ изъ предѣловъ статей «Концы и Начала», въ которыхъ преобладаетъ отрицательное изображеніе буржуазнаго Запада надъ положительнымъ представленіемъ Востока.

Въ настоящемъ письмѣ, а также въ № 45 Тургеневъ бросаетъ Герцену замѣчаніе, что онъ, какъ и славянофилы, пришелъ къ своимъ идеямъ «нѣмецкимъ методомъ мышленія», пророчитъ этимъ идеямъ судьбу гегелевской фолософіи и т. п. Дѣйствительно, первоначальная теоритическая основа этихъ идей, — находится въ гегеліанскомъ ученіи о смѣнѣ передовыхъ національностей въ ступенеобразномъ развитіи всемірной исторіи, — только въ то время какъ нѣмецкіе гегеліанцы ставили въ конечную ступень развитія человѣчества націю нѣмецкую, московскіе переносили эту роль на славянъ, особенно русскихъ. Еще въ дневникѣ своемъ подъ 10 Ноября 1843 г. Герценъ записалъ въ изложеніи спора съ Самаринымъ:

«они (славянофилы) говорятъ, что плодъ европейской жизни созрѣетъ въ славянскомъ мірѣ, что Европа, достигнувъ науки негаціи существующаго, наконецъ провидѣнія будущаго въ вопросахъ соціализма и комунизма, совершила свое, и что славянскій міръ—почва симпатическаго, органическаго развитія будущаго». Спустя немного, 24 Января 1843 г., Герценъ пишетъ въ томъ же дневникѣ: «Главная ошибка ихъ, что вѣря *(и не безъ основанія)* въ огромное будущее славянъ, какъ того племени, которое имѣетъ призваніе своею непосредственностію соотвѣтствовать высшему, логическо-историческому вопросу, выработанному Европой, они хотятъ и въ самомъ младенчествѣ его видѣть что-то высшее европейскаго развитія, какъ будто возможность будущаго значитъ превосходство и надъ дѣйствительностію развитою и осуществившей свое призваніе». (Сочиненія А. И. Герцена. Женева. 1875, т. I, 147, 164—165).

Съ тѣхъ поръ Герценъ, переживъ пораженіе западнаго революціоннаго движенія 1848—1849 гг., ближе еще подошелъ къ московскимъ славянофиламъ, отличаясь впрочемъ отъ нихъ вѣрностію наукѣ и отрицаніемъ религіи, равно какъ и любовію къ свободѣ.

Такая соціалистически-славянофильская философія пришлась по сердцу молодежи въ Россіи, плѣняя ее своею простотою и стройностію (ср. также Чернышевскаго «Критика предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія») а также льстя ея національному чувству и отвѣчая потребности идеализировать народъ, столь страдавшій и униженный въ крѣпостную эпоху. Но при всемъ этомъ философія эта, изъ которой вышло русское н а р о д н и ч е с т в о, находилась въ противурѣчіи съ стремленіями къ политической свободѣ, сознаніе значенія которой никогда не покидало такихъ европейцевъ, какъ Герценъ, и стремленіе къ которой пробуждалось самою русскою жизнію, и въ ней напр. несостоятельностію правительства передъ самимъ крестьянскимъ вопросомъ. Вотъ на эти то противурѣчія и указываетъ Тургеневъ въ настоящемъ и слѣдующихъ письмахъ.

ПИСЬМО XLIII.

Гейдельбергъ, 16 октября 1862 г.

Любезный другъ А. И. Такъ какъ N. сообщилъ тебѣ подробный перечень всего того, что происходило между нами по поводу извѣстнаго тебѣ адресса, то я не считаю нужнымъ повторять то, что ты уже знаешь. Ограничусь нѣсколькими словами для объясненія, или, лучше сказать, для точнѣйшаго опредѣленія причинъ, лежащихъ въ основаніи моего воззрѣнія.

Во 1-хъ) Я полагаю, что взять «Положеніе» исходной точкой отрицательнаго или революціоннаго противодѣйствія — и не практично, и не своевременно, и не справедливо. Такъ ли, сякъ ли, вслѣдствіе ли усталости, отсутствія ли строгой логики, свойственной всякому народу, желанія ли примириться на маломъ — если это малое все таки до нѣкоторой степени выгодно, — «но земля приняла Положеніе»; скажу болѣе: она въ весьма скоромъ времени сольетъ свое понятіе о свободѣ съ понятіемъ о «Положеніи» и будетъ видѣть въ его врагахъ — своихъ враговъ; чему, между прочимъ, служитъ доказательствомъ новое явленіе перехода крестьянъ вмѣсто оброка — на выкупъ. Нападать при такихъ обстоятельствахъ на «Положеніе», какъ на источникъ всей совершающейся неурядицы, и изъ этого выводить необходимость Земскаго Собора, это значитъ играть игру правительства и, пожалуй, окончательно разорвать связь съ народомъ.

2) Тебѣ извѣстно новое рѣшеніе правительства на счетъ губернскихъ сеймовъ — этого перваго шага къ парламентскимъ формамъ. Не знаю какой тутъ проэктъ восторжествуетъ: Милютинскій, отличающійся относительной широтою и свободой своихъ началъ, или изуродованный и іезуитскій Валуева. Если, какъ слѣдуетъ предполагать, будетъ принятъ второй, — то вотъ тутъ дѣльная и живая и практическая исходная точка для протестующаго адресса, такого адресса, который предназначенъ поднять и расшевелить общественное мнѣніе. Но во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, теперь необходимо обождать: а) Какъ именно окончательно разрѣшится вопросъ о «Положеніи» — это же должно разрѣшиться очень скоро и b) какое значеніе будутъ имѣть постановленія правительства о децентрализаціи и усиленіи провинціальной самостоятельности. Такой адрессъ, представленный именно теперь, кромѣ вреда принести ничего не можетъ, особенно адрессъ вродѣ вашего; сверхъ того, я увѣренъ, что и подписей именно теперь вы наберете очень немного — и произведете выстрѣлъ хуже, чѣмъ на воздухъ — себѣ въ лобъ.

Вотъ, милый А. И., мое откровенное — unumwunden — мнѣніе. Ты, я надѣюсь, настолько меня знаешь, что не припишешь этого мнѣнія ничему другому, кромѣ самого

искренняго убѣжденія. Я не трусъ, я не люблю вилять ни передъ собой, ни передъ другими, а тебя я слишкомъ уважаю и люблю, чтобы не сказать тебѣ всей истины. Согласишься ли ты со мною или нѣтъ — я не знаю; но я увѣренъ, что это нисколько не измѣнитъ нашихъ отношеній.

Дружески жму тебѣ руку и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

То что Тургеневъ называетъ губернскими сеймами, явилось по Положенію 1 Января 1864 г. въ видѣ земскихъ учрежденій, (губернскихъ и уѣздныхъ), явилось по Валуевскому, а не Милютинскому (Н. А.) проэкту. О послѣднемъ пока мало и извѣстно публикѣ. Въ книгѣ г. Анатоля Леруа Больё, Un homme d'etat russe, Nicolas Milutine, находимъ на него только нѣсколько указаній; такъ напр. 22 Февр. 1861 г. Милютинъ писалъ Головнину для сообщенія В. Кн. Константину Николаевичу, что онъ съ Ланскимъ, (мин. вн. дѣлъ) приготовляетъ проэктъ реформы мѣстнаго управленія. «Мы имѣемъ въ виду два провинціальныхъ учрежденія: 1) губернское правленіе для полиціи и дѣлъ распорядительныхъ, 2) земское присутствіе или земская палата подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства или другаго избраннаго лица для дѣлъ хозяйственныхъ, дѣлъ общаго интереса, благотворительныхъ и т. п. Мы предлагаемъ дать земской палатѣ возможную независимость, подъ контролемъ избранныхъ изъ разныхъ классовъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ надзоромъ губернаторовъ и министра (op. cit. 68—69, прим.). 23 Дек. того же года, уже будучи «выжитъ» изъ министерства, Н. Милютинъ писалъ брату (мин. военному) что въ виду броженія въ Россіи, необходимо сдѣлать разумныя уступки, но открыто съ достоинствомъ, безъ оскорбительныхъ аналогій и безъ хитрыхъ тонкостей канцелярскихъ. Уступки эти должны быть въ широкомъ развитіи выборнаго начала (кромѣ чиновъ полиціи) и въ удвоеніи бюджета нар. просвѣщенія (ibid. 118). 19 Февр. Милютинъ писалъ В. кн. Константину, что онъ радъ бы взять трудъ по организаціи мѣстныхъ учрежденій, — но около того времени В. княгиня Елена Павловна писала ему, что въ занимающемъ правительство дѣлѣ устройства провинціальнаго представительства (Etats provinciaux) по недостатку знаній, возникаютъ предложенія нестройныя, которыя портятъ дѣлу и вредятъ ему въ высшей сферѣ, гдѣ самое слово земство пугаетъ». (ibid. 124—125, ср. 140).

———

ПИСЬМО XLIV.

(Къ М. А. Бакунину)

Парижъ 28 Окт. 1862. Rue de Rivoli, 210.

Любезный другъ, я вчера сюда пріѣхалъ, вчера получилъ твое письмо и сегодня пишу тебѣ два слова, для того чтобы увѣрить тебя, что я немедленно приступлю къ исполненію того, что ты желаешь, на счетъ твоей жены и Н., и по мѣрѣ возможности, буду стараться тебя успокоить на конецъ. Въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, ты можешь твердо надѣяться на мою старинную пріязнь, независящую, слава Богу, ни отъ какихъ политическихъ воззрѣній.

Скажи Герцену, что я жду отъ него отвѣта и присылки послѣдняго № Колокола. Если онъ сердится на меня за мои письма къ нему объ адресѣ, то все же не до такой степени, что бы не писать. Я вчера въ постели прочелъ его разсказъ въ Полярной Звѣздѣ о процессѣ Бартелеми и Бернара [1]) и раза два такъ принимался хохотать, что разбудилъ дочь, спавшую въ сосѣдней комнатѣ. Это прелесть и отличная вещь.

Прощай, жму тебѣ руку. Можетъ быть, скоро увидимся.

Твой Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО XLV.

Парижъ 4 ноября 1862. Rue de Rivoli, 210.

Милый А. И.! Твое краткое письмецо меня пространно порадовало — сказалъ бы авторъ «Мизераблей» — и я желаю тебѣ сообщить, что я прибылъ сюда на дняхъ и поселился на своей старой квартирѣ. Я не думалъ, что ты сердишься на меня за мое несогласіе на адрессъ, но за то что я, хотя на нѣкоторое, время помѣшалъ другимъ под-

[1]) Процессъ Бартелеми и Бернара, «Два процесса» даетъ картины судебно-общественныхъ правовъ чиновнической Франціи и самоуправляющейся Англіи.

писаться подъ нимъ. — Не могу также согласиться съ тѣмъ, что ты говоришь о моихъ колебаніяхъ, смятеніяхъ и объясненіяхъ: мнѣ помнится, я весьма рѣшительно и безъ всякихъ «консидерановъ» изъявилъ мое неодобреніе сообщеннаго мнѣ продукта. Я могъ ошибиться, но я очень ясно зналъ, какого я былъ мнѣнія. Я вполнѣ согласенъ съ тобою, что я—не политическая натура; но коли ужъ на то пошло, признаюсь, лучше быть неполитикомъ въ моемъ родѣ, чѣмъ политикомъ въ родѣ Огарева или Бакунина.

Что касается до твоего письма въ «Колоколѣ» [1]), оно, какъ всѣ прежнія, умно, тонко, красиво — но безъ вывода и примѣненія. Мнѣ начинаетъ сдаваться, что въ столь часто повторяемой антитезѣ Запада, прекраснаго снаружи и безобразнаго внутри — и Востока, безобразнаго снаружи и прекраснаго внутри — лежитъ фальшь, которая потому еще держится даже въ замѣчательныхъ умахъ, что она, во первыхъ, не сложна и удобопонятна, а, во вторыхъ, a l'air d'être très ingenieuse et neuve. Но уже на ней мнѣ видятся бѣлыя нитки и истертые локти и все твое краснорѣчіе не спасетъ ее отъ зіяющей могилы, гдѣ она будетъ лежать en très bonne compagnie вмѣстѣ съ философіей Гегеля и Шеллинга, французской республикой, родовымъ бытомъ славянъ и — дерзну прибавить — статьями великаго соціалиста Николая Платоновича.

Тотъ Самумъ [2]), о которомъ ты говоришь, дуетъ не на одинъ Западъ, онъ разливается и у насъ, но ты въ теченіи почти четверти столѣтія (16 лѣтъ) отсутствуя изъ

---

[1]) Письмо въ Колоколѣ, — V-е письмо «Концовъ и Началъ». Относительно приравненія соціально-философской теоріи Герцена къ философіи Гегеля, см. выше, при № 42.

[2]) «Нравственный Самумъ, который подулъ на образованный міръ и дуетъ себѣ да дуетъ, какими то тешеньо mori, постоянно усиливаясь и сметая передъ собой все, что на пути», — Герценъ изображаетъ сравнительно съ «развратомъ» русскимъ въ такихъ словахъ: «кабацкая оргія нашего разврата имѣетъ характеръ какого то неустоявшагося, неуравновѣсившагося броженія и бѣсованій; это горячка опьяненія, захватившая цѣлое сословіе, сорвавшееся съ пути, безъ серьезнаго плана и цѣли — но она не имѣетъ еще той въ глубь уходящей, той изъ глуби подымающейся, тонкой, нервной, умной, роковой безнравственности, которыми разлагаются, страдаютъ, умираютъ образованные слои западной жизни».

Россіи, пересоздалъ ее въ своей головѣ. Горе, которое ты чувствуешь при мысли о ней, горько; — но повѣрь, оно въ сущности еще горьше, чѣмъ ты предполагаешь, и я на этотъ счетъ больше мизантропъ, чѣмъ ты. — Россія — не Венера Милосская въ черномъ тѣлѣ и въ узахъ; это — такая же дѣвица, какъ и старшія ея сестры — только что вотъ з..... у ней будетъ пошире — и она уже .... — и также будетъ таскаться, какъ и тѣ. Ну — рыломъ-то она въ нихъ не вышла, говоря языкомъ Островскаго. Шопенгауера, братъ, надо читать поприлежнѣе, Шопенгауера.

Однако, довольно. — Все таки жду твоего будущаго письма съ нетерпѣніемъ и дружески жму тебѣ руку.

Твой Ив. Тургеневъ

P. S. Ханыкова еще нѣтъ въ Парижѣ — я ему сообщу что ты мнѣ написалъ. Боткинъ [1]) здѣсь и благоговѣйно служитъ слабому желудку, глазамъ, посу, ляжкамъ и т. д.

ПИСЬМО XLVI.

Парижъ. 8 ноября, 1862. Rue de Rivoli 210.

Экая пошла у меня съ тобою корреспонденція, любезнѣйшій А. И.! Можетъ быть, она тебѣ не по вкусу,— да такой на меня стихъ нашелъ. Нынѣшнее письмо вызвано твоимъ послѣднимъ письмомъ ко мнѣ въ «Колоколѣ». — Оно замѣчательно, хотя написано нѣсколько не то что вычурно, а мудрено для многихъ читателей, которые не сразу поймутъ ни зарожденіе отъ Пана ни допуническое — но это мелочи. Ты съ необыкновенной тонкостью и чуткостью произносишь діагнозу современнаго человѣчества, но почему же это непремѣнно западное человѣчество — а не «bipedes» вообще? Ты точно медикъ, который, разобравъ всѣ признаки хронической болѣзни, объявляетъ, что вся бѣда происходитъ оттого, что паціентъ — французъ. Врагъ мистицизма и абсолютизма ты мистически преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ то видишь великую благодать и новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ — das Absolute, однимъ сло-

[1]) Вас. Петр.

вомъ — то самое Absolute — надъ которымъ ты такъ смѣешься въ Философіи. Всѣ твои идолы разбиты, а безъ идола жить нельзя, — такъ давай воздвигать алтарь этому новому невѣдомому богу, благо о немъ почти ничего неизвѣстно — и опять можно молиться, и вѣрить, и ждать. Богъ этотъ дѣлаетъ совсѣмъ не то, что вы отъ него ждете, — это, по вашему, временно, случайно, насильно привито ему внѣшней властью; богъ вашъ любитъ до обожанія то, что вы ненавидите и ненавидитъ то, что вы любите, — богъ принимаетъ именно то, что вы за него отвергаете, вы отворачиваете глаза, затыкаете уши и съ экстазомъ, свойственнымъ всѣмъ скептикамъ, которымъ скептицизмъ надоѣлъ, съ этимъ специфическимъ, ультра фанатическимъ экстазомъ твердите о «весенней свѣжести, о благодатныхъ буряхъ и т. д.» — Исторія, филологія, статистика — вамъ все ни по чемъ; ни по чемъ вамъ факты, хотя бы, напримѣръ, тотъ несомнѣнный фактъ, что мы, Русскіе, принадлежимъ и по языку и по породѣ къ европейской семьѣ, «genus Europaeum» и, слѣдовательно, по самымъ неизмѣннымъ законамъ физіологіи должны идти по той же дорогѣ. Я не слыхалъ еще объ у т к ѣ которая, принадлежа къ породѣ у т о к ъ, дышала бы жабрами, какъ рыба. А, между тѣмъ, въ силу Вашей душевной боли, Вашей усталости, Вашей жажды положить свѣжую крупинку снѣга на изсохшій языкъ, вы бьете по всему, что каждому Европейцу, а потому и намъ, должно быть дорого, по цивилизаціи, по законности, по самой революціи, наконецъ, и наливъ молодыя головы вашей еще не перебродившей соціально-славянофильской брагой, пускаете ихъ хмѣльными и отуманенными въ міръ, гдѣ имъ предстоитъ споткнуться на первомъ шагу. Что вы все это дѣлаете добросовѣстно, честно, горестно, съ горячимъ и искреннимъ самоотверженіемъ — въ этомъ я не сомнѣваюсь — и ты увѣренъ, что я не сомнѣваюсь.... но отъ этого не легче. Одно изъ двухъ: либо служи революціи, европейскимъ идеаламъ по прежнему — либо, если ужъ дошелъ до убѣжденія въ ихъ несостоятельности, имѣй духъ и смѣлость посмотрѣть чорту въ о б а глаза, скажи: guilty [1]) — въ лицо в с е м у е в р о п е й с к о м у ч е л о в ѣ ч е с т в у, — и не дѣлай явныхъ или под-

[1]) Англ. формула приговора присяжныхъ: *виновенъ*!

разумѣваемыхъ исключеній въ пользу ново-долженствующаго придти Рассейскаго Мессіи, въ котораго, въ сущности, ты лично также мало вѣришь, какъ и въ Еврейскаго. Ты скажешь: это страшно: и популярность можно потерять и возможность продолжать дѣятельность. Согласенъ, но съ одной стороны и такъ дѣйствовать, какъ ты теперь дѣйствуешь — безплодно, а съ другой стороны я въ тебѣ, на зло тебѣ, предполагаю достаточно силы духа, чтобы не убояться никакихъ послѣдствій отъ высказыванія того, что ты считаешь истиной. Мы еще подождемъ, а теперь довольно.

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

P. S. А твой другъ и фаворитъ Панчъ?
Кто ада и небесъ (своимъ ростомъ) досягалъ —
Упалъ!

И Чевкинъ туда же.

Письмо въ «Колоколѣ» № 149 (1 Ноября 1862) VI-е письмо «Концевъ и Началъ». Здѣсь съ большей связностью, чѣмъ въ другихъ, изложена основная мысль писемъ и сдѣлана параллель разложенія теперешняго западнаго германо-романскаго міра въ буржуазіи съ разложеніемъ Римской имперіи въ эпоху появленія христіанства.

Почти все настоящее письмо Тургенева вошло въ VIII-е и послѣднее письмо «Концевъ и Началъ», при чемъ аргументы Тургенева вложены въ уста третьяго лица, котораго авторъ зоветъ «одинъ поправленный господинъ». Эти аргументы, видимо, приняты во вниманіе Герценомъ хотя отчасти, почему VIII-е письмо это имѣетъ менѣе рѣшительный и болѣе связный видъ. Такъ онъ признаетъ единство «общаго плана» въ развитіи Запада и Россіи, и оговаривается только, что «общій планъ развитія допускаетъ безконечное число варьяцій», допускаетъ возможность и «европейскимъ народамъ самимъ перейти къ другой жизни», какъ и возможность народа, для котораго мѣщанство будетъ переходнымъ состояніемъ», и даже возможность того, что «Россія вовсе не разовьется». Но послѣ всѣхъ такихъ оговорокъ Герценъ приходитъ къ заключенію,— что «именно потому, что это м о ж е т ъ б ы т ь, — можетъ быть и другое» и настаиваетъ на положеніи, что какъ Россія была только «какимъ то двоюроднымъ братомъ въ общей семьѣ народовъ европейскихъ» — ничего не развила своего, но кое что сохранила», то это сохраненное можетъ развить, не «продѣлывая всѣхъ старыхъ глупостей (Запада) на новый ладъ» Въ концѣ письма Герценъ обѣщаетъ наново поговорить о «началахъ» — русскихъ, — но на этомъ статьи оборвались —

15 Января 1863. Продолженію помѣшала очевидно агитація по набѣжавшему польскому вопросу.

Когда годъ спустя Герценъ издалъ «Концы и Начала» въ отдѣльной брошюрѣ, — онъ уже намекнулъ на то, что русскія «начала» показали себя даже и въ «ужасныхъ дѣлахъ» — усмиренія польскаго возстанія. «Посмотрите на дикаго сатрапа въ Литвѣ: онъ душитъ польскій элементъ, а синія пятна выйдутъ у петербургской имперіи, онъ гонитъ съ мѣста, отталкиваетъ польское дворянство, — а набѣжитъ русское. Дворники, они не знаютъ, кому метутъ, кому расчищаютъ путь, такъ какъ римская волчица не знала, кого она кормитъ. По ихъ кровавой дорогѣ прійдетъ тоже, если не Ромулъ, то Ремъ, обиженный въ прошедшемъ: ему то и расчищаютъ дорогу и царь и сатрапы.

Но, пока онъ явится,—еще много прольется крови, еще случится страшное столкновеніе двухъ міровъ»...

Для оцѣнки вліянія такого рода статей на русскую молодую публику, — котораго касается Тургеневъ въ своемъ письмѣ, мы напомнимъ, что въ этой публикѣ вопросъ ставился не такъ широко-философски, какъ у Герцена, а свелся собственно къ одному: необходимо ли Россіи перейти черезъ форму парламентскаго правленія, — или она прямо можетъ перейти къ соціализму? «Народники» слѣдующаго за Герценымъ поколѣнія, поддержанные и «анархической» пропагандой Бакунина, рѣшали въ пользу послѣдняго предположенія, при чемъ въ буржуазію записывали и всю т. наз. «интеллигенцію», и тѣмъ удалились, — говоря словами Тургенева, — отъ самой «революціи», т. е. отъ революціи политической. Въ то же время часть ихъ, болѣе близкая къ московскому славянофильству, оцѣнивая, отчасти сходно съ Герценымъ, значеніе политики правительства въ Польшѣ и Западномъ краѣ, сблизилась теоритически съ идеями монархическими.

Для полноты характеристики аргументовъ Герцена въ пользу его философіи и для болѣе точной оцѣнки замѣчанія Тургенева въ дальнѣйшимъ письмѣ № 47 о томъ, что «Колоколъ» теряетъ свое значеніе, отклоняясь отъ чисто-политической «агитаціи», мы считаемъ нужнымъ отмѣтить еще два мѣста въ «Концахъ и Началахъ», — а именно въ III-мъ письмѣ изображеніе «покоя Англіи», дошедшаго до того, что Times поздравляетъ ее съ отсутствіемъ интереса въ парламентскихъ преніяхъ» и въ VII письмѣ замѣчаніе: «кто же теперь (на Западѣ) серьезно говоритъ о соціализмѣ».

Прошло немного лѣтъ, и въ англійскомъ парламентѣ еще и какъ заговорили, между прочимъ и о вопросахъ аграрныхъ. Въ тоже время во всемъ Западѣ заговорили и о соціализмѣ, при чемъ вопросъ о сложеніи р а б о ч и х ъ п а р т і й — поставилъ дѣло соціализма въ формы именно п о л и т и ч е с к і я. Тургеневъ врядъ-ли предвидѣлъ и оцѣнивалъ такой оборотъ западной «чисто политической» жизни, — но его не предвидѣли и русскіе народники, — развившіеся между прочимъ подъ вліяніемъ философіи сотрудниковъ «Колокола».

ПИСЬМО XLVII.

Парижъ. 25 ноября, 1862, Rue de Rivoli 210.

Любезный А. И.! Мнѣ очень жаль, что ты перемѣнилъ свое намѣреніе и не послалъ мнѣ своего *злаго* письма: злое письмо все-таки лучше раздраженнаго. — Но я не могу вдаваться ни въ какія рекриминаціи и все-таки радъ, что ты хоть какъ-нибудь отвѣчалъ. Признаюсь, я ожидалъ возраженій на мои возраженія, но я вижу, что ты огорчился и оскорбился моими, сколько я помню, далеко не рѣзкими и не непочтительными намеками на Огарева — или лучше сказать на его теорію. — Виноватъ, соглашаюсь, что лучше было не говорить объ этомъ и обѣщаюсь не задѣвать тебя ни единымъ словомъ съ этой, для тебя столь чувствительной, стороны. Только могу тебя увѣрить, что въ моемъ нерасположеніи къ вышеупомянутой теоріи существуетъ нѣчто не столь неразумное, какъ антипатіи «брюхатой женщины». Я бы могъ изложить тебѣ подробно причины, почему я такъ думаю — но убѣдить тебя не надѣюсь, а огорчить тебя опять — боюсь. И такъ — пусть весь этотъ вопросъ останется между нами въ родѣ истукана въ Саисѣ подъ непроницаемымъ покровомъ.

Не могу также принять твое обвиненіе въ нигилизмѣ. —(Кстати вотъ судьба: я же швырнулъ этотъ камень — и меня же онъ бьетъ въ голову.) Я не нигилистъ, потому только, что я, насколько хватаетъ моего пониманія, вижу трагическую сторону въ судьбахъ всей Европейской семьи—(включая, разумѣется, и Россію).—Я все-таки европеусъ, и люблю знамя, вѣрую въ знамя, подъ которое я сталъ съ молодости. Ты одной рукой рубишь его древко, а другою ловишь какое-то для насъ еще невидимое древко, — это твое дѣло и, можетъ быть, ты правъ. — Но ты менѣе правъ, когда приписываешь мнѣ какія-то побочныя цѣли (въ родѣ удовольствія кормить паразитовъ) или небывалыя чувства въ родѣ раздраженія противъ молодаго поколѣнія.... Къ чему это? Не похоже ли это на упреки, которые дѣлаютъ тебѣ въ томъ, что ты, молъ, говоришь и пишешь не изъ убѣжденія, а изъ тщеславія и т. д. Этого рода догадки и сплетни—скажу прямо—не достойны насъ съ тобою.

Засимъ жму крѣпко тебѣ руку и желаю тебѣ здоровья и бодрости. Я очень радъ, что ты меня любишь и увѣренъ, что поразмысливъ хорошенько, ты увидишь, что негодовать на меня не за что.

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО XLVIII.

Парижъ. 3 декабря, 1862. Rue de Rivoli, 210.

Любезный другъ, не помню какой-то мудрецъ сказалъ, что нѣтъ такихъ людей, которые умѣли бы освободиться отъ самыхъ очевидныхъ недоразумѣній. Неужели это изрѣченіе должно оправдаться надъ нами? Посуди самъ: я, напр., пишу тебѣ, что обвинять меня въ любви къ паразитамъ также нелѣпо, какъ искать въ тщеславіи причину твоей дѣятельности; а ты съ негодованіемъ доказываешь, что ты работаешь не изъ тщеславія; я называю Шопенгауэра — ты упрекаешь меня въ поклоненію авторитету; я прошу тебя не сердиться на меня за одно слово объ Огаревѣ и отвѣчать мнѣ на мои вопросы — ты иронически подозрѣваешь меня въ сожалѣніи о томъ, что я опровергъ тебя «до безмолвія» и т. д. Пожалуйста, бросимъ этотъ тонъ: будемъ лучше спорить горячо, но по пріятельски, безо всякихъ ricanements и недомолвокъ: если я былъ этимъ грѣшенъ (sans le savoir), то прошу у тебя извиненія и basta cosi.

Ты требуешь, чтобъ я тебѣ изложилъ причины моего нерасположенія къ Огареву, какъ писателю. Я готовъ тебѣ повиноваться, но не могу не замѣтить, что на письмѣ это непремѣнно выйдетъ голословно. Ты самъ хорошо поймешь, что приводить и пересчитывать на письмѣ доказательства — невозможно; прошу только тебя вѣрить, что онѣ существуютъ для меня и что я не подверженъ никакой беременности ни физіологической, ни психологической. Итакъ, Огареву я не сочувствую во 1-хъ, потому что въ своихъ статьяхъ, письмахъ и разговорахъ онъ проповѣдуетъ старинныя соціалистическія теоріи объ об-

щей собственности и т. д., съ которыми я не согласенъ*), въ 2-хъ, потому что онъ въ вопросѣ освобожденія крестьянъ и тому подобныхъ — показалъ значительное непониманіе народной жизни и современныхъ ея потребностей, а также и настоящаго положенія дѣлъ; въ 3-хъ, наконецъ, потому что даже тамъ, гдѣ онъ почти правъ (какъ, напр., въ статьѣ о судебныхъ реформахъ) онъ излагаетъ свои воззрѣнія языкомъ тяжелымъ, вялымъ и сбивчивымъ, обличающимъ отсутствіе таланта, что, впрочемъ, ты, вѣроятно, самъ, если не чувствуешь, то подозрѣваешь изъ несомнѣннаго факта постепеннаго паденія «Колокола» и охлажденія къ нему публики. Правда до политическихъ изгнанниковъ также трудно доходить, какъ и до царей; — обязанность друзей — доводить ее до нихъ. «Колоколъ гораздо менѣе читается съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ сталъ первенствовать Огаревъ» эта фраза стала въ Россіи тѣмъ, что въ Англіи называется a truism. И это понятно: публикѣ, читающей въ Россіи «Колоколъ», не до соціализма: она нуждается въ той критикѣ, въ той чисто политической агитаціи, отъ которой ты отступилъ, самъ надломивъ свой мечъ. «Колоколъ», напечатавшій безъ протеста $^1/_2$ манифеста Бакунина [1]) и соціалистическія статьи Огарева, — уже не Герценовскій, не прежній «Колоколъ», какъ его понимала и любила Россія. Вотъ пока все, что я могу тебѣ сказать.

Съ большимъ удовольствіемъ увижу здѣсь твоихъ милыхъ дочекъ и сдѣлаю для нихъ все возможное.

Жму тебѣ руку и остаюсь любящій тебя

Ив. Тургеневъ.

---

*) Бакстъ въ Гейдельбергѣ, напр., объявилъ мнѣ, что «Николай Платоновичъ не потому опровергаетъ «Положеніе», что оно несправедливо для крестьянъ, а потому что оно освящаетъ принципъ *частной собственности* въ Россіи (Прим. И. С. Т)

[1]) «Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ», — въ 122—123 № «Колокола». Обѣщанное «продолженіе въ слѣдующемъ листѣ» никогда не появилось.

ПИСЬМО XLIX.

Парижъ, rue de Rivoli 16 Дек. 1862.

Гнѣвенъ же ты, любезный А. И., ужъ какъ гнѣвенъ, что и сказать нельзя! И въ концѣ письма поставилъ такое неразборчивое слово. Я рѣшился прочесть: за симъ к л а н я ю с ь, хотя по настоящему выходитъ: за симъ п л ю ю с ь. Едва осмѣливаюсь почтительнѣйше доложить, что статьи Огарева я дѣйствительно прочелъ самъ (этотъ фактъ нельзя забыть, какъ вообще всякую преодолѣнную трудность) [1]; что П. В. Анненковъ конечно великій преступникъ, но что онъ, отдавая свою невинную статью Русскому Вѣстнику въ н а ч а л ѣ года, не могъ съ достовѣрностью предвидѣть, что ее помѣстятъ въ к о н ц ѣ года рядомъ съ виновной [2]; что протестъ К. съ моею подписью ты можешь напечатать когда и гдѣ угодно [3]) и что, наконецъ, ты вѣроятно смѣшалъ А. А. Фета, у котораго вовсе н ѣ т ъ деревни, съ извѣстнымъ англійскимъ богачемъ и аристократомъ, Sir Feth'омъ, котораго впрочемъ никогда не существовало.

А дочки твои прелестныя; особенно Тата, такое славное, умное, здоровое и здравое существо! Моя дочь просто въ нее влюбилась въ теченіи получасоваго ея посѣщенія. Всѣ наши просьбы не могли убѣдить М-lle М. остаться въ Парижѣ день лишній и намъ пришлось только пожелать имъ счастливаго пути.

---

[1]) Статьи Огарева: «Расчистка нѣкоторыхъ вопросовъ». «Кол.» № 136—138. Разборъ основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи. К. № 150—152.

[2]) Статья Анненкова «О Мининѣ г. Островскаго и его критикахъ» помѣщена въ Сентябр. кн. «Русскаго Вѣстника», т. е. уже послѣ статьи Каткова «Замѣтка для издателя Колокола», и вмѣстѣ съ статьей «Новые подвиги нашихъ лондонскихъ агитаторовъ», направленной противъ приложенія къ «Колоколу» — «Общее вѣче», назначавшееся преимущественно для соціалистическо-революціонной агитаціи среди раскольниковъ.

[3]) «Протестъ К. съ подписью» Тургенева, по всей вѣроятности,— переданное Герцену письмо къ Кавелину, выражающее сочувствіе ему за защиту «Колокола» отъ Ч., подписанное между прочимъ Тургеневымъ и Анненковымъ. См. выше.

А за симъ препоручаю себя тебѣ не въ часы гнѣва, а въ часы кротости и подписуюсь

Ив. Тург...

Что я! Совсѣмъ забылъ. — По твоему опредѣленію, я долженъ впредь подписываться слѣдующимъ манеромъ:

«Частица навоза золотушнаго гипопотама, страдающаго холерой».

Длинно немножко, но я не министръ и резолюцій не подмахиваю.

ПИСЬМО L.

Парижъ, rue de Rivoli 210. 12 Февр. 1863.

Любезный А. И. Это письмо будетъ вручено тебѣ однимъ моимъ очень хорошимъ пріятелемъ и прекраснымъ человѣкомъ, Рудольфомъ Ландау. Онъ долго путешествовалъ въ Японіи и занятъ теперь сочиненіемъ, въ которомъ опишетъ свои странствованія. Между прочимъ онъ тебѣ въ прошломъ году прислалъ ректификацію разсказа объ убійствѣ одного Русскимъ офицеромъ: не знаю получилъ ли ты ее и помѣстилъ ли въ Колоколѣ; во всякомъ случаѣ его словамъ можно вѣрить: онъ вполнѣ честный человѣкъ. Но рѣчь собственно идетъ не объ немъ, но обо мнѣ. Начинаю съ того, что требую отъ тебя глубочайшей и ничѣмъ не нарушимой тайны. Можешь ли ты себѣ представить: меня, меня твоего антагониста, Третье Отдѣленье *требуетъ* въ Россію, съ обычной угрозой конфискаціи и т. д. въ случаѣ неповиновенія [1]). Каково? Вѣдь это наконецъ высочайшій юморъ. Я отвѣчалъ письмомъ Государю, въ которомъ прошу его велѣть мнѣ выслать допросные пункты; если они удовлетворятся моими отвѣтами тѣмъ лучше; — если нѣтъ, — я не поѣду — и пусть они стармятся и *лишаютъ* меня чиновъ и т. д. Будберъ, который въ этомъ дѣлѣ велъ себя какъ нельзя лучше, увѣряетъ, что это кончится ничѣмъ;

[1]) О слѣдствіи надъ Тургеневымъ за политическую неблагонадежность см. дальше, письмо № 51 и примѣчаніе къ нему.

(онъ выразилъ сильное негодованье, самъ написалъ Долгорукову и т. д.); но какъ бы то ни было, я уже принялъ свои мѣры, выписалъ сюда брата и т. д. Я тебѣ все это разсказываю между прочимъ для того, чтобы кстати спросить, получилъ ли ты въ прошломъ году осенью изъ Гейдельберга отъ N. N. большой листъ бумаги, исписанный мною, въ которомъ я изъяснялъ тебѣ, почему я не согласенъ на адресъ; если получилъ и не сжегъ, отдай его Ландау. Я подозрѣваю, что въ Гейдельбергѣ за мной слѣдили, потому что всѣ мои поступки стали извѣстны, хотя въ нихъ не было ничего особеннаго. Ничипоренко всѣхъ и все выдастъ, — а Бенни на волѣ! — Пожалуйста, чтобы это все осталось тайной, а то Долгоруковъ ударитъ въ набатъ, и это можетъ мнѣ очень повредить. Дай о себѣ знать что нибудь. Твое посланіе къ Русскимъ солдатамъ въ послѣднемъ Колоколѣ меня прослезило [1]). Крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь

Любящій тебя Ив. Тург.

ПИСЬМО LI.

Гейдельбергъ. 22 Іюня 1863.

Любезный А. И. Сейчасъ прочелъ я № Колокола, гдѣ упоминается о «французской и англійской горчицѣ» etc. Спасибо тебѣ, что ты не повѣрилъ этому пошлому анекдоту, но мнѣ кажется, что ты бы выразился еще опредѣлительнѣе, еслибъ совершенно не повѣрилъ. Ни одного ни обиднаго, ни насмѣшливаго слова не вышло изъ моихъ устъ на счетъ поляковъ, хотя бы уже по тому, что я еще не потерялъ всякаго пониманія «трагическаго»: теперь никому не до смѣха.

Я прекратилъ переписку съ тобою по причинамъ, хорошо тебѣ извѣстнымъ, да и какая была охота мѣняться такими письмами, каковы были послѣднія. Наши мнѣнія слишкомъ

---

[1]) Посланіе къ русскимъ солдатамъ — «Братская просьба къ русскимъ воинамъ» напечатана въ № 155 Колокола, 1 Февраля. Герценъ приглашаетъ русскихъ офицеровъ и солдатъ принять братски польскихъ рекрутъ, обмѣняться съ ними мыслями, а главное полюбить ихъ.

расходятся, къ чему безплодно дразнить другъ друга? Я и теперь не предлагаю тебѣ возобновленія этой переписки, но былъ бы тебѣ обязанъ, если бы ты въ слѣдующемъ № Колокола напечаталъ, что: «Мы получили положительное удостовѣреніе, что слова приписанныя г-ну И. Тургеневу чистая выдумка».

Я нынче же пишу И. С. Аксакову. Меня глубоко оскорбляетъ эта грязь, которой брызнули въ мою уединенную, почти подъ землею скрытую жизнь.

Желаю тебѣ спокойствія, на сколько это возможно и прошу именемъ нашего прошедшаго не считать меня способнымъ ни на какое дрянное дѣло или слово.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Я живу въ Баденъ-Баденѣ, Schillerstrasse, 247, а сюда пріѣхалъ только на день, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ.

Письмо это вызвано слѣдующей замѣткой въ 167 № «Колокола», (10 Іюля 1863). **Не вѣримъ!** — 22 № Дня въ корреспонденціи изъ Парижа говоритъ о новой мѣрѣ ироническаго наказанія поляковъ, преувеличивающихъ злодѣйства русскаго начальства. Ее изобрѣлъ знаменитый И. С. Тургеневъ. Даровитый авторъ «Отцовъ и дѣтей» будто бы вознамѣрился въ подложной корреспонденціи разсказать, «какъ одинъ казачій полковникъ поссорился съ своимъ эсауломъ за то, что тотъ жареныхъ польскихъ дѣтей ѣстъ съ французской, а не съ англійской горчицей!

«Анекдотъ этотъ, напоминающій дѣдовъ и внучатъ (дѣдовъ какимъ то букетомъ кургановскаго письмовника, внучатъ — дѣтской безхитростностію изобрѣтенія) намъ кажется апокрифнымъ. Тургеневъ вовсе не политическій человѣкъ, это онъ доказалъ блестяще, какъ все это онъ доказывалъ. Но не будучи человѣкомъ политическимъ, онъ все же человѣкъ—и понимаетъ, какъ было бы безнравственно жертовать надъ поляками, когда надъ ними тѣшутся такіе милые забавники, какъ Муравьевъ и вся палачующая братія. Не вѣримъ да и только!

Послѣ письма Тургенева въ № 168 «Колокола» помѣщена была замѣтка: Англійская и французская горчица московскаго «Дня». Мы получили положительное удостовѣреніе, что слова, приписанныя г. И. Тургеневу (повторенныя нами въ «Кол.» № 167), чистая выдумка.

Тогда же напечатано было письмо Тургенева и въ «Днѣ» И. Аксакова, при чемъ, помнится, въ немъ было нѣсколько выраженій, напоминающихъ настоящее письмо.

ПИСЬМО LII.

Парижъ. Rue de Rivoli, 210. Суббота $\frac{\text{2 Апрѣля}}{\text{21 Марта}}$ 1864.

Я долгое время колебался, вернувшись изъ Россіи, писать ли тебѣ по поводу замѣтки въ Колоколѣ о «сѣдой Магдалинѣ изъ мужчинъ, у которой отъ раскаянія выпали зубы и волосы» и т. д. Признаюсь, эта замѣтка, явно относившаяся ко мнѣ, огорчила меня. Что Бакунинъ, занявшій у меня деньги, и своей бабьей болтовней и легкомыслiемъ поставившій меня въ непріятнѣйшее положеніе — (другихъ онъ погубилъ вовсе) — что Бакунинъ, говорю, распространялъ обо мнѣ самыя пошлыя и гадкія клеветы — это въ порядкѣ вещей — и я, зная его съ давнихъ поръ, другаго отъ него не ожидалъ. Но я не полагалъ, что ты точно также пустишь грязью въ человѣка, котораго зналъ чуть не двадцать лѣтъ, потому только, что онъ разошелся съ тобою въ убѣжденіяхъ. Не далеко же ты отсталъ отъ покойнаго Николая Павловича, который также осудилъ меня, не спросивъ даже у меня, точно ли я виноватъ? Еслибъ я могъ показать тебѣ отвѣтъ, который я написалъ на присланные вопросы, ты бы вѣроятно убѣдился, что, ничего не скрывая, я не только не оскорбилъ никого изъ друзей своихъ, но и не думалъ отъ нихъ отрекаться: я бы почелъ это недостойнымъ самого себя. Признаюсь, не безъ нѣкоторой гордости вспоминаю я эти отвѣты, которые, не смотря на тонъ, въ которомъ они написаны, внушили уваженіе и довѣріе ко мнѣ моимъ судьямъ. Что же касается до письма къ Государю, которое ты представилъ въ столь гнусномъ видѣ, то вотъ оно:

В. И. В.
В. Г!

Уже два раза имѣлъ я счастье обращаться письменно къ Вашему Величеству *), и оба раза мои просьбы были приняты благосклонно; удостойте меня, Государь, и на этотъ разъ своего высокаго вниманія.

*) По дѣлу Огрызко и по собственному (Гоголевскому) дѣлу. (Прим. И. С. Т.)

Сегодня я получилъ черезъ здѣшнее посольство предписаніе немедленно вернуться въ Россію. Сознаюсь съ полной откровенностью, что не могу объяснить себѣ, чѣмъ я заслужилъ подобный знакъ недовѣрія. Образа мыслей своихъ я никогда не скрывалъ, дѣятельность моя извѣстна всѣмъ, предосудительнаго поступка я за собой не знаю. Я писатель, В. В., и больше ничего: вся моя жизнь выразилась въ моихъ произведеніяхъ, меня по нимъ судить должно. Смѣю думать, что всякій, кто только захочетъ обратить на нихъ вниманіе, отдастъ справедливость умѣренности моихъ убѣжденій, вполнѣ независимыхъ, но добросовѣстныхъ. Трудно понять, что въ то самое время, когда Вы, Государь, обезсмертили свое имя совершеніемъ великаго дѣла правосудія и человѣколюбія, трудно понять, говорю я, какъ можетъ быть подозрѣваемъ писатель, который въ своей скромной сферѣ старался, по мѣрѣ силъ, способствовать тѣмъ высокимъ предначертаніямъ. Состояніе моего здоровья и дѣла не терпящія отлагательства, не позволяютъ мнѣ вернуться теперь въ Россію; а потому соблаговолите, В. Г., приказать выслать мнѣ запросные пункты: обѣщаюсь честнымъ словомъ отвѣчать на каждый изъ нихъ немедленно и и съ полной откровенностью. Вѣрьте искренности моихъ словъ, Государь: къ вѣрноподданническимъ чувствамъ, которыя мой долгъ заставляетъ меня питать къ особѣ В. В., присоединяется личная благодарность.

Да; Государь, который не зналъ меня вовсе, все таки понялъ, что имѣетъ дѣло съ честнымъ человѣкомъ и за это моя благодарность къ нему еще увеличилась; а старинные друзья, которые, кажется, могли хорошо меня знать, не усомнились приписать мнѣ подлость и разгласить это печатно. Еслибъ я имѣлъ дѣло съ прежнимъ Герценомъ, я бы не сталъ тебя просить не употреблять моего довѣрія во зло и тотчасъ же уничтожить это письмо: но ты самъ спуталъ мои понятія о тебѣ и я прошу тебя не надѣлать мнѣ новыхъ непріятностей: довольно и старыхъ. Впрочемъ, самое это письмо доказываетъ, что мои чувства къ тебѣ не совсѣмъ исчезли: Бакунина я бы не удостоилъ полусловомъ.

Будь здоровъ.

Ив. Тургеневъ.

Въ «Колоколѣ», № 177 (25 Янв. 1864) напечатано: «Корреспондентъ нашъ говоритъ объ одной сѣдовласой Магдалинѣ (мужескаго рода) писавшей государю, что она лишилась сна и апетита, покоя, бѣлыхъ волосъ и зубовъ, мучась, что государь еще не знаетъ о постигнувшемъ ее раскаяніи, въ силу котораго «она прервала всѣ связи съ друзьями юности» (стр. 1469. Сплетни, копоть, нагарь и пр.).

Вполнѣ отчетливое понятіе обо всей исторіи, на которую намекаютъ письма № 49 и 51, можно будетъ составить тогда, когда будутъ обнародованы по крайней мѣрѣ оффиціальныя документы о слѣдствіи надъ Тургеневымъ. Теперь же объ этомъ дѣлѣ можно составить только приблизительное понятіе, при чемъ настоящія два письма Тургенева къ Герцену даютъ больше матерьяла, чѣмъ другія до сихъ поръ напечатанныя данныя: письма И. С. къ брату и къ Анненкову. Сопоставимъ же важнѣйшія изъ этихъ данныхъ съ нашими письмами:

Въ письмѣ къ брату изъ Парижа, 21 Февраля 1863 года И. С. пишетъ: Я уже читалъ въ «Кельнской газетѣ», присланной тобою, корреспонденцію о томъ, что я поджигатель [1]); сегодня я посылаю протестацію противъ этого слуха, которому, впрочемъ, особой важности придавать не слѣдуетъ: мало ли что врутъ газетчики! Этого избѣжать нельзя.

Я вовсе не рѣшился не ѣхать въ Петербургъ, но прежде всего мнѣ нужно дождаться отвѣта на мое письмо къ императору. Пока я еще ничего оффиціальнаго не получилъ; а изъ Дрездена [2]) и изъ Петербурга [3]) я получилъ извѣстіе, что меня хотятъ судить передъ сенатомъ за сообщенія съ Герценомъ. Какъ только я узнаю что нибудь положительное, извѣщу тебя тотчасъ».

25 Февраля Тургеневъ писалъ брату, что «дѣло приняло благопріятный оборотъ. Я получилъ вчера черезъ нашего посла (бар. Будберга) извѣстіе, что государь соглашается на мою просьбу и что допросные пункты будутъ мнѣ высланы сюда въ Парижъ. Посолъ далъ мнѣ прочесть письмо князя Долгорукаго (тогда шефъ жандармовъ и начальникъ III отдѣленія), въ которомъ сообщается это рѣшеніе и прибавилъ, что, по всей вѣроятности, дѣло окончится пустяками — и вопросы будутъ высланы только для формы. Очевидно, что на это въ Петербургѣ бы не согласились, если бъ дѣло имѣло какую нибудь важность». Письмо оканчивается словами, которыя, какъ и мѣсто въ письмѣ Герцену, № 49: «Я принялъ свои мѣры, и проч.», — относятся, очевидно, къ переводу имущества

---

[1]) Это сказано было даже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ и относилось къ пожару толкучаго рынка въ Духовъ день 1862 г. Прим. И. С. Т.

[2]) Тамъ былъ тогда гр. Алекс. Конст. Толстой, отъ котораго, вѣроятно, Т—въ и получилъ «извѣстіе» и пр.

[3]) Отъ Анненкова, — см. письмо къ нему отъ 19 Янв. 1863 г. въ «Вѣстн. Европы», 1887, Янв. 9. Самъ Анненковъ говоритъ, что получилъ «свое свѣдѣніе изъ очень достовѣреннаго источника».

на случай конфискаціи: «Можно было бы уже теперь уничтожить данныя бумаги, но лучше подождать окончательнаго разрѣшенія этой исторіи. Отъ нея останется мнѣ только воспоминаніе твоего братскаго поступка и искренняго расположенія моихъ друзей».

6-го Апрѣля И. С. писалъ брату: «долженъ тебѣ объявить (но это подъ секретомъ, ибо съ меня слово взяли), что допросные пункты пришли, наконецъ, и отвѣты мои уже отправлены обратно въ Петербургъ. Могу тебѣ сказать, что эти пункты—совершенные пустяки и что теперь я на это дѣло смотрю, какъ на сданное въ архивъ: здѣшніе оффиціальные лица (какъ то самъ посланникъ) того же мнѣнія». («Русская Старина», 1885. 315—317).

Въ письмахъ Тургенева къ Анненкову, находимъ новыя подробности объ этомъ дѣлѣ, а также новыя указанія на отношенія къ нему Тургенева, — но приводя выдержки изъ этихъ писемъ, въ которыхъ Тургеневъ является нѣсколько иначе, чѣмъ въ письмахъ къ Герцену, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что первыя писаны въ Россію, а слѣдовательно и съ расчетомъ на возможность прочтенія тайной полиціей. [1])

19 Января 1863 г. Тургеневъ пишетъ Анненкову: «Очень меня удивило, любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ, извѣстіе, сообщенное вашимъ письмомъ. Я убѣжденъ, что этотъ слухъ не имѣетъ основанія, потому что онъ слишкомъ нелѣпъ. Вызывать меня теперь (въ сенатъ) послѣ «Отцовъ и Дѣтей», послѣ бранчивыхъ статей молодаго поколѣнія именно теперь, когда я окончательно — чуть не публично — разошелся съ лондонскими изгнанниками, т. е. съ ихъ образомъ мыслей, — это совершенно непонятный фактъ. Здѣсь мнѣ никто объ этомъ не говорилъ, — никто, начиная съ нашего теперешняго посланника, Будберга, съ которымъ я познакомился въ новый годъ, и кончая прежнимъ посланникомъ, Киселевымъ, у котораго я обѣдалъ на дняхъ. Разумѣется, если меня вызовутъ, я немедленно поѣду, смѣшно даже прибавлять съ спокойной совѣстію; одно мнѣ будетъ непріятно—зимняя поѣздка, которая, при моемъ нездоровьи, не представляетъ ничего отраднаго; да и дочь мнѣ здѣсь оставить не совсѣмъ весело [2])... А все таки я имѣю самонадѣянность думать, что мой образъ мыслей извѣстенъ и Государю, и правительственнымъ лицамъ у насъ.

... Неосмотрительнаго же или необдуманнаго поступка, какъ вы пишете, я за собой не знаю; вся моя жизнь какъ на ладони и скрывать мнѣ нечего.»

---

[1]) Изъ книги Ан. Леруа Больe о Николаѣ Милютинѣ видно, что въ то время (да, вѣрно, и теперь) даже такія «высокопоставленныя» лица предпочитали переписываться «съ оказіей».

[2]) У Тургенева врачъ Ройе тогда предполагалъ «давно таившуюся, застарѣлую болѣзнь». Дочь Тургенева тогда приготовлялась выйти замужъ.

6 Февраля 1863 г., — значитъ за нѣсколько дней до письма къ Герцену № 49, въ которомъ Тургеневъ выражалъ опасеніе, какъ бы шпіоны не провѣдали его адресныхъ плановъ въ Гейдельбергѣ.— И. С. пишетъ Анненкову о своемъ обращеніи къ Государю и обѣщаніи ему отвѣтить «съ совершеннымъ чистосердечіемъ». — «Задача эта будетъ нетрудная, говоритъ онъ, потому что скрывать мнѣ нечего. Я не въ состояніи себѣ представить, въ чемъ собственно меня обвиняютъ. Не могу же я думать, что на меня сердятся за сношенія съ товарищами молодости, которые находятся въ изгнаніи, и съ которыми мы давно и окончательно разошлись въ политическихъ убѣжденіяхъ. Да и какой я политическій человѣкъ? Я — писатель, какъ я это представилъ самому Государю, — писатель независимый, но добросовѣстный и умѣренный писатель, — и больше ничего. Правительству остается судить, на сколько я полезенъ или вреденъ, но должно сознаться, что оно немилостиво поступаетъ съ своимъ «тайнымъ приверженцемъ», какъ вы, помнится, меня называли. Впрочемъ, я совершенно спокоенъ и буду спокойно ждать отвѣта; не могу также не сообщить вамъ, что баронъ Будбергъ (нашъ послан.) выказалъ себя въ этомъ дѣлѣ съ самой лучшей стороны!

Изъ письма къ Анненкову 19 Сентября 1863 г. видно, что представленными Тургеневымъ отвѣтами изъ за границы на присланные ему вопросы, дѣло не окончилось, что онъ получилъ приглашеніе пріѣхать таки въ Петербургъ, для допроса, «если состояніе здоровья или дѣлъ его позволяютъ». Тургеневъ просилъ отсрочить ему пріѣздъ въ Россію на Ноябрь и писалъ Анненкову, который былъ въ сношеніяхъ съ сенаторомъ Карніолинымъ-Пинскимъ, — «презусомъ коммиссіи», долженствовавшимъ допрашивать его: «Я увѣренъ, что это замедленіе не можетъ имѣть вліянія на ходъ самого процесса, тѣмъ болѣе, что мнѣ не придется слова прибавить къ отвѣтамъ, весьма подробнымъ и полнымъ, которые я послалъ нынѣшней весной. Благодарите добраго Ковалевскаго[1]) за его радушное предложеніе и передайте мой поклонъ г. Карніолину-Пинскому, котораго я зналъ въ мои молодые годы...»

5 Декабря (23 Ноября) Тургеневъ пишетъ Анненкову: прошу васъ сходить къ г-ну Карніолину-Пинскому и доведите до его свѣдѣнія отъ моего имени, что я весьма желалъ бы, чтобъ сенатъ, назначившій мѣсяцъ Ноябрь срокомъ моего возвращенія въ Россію, прибавилъ мнѣ всего двѣ недѣли. Я даю честное слово, что, если только буду живъ, къ 15 (27-му) Декабря явлюсь въ Петербургъ.» Но 9 Декабря Тургеневъ пишетъ А—ву, что онъ «не можетъ вернуться въ Россію», у него «сдѣлалась какая-то гадость на правой ногѣ» и что

---

[1]) Очевидно Егоръ П. К—ій, управляющій азіатскимъ департаментомъ въ мин. иностр. дѣлъ и предсѣдатель общества пособія литераторамъ. Письма къ нему Тургенева см въ «Русской Старинѣ» 1884, Май, 399—402.

онъ «посылаетъ Пинскому (черезъ А—ва) свидѣтельство доктора, скрѣпленное нашимъ посланникомъ; пусть поступаютъ со мной по закону, безъ всякой снисходительности. Я не измѣняю своего твердаго намѣренія выѣхать въ Петербургъ... но сказать, когда это будетъ — совершенно для меня невозможно.»

На это письмо Т—въ, очевидно, получилъ успокоительное извѣстіе, потому что 1 Янв. 1863 Т—въ писалъ А—ву: «Мнѣ было пріятно узнать, что на меня не взираютъ сурово въ с.-петербургскомъ сенатѣ и путешествіе мое, которое, я надѣюсь, совершится скоро, представляется мнѣ въ болѣе розовомъ цвѣтѣ.»

Передавъ это письмо, Анненковъ отъ себя прибавляетъ: «Кончилось, дѣйствительно, тѣмъ, что Т—въ, наконецъ, явился въ Петербургъ, и, какъ надобно было ожидать, дѣло въ сенатѣ весьма недолго задержало его, такъ что онъ могъ весною же снова возвратиться за границу.» (Вѣст. Евр. 1887, Янв. 9—10, 12—13, 18, 19—20.)

Какъ видно, объ адресныхъ планахъ самого Тургенева въ сенатѣ его не спрашивали.

Со словами Тургенева, въ письмѣ къ Герцену № 49, о томъ, что посланіе къ русскимъ воинамъ въ Польшѣ «прослезило его», а также о «трагическомъ» въ польскомъ возстаніи, въ письмѣ № 50, интересно сопоставить слова письма его къ Анненкову въ Россію отъ 25 Янв. 1863 г. «Извѣстіе изъ Польши горестно отразилось и здѣсь. Опять кровь, опять ужасы.... Когда же это все прекратится, когда войдемъ мы, наконецъ, въ нормальныя и правильныя отношенія къ ней?! Нельзя не желать скорѣйшаго подавленія безумнаго возстанія, столько же для Россіи, сколько для самой Польши». (Вѣстн. Евр. 1887, Янв. 12). Какъ извѣстно, подавленіе возстанія сопровождалось аграрными мѣрами Н. А. Милютина. Отношеніе Тургенева къ дѣятельности послѣдняго въ Польшѣ см. дальше, при письмѣ 59.

Два раза, въ которые Тургеневъ обращался прежде къ Александру II, были: п е р в ы й, когда онъ былъ арестованъ въ 1852 г. по повелѣнію императора Николая I, за статью о смерти Гоголя; письмо Т—ва къ тогдашнему наслѣднику престола, напечатано въ «Русской Старинѣ». 1884, Янв. 173—174. Обо всемъ этомъ дѣлѣ см. въ «Русск. Старинѣ, 1873, VIII, 940—953, въ Запискахъ кн. Дм. Ал. Оболенскаго.

Во в т о р о й разъ Т—въ писалъ императору Александру II, по дѣлу поляка Огрызка. Анненковъ ошибается, называя Огрызка журналистомъ и говоря о запрещеніи его журнала и въ то же время называя О—ка «уличеннымъ въ связахъ съ польскимъ возстаніемъ», а поставленная имъ при этомъ цифра 1862 г., очевидно, описка, или опечатка. Іосафатъ Огрызко, — тогда уже не издававшій никакой газеты, а занимавшій вліятельное мѣсто въ министерствѣ финансовъ, арестованъ былъ (и потомъ судимъ и сосланъ въ Сибирь) за связь съ возстаніемъ уже въ 1864 г. а газета его, «Słowo», была прекращена еще въ 1859 г.

Анненковъ, видимо смѣшивая два ареста Огрызка, разсказываетъ о письмѣ Тургенева такъ: «Мы видѣли черновую этого всеподданнѣйшаго письма очень краснорѣчиво составленнаго. Рѣшаемся на память передать его содержаніе. Не зная сущности дѣла, (?) Тургеневъ просилъ не о снисхожденіи къ виноватому, а о возстановленіи его во всѣхъ его правахъ. Письмо, между прочимъ, говорило, что арестованіемъ издателя польской газеты и упраздненіемъ ея самой, нарушаются великіе принципы царствованія, что мѣра потрясаетъ надежды и довѣріе, возлагаемыя на него русскимъ обществомъ, какъ на освободителя крестьянъ (?) и какъ на лицо, провозгласившее съ высоты престола неразрывное сліяніе интересовъ государства съ интересами подданныхъ; что онъ, проситель, считаетъ своимъ долгомъ высказаться откровенно, исполняя тѣмъ, во первыхъ, прямую обязанность вѣрноподданнаго, а во вторыхъ, выражая своимъ поступкомъ глубокую признательность за защиту, которую государю угодно было однажды оказать самому составителю письма.

«Письмо, говоритъ Анненковъ, конечно, не имѣло никакихъ послѣдствій для Тургенева и оставлено было безъ отвѣта. Тургеневъ разсказывалъ только потомъ, что, встрѣтившись съ государемъ на улицѣ и поклонившись ему, онъ могъ примѣтить строгое выраженіе на его лицѣ, а въ глазахъ прочесть какъ бы упрекъ: «не мѣшайся въ дѣло, котораго не разумѣешь».

———

Въ бумагахъ Герцена сохранилось два листка, на которыхъ написана черновая отвѣта на приведенное выше письмо Тургенева.

10 Марта (ошибка вм. Апр.) 1864. Elmfieldhouse Teddington S. W.

Я тоже долго думалъ, отвѣчать мнѣ или нѣтъ на твое письмо. И отвѣчаю больше изъ піэтета къ прошедшему, чѣмъ изъ желанія сблизиться въ настоящемъ. Къ тому же личное объясненіе — устраняетъ много недоразумѣній.

Въ твой послѣдній пріѣздъ — я видѣлъ, что мы разошлись (хотя въ самомъ дѣлѣ мы никогда особенно близки не были) — я отнесъ это долею къ раздраженію имѣвшему источникомъ неудачный романъ — и остался въ прежнихъ отношеніяхъ. Ты прекратилъ переписку — чтобъ это было изъ патріотизма, я не вѣрю, потому что у тебя никогда не было неистовыхъ политическихъ страстей. Испуганный вызовомъ

въ Россію, ты вдругъ прислалъ мнѣ съ Lindau записку и въ ней по секрету сообщилъ новость, напечатанную въ Nord'ѣ, и просилъ моего совѣта. Я тебѣ отвѣтилъ. Затѣмъ пріѣхалъ въ Лондонъ шпіонъ Хотинскій, я его уличилъ и написалъ въ предупрежденіе парижскихъ друзей — къ тебѣ письмо. Письмо это я себѣ не прощаю. Я его написалъ дружески — шутя. Это была ошибка. Ты не отвѣтилъ. Зная твой постоянный характеръ — по твоей прочной дружбѣ къ Миллеру Стрюбину и твое снисхожденіе къ пріятелямъ — по твоей близости съ такимъ шулеромъ и воромъ какъ Некрасовъ — я не могъ не удивиться неделикатному... Вскорѣ твое имя явилось въ числѣ подписчиковъ на раненныхъ. Не только дать два золотыхъ, но двѣсти не грѣхъ, но дать и м я на демонстрацію въ то время когда ясно обозначился періодъ Каткова и Муравьева — не изъ самыхъ цивическихъ поступковъ; особенно когда это идетъ отъ человѣка, никогда (кромѣ двухъ недѣль на Isle of Wight) не мѣшавшагося въ политику. Я понимаю, что поврежденный Аксаковъ наивно затесался въ кровавую грязь по горло — у него это послѣдовательно. Ну, а ты съ чего сѣлъ въ ту жъ канаву?

(Слѣдующія слова перечеркнуты: Мы утратили наше вліяніе, но придетъ время, когда русская молодежь, «дѣти» — которыхъ я не боюсь, скажутъ спасибо тѣмъ русскимъ, которые протестовали во время пущей оргіи подлѣйшаго, свирѣпѣйшаго патріотизма. Въ этомъ я увѣренъ. Ты не былъ обязанъ протестовать, но не долженъ былъ давать санкцію своимъ именемъ).

Что же такого удивительнаго, что я повѣрилъ, (зачеркнуто: тому, что въ Парижѣ слышалъ отъ различныхъ ближайшихъ твоихъ знакомыхъ, прямо или черезъ друзей — что ты писалъ Государю) что ты письменно отрекаешься отъ прежнихъ связей и это тѣмъ больше, что (зачеркнуто: это правда) ты это сдѣлалъ на самомъ фактѣ, что въ послѣднемъ письмѣ твоемъ (поправка «Дню») ты прямо говоришь о прекращеніи переписки. Мнѣ говорили, будто человѣкъ, которому ты п о к а з ы в а л ъ письмо, обратилъ твое вниманіе на эту фразу, но что ты ее оставилъ. Даю тебѣ честное слово, — что мнѣ это было сказано, этого ручательства тебѣ довольно, не могу же я называть именъ. (Зачеркнуто: Впрочемъ это было такъ распространено въ Парижѣ, что ты безъ меня доберешься. Если это выдумка — мнѣ жаль нѣсколькихъ

словъ напечатанныхъ, но я тебѣ объяснилъ, почему я не имѣлъ правъ отвергать этотъ слухъ).

Не ты одинъ съ нами такъ.

(Зачеркнуто: Оставь политику, укроти патрі) отизмъ, — будь снова независимымъ писателемъ и оставь насъ въ нашей опалѣ, мы вѣрой и правдой служили и служимъ своему дѣлу. Можетъ надобно новыя силы, новыя лица — мы охотно (Перечеркнуто: передадимъ «дѣтямъ» отцовское дѣло. Впрочемъ быть въ опалѣ у общественнаго мнѣнія — надъ которымъ царитъ подлый Катковъ, не бѣда еще.

Что насъ оставили такіе вѣчные мастурбаторы идей, искуства, политики и пр. какъ Боткинъ [1]) — это почти пріятно. Онъ смотритъ на міръ какъ старики на похабныя изображенія и влекутся къ силѣ, какъ все слабое, дряблое. Ты объ немъ много разъ мнѣ говорилъ — и я знаю твое мнѣніе. Этотъ человѣкъ ругавшій типографію въ началѣ — сдѣлался поклонникомъ ея во время полнаго успѣха. Этотъ патріотъ — со слезами на глазенкахъ — толковалъ о томъ, какъ онъ былъ тронутъ польской депутаціей ко мнѣ, которую онъ случайно засталъ въ Парижѣ).

(На другомъ листкѣ): Мы испытываемъ отливъ людей съ 1863 такъ какъ испытывали его приливъ отъ 1856—1862. Какой нибудь одряхлѣвшій мастурбаторъ — искуства, науки, политики — который смотритъ на міръ какъ старики на похабныя картинки словомъ какой нибудь Б., ругавшій при Николаѣ рус. типогр. и сдѣлавшійся моимъ поклонникомъ во время успѣха, ругаетъ насъ снова изъ патріотизма — только смѣшно особенно когда вспомнишь какъ онъ со слезами на глазенкахъ восторгался когда я принималъ въ Парижѣ польскую депутацію.

Придетъ время не Отцы такъ Дѣти оцѣнятъ тѣхъ трезвыхъ, тѣхъ честныхъ русскихъ которые одни протестовали и будутъ протестовать противъ гнуснаго умиротворенія [2]). Наше дѣло можетъ кончено. Но память того что не вся Россія стояла въ разношерстномъ стадѣ Каткова останется. И твоя совѣсть тебѣ это скажетъ и размякшій мозгъ Боткина еще осилитъ понять. Мы спасли честь имени русскаго — и (за) это пострадали отъ рабскаго большинства.

Желаю отъ души чтобъ ты сдѣлался тѣмъ чѣмъ былъ

---

[1]) Василій. [2]) Польши. *М. Др.*

независимымъ писателемъ и вовсе не тенденціознымъ, а просто писателемъ.

Я не знаю чѣмъ Б(акунинъ) заслужилъ твою брань. Недостатки его я зналъ. И у насъ не безъ нихъ. Что же за преступленія за нимъ, я нез наю.

Затѣмъ будь здоровъ и (неразборчиво)

10 Апрѣля 1864. X

ПИСЬМО LIII.

Баденъ-Баденъ. Schillerstrasse, 277. Пятница, 17 Мая 1867.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ — ты навѣрное удивишься, а пожалуй, и вознегодуешь, получивъ отъ меня письмо. Но «alea jacta est.», какъ говаривалъ безстыдный старецъ Ламартинъ. Мнѣ вздумалось послать тебѣ экземпляръ моего новаго произведенія — да кстати сказать тебѣ два слова.

Хотя ты совершенно справедливо замѣтилъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ, что мы никогда очень близки другъ другу не были, однако и особеннаго отчужденія между нами не произошло, такъ какъ великія вины мои до сихъ поръ ограничились (дай Ботъ памяти!) тремя фактами: 1) Мое имя было выставлено въ числѣ лицъ, подписавшихся въ пользу раненныхъ во время польской войны; 2) я не узналъ тебя, встрѣтившись съ тобою въ Парижѣ на улицѣ и 3) Московскія Вѣдомости назвали меня дорогимъ гостемъ. Больше ничего, при всѣхъ усиліяхъ, я пока припомнить не могу; ибо то, въ чемъ упрекаетъ меня республиканецъ князь Долгоруковъ, а именно: что я ему не отдалъ визита и, будто бы, умолялъ о спасеніи на горящемъ пароходѣ — не можетъ, кажется, причитаться мнѣ въ политическій грѣхъ. И такъ посылаю тебѣ свое новое произведенія. Сколько мнѣ извѣстно, оно возстановило противъ меня въ Россіи— людей религіозныхъ, придворныхъ, славянофиловъ и патріотовъ. Ты не религіозный человѣкъ и не придворный; но ты славянофилъ и патріотъ и, пожалуй, прогнѣваешься тоже; да сверхъ того и Гейдельбергскія мои арабески тебѣ, вѣроятно, не понравятся,—какъ бы то ни было, дѣло сдѣлано.

Одно меня нѣсколько ободряетъ: вѣдь и тебя партія молодыхъ рефюжьэ пожаловала въ отсталые и въ реакц: разстояніе между нами и поуменьшилось. Если ты не считаешь меня пришедшимъ въ такое положеніе, что и переписываться со мною нельзя, то погроми меня или поперсифлируй, а главное, увѣдомь о себѣ и о твоемъ семействѣ: это меня интересуетъ. Если же сообщенія со мною ты считаешь невозможными, то прими отъ меня прощальный поклонъ и искреннее пожеланіе всего хорошаго и «наслажденій ею, сей легкой жизнью» и т. д.

Ив. Тургеневъ.

Встрѣча Т. и Г. вѣроятно, состоялась въ 1865 г. Кажется къ этому совмѣстному пребыванію въ Парижѣ Герцена и Тургенева относятся слѣдующія слова Т—ва въ письмѣ къ Анненкову отъ 12 Февраля 1865 г.: «Я съ Вами согласенъ: дѣйствительно плохо писателю долго не видать своего отечества: но въ такомъ случаѣ есть одно вѣрное средство не провираться — а именно: молчать. Редакторъ упомянутой вами газеты, которая не молчитъ, находится здѣсь, но я не встрѣчался съ нимъ». В. Евр. 1887, Февр. 464).

Новое произведеніе — романъ «Дымъ».

Объ отношеніи между Герценомъ и «молодыми русскими рефюжьэ» даетъ понятіе ругательная брошюра Серно-Соловьевича «Unsere Russische Angelegenheiten». Характеристику этихъ «рефюжье» сдѣлалъ Герценъ въ одномъ изъ очерковъ, «Общій Фондъ», помѣщенномъ въ «Посмертныхъ сочиненіяхъ».

ПИСЬМО LIV.

Баденъ-Баденъ. Schillerstrasse, 7 (не 277) Середа, 22 Мая 1867.

Я послалъ тебѣ мою повѣсть по прочтеніи твоей замѣтки въ Колоколѣ, любезный А. И.: изъ этого ты можешь видѣть, какъ мало я осерчалъ. Ты въ письмѣ твоемъ къ И. С. Аксакову говоришь, что тебѣ минуло 55 лѣтъ, мнѣ въ будущемъ году стукнетъ 50. Это лѣта с м и р н ы я — да и что тамъ не говори, мы, благодаря нашему прошедшему, времени

нашего появленія въ свѣтъ и т. д. все таки ближе стоимъ другъ къ другу, легче понимаемъ другъ друга, чѣмъ разногодники.

А счеты свести мнѣ очень легко. Единственная вещь которая меня самого грызетъ, это мои отношенія съ Катковымъ, какъ онѣ ни поверхностны. Но я могу сказать слѣдующее: Помѣщаю я свои вещи не въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, эдакой бѣды со мной, надѣюсь, никогда не случится, а въ «Русскомъ Вѣстникѣ», который — ничто иное какъ сборникъ и никакого политическаго колорита не имѣетъ а въ теперешнее время Русскій Вѣстникъ есть единственный журналъ, который читается публикой и который платитъ. Не скрываю отъ тебя, что это извиненіе не совсѣмъ твердо на ногахъ, но другого у меня нѣту. «Отечественныя Записки» единственный соперникъ «Русскаго Вѣстника» — и половины денегъ дать не могутъ. А мнѣніе мое о «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и объ ихъ редакторѣ остается тоже самое, которое я высказывалъ Авдѣеву.

Тебѣ наскучилъ Потугинъ, и ты сожалѣешь что я не выкинулъ половину его рѣчей. Но представь: я нахожу, что онъ еще не достаточно говоритъ и въ этомъ мнѣніи утверждаетъ меня всеобщая ярость, которую возбудило противъ меня это лицо. Іосифъ II говорилъ Моцарту, что въ его операхъ слишкомъ много нотъ — «keine zu viel» — отвѣчалъ тотъ. Я не Моцартъ, еще гораздо меньше, чѣмъ ты не Іосифъ II, но и я осмѣлюсь думать, что тутъ «kein Wort zu viel». То, что за границей избито какъ общее мѣсто, у насъ можетъ приводить въ бѣшенство своей новизной.

Подъ гейдельбергскими арабесками я разумѣю сцены у Губарева.

Письмо твое къ Аксакову я прочелъ уже прежде, но съ удовольствіемъ прочелъ его... Я нахожу, что ты дѣлаешь слишкомъ много «Kratzfüsse vor den Slavophilen», которыхъ по старой памяти носишь въ сердцѣ. Мнѣ кажется, что еслибъ ты понюхалъ то постное масло, которымъ они всѣ отдаютъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Сергѣичъ женился на первой Всероссійской лампадкѣ, ты бы нѣсколько попридержалъ свое умиленіе.

Меня радуютъ добрыя вѣсти о твоей семьѣ; самъ же я точно былъ боленъ продолжительнымъ припадкомъ подагры (увы и ахъ!), но теперь я почти здоровъ. Награж-

деніе меня подагрою, это рѣшительное поощреніе всѣмъ кутиламъ и пьяницамъ: ужъ на что, кажется, былъ я трезвъ и тихъ!

Ну, а за симъ жму тебѣ руку — in alter cordialer Freundschaft».

Ив. Тургеневъ.

Замѣтка въ «Колоколѣ» о «Дымѣ. «Колоколъ», № 239. 15 Апрѣля 1867 г. Omne exit in fumo.

«Нашъ дорогой гость И. С. Тургеневъ, говорятъ «Моск. Вѣдомости, будетъ читать въ пользу Галичанъ отрывокъ изъ своего «Дыма». Мы увѣрены, что И. С. Тургеневъ будетъ протестовать противъ титула «дорогого гостя» Моск. Вѣдомостей. Его благородная и энергическая оцѣнка полицейской редакціи этого органа служитъ намъ залогомъ.

«Поздравляемъ знаменитаго «Охотника» съ началомъ политической дѣятельности: агитація въ пользу Галицкаго возстанія, мы надѣемся, будетъ успѣшнѣе болгарской и отъ души желаемъ, чтобъ не смотря на отрывки «Дыма», она не кончилась, какъ болгарская и Травіата — кашлемъ, а здоровой грудью пошла бы впередъ».

«Колоколъ» № 240. (1 Мая 1867).

Новый романъ Тургенева «Дымъ», пріобрѣтенъ, говоритъ Вѣсть, Р. В—омъ за пять тысячъ руб. Вотъ и награда Т—ву за Дымъ, а Каткову за то, что его чадъ террора и доносительства проходятъ...»

Что Тургеневъ самъ тяготился своими отношеніями къ «Русскому Вѣстнику» видно напр. изъ писемъ его къ Анненкову еще въ 1863 г., 27 Сентября:

«Я «Русскому Вѣстнику» долженъ 300 р., и онъ бы принялъ «Призраки» охотно, но мнѣ какъ-то не хочется печататься у Каткова» (В. Евр. 1887, Янв. 13—14). Въ 1864 г. (13 Апр.) онъ повторяетъ: «Я Каткову долженъ 300 р., но я рѣшительно не хочу у него печататься, и, нечего дѣлать, вышлю ему деньги». Это писалось по поводу «Собаки» которую Т. наконецъ отдалъ въ «СП.-Вѣдомости» Вал. Ѳ. Корша, (противныя Каткову) только въ 1866 г., — по случаю чего Т. писалъ А—ву: «а баронамъ московскимъ я напишу, что это, молъ, для вашей «Ревю» слишкомъ легкій товаръ. (ibid., 23 Февр. 473).

Письмо къ Аксакову или «Отвѣтъ Аксакову» напечатанъ былъ въ № 240 Колокола, 1 Мая 1867 г. Это былъ отвѣтъ на замѣтку, которую сдѣлалъ Ив. Аксаковъ, въ газетѣ своей «Москва» къ письму Герцена, по поводу перепечатки въ «Голосѣ» (1867 г., № 46) статьи изъ «Варшавскаго Дневника» съ словами: «существованіе общества поджигателей, къ которому принадлежатъ Герценъ и Бакунинъ, сдѣлалось неопровержимымъ фактомъ и потому было занесено въ всеподданнѣйшій отчетъ генералъ-полиціймейстера» (Ц. Польскаго, ген. Трепова) Герценъ заявлялъ, что онъ не только къ обществу под-

жигателей, но ни къ какому обществу на принадлежитъ. Аксаковъ помѣстилъ его письмо, но съ замѣткою, что «пусть-де г. Герценъ и не участвовалъ въ обществѣ поджигателей, но онъ виноватъ передъ Россіей поддержкою польскаго возстанія, а потому приглашалъ Герцена «покаяться передъ Россіею». Перепечатывая въ № 239 Колокола свое «Письмо къ И. С. Аксакову» и его замѣтку, Герценъ прибавляетъ между прочимъ: «Если бы эти строки, состоящія изъ ахинловыхъ пятокъ, писалъ кто нибудь, а не И. С. Аксаковъ, я жестоко отвѣчалъ бы на нихъ. Но у меня есть какая то непскоренимая память сердца и въ силу ея уваженіе къ прошлому, съ которымъ связаны другія воспоминанія и къ лицамъ соприкасавшимся съ нимъ» — и въ слѣдующемъ №-рѣ «Колокола» напечаталъ «Отвѣтъ И. С. Аксакову» который хвалитъ Тургенева. Въ этомъ отвѣтѣ Герценъ говоритъ, что ему надо не каяться, а звать другихъ къ покаянію, потому что онъ все идетъ по той дорогѣ, на которой ему до 1862 г. рукоплескали и тѣ, кто теперь противъ него [1]). Далѣе объясняетъ свое отношеніе къ польскому возстанію, какъ къ дѣлу дуэли между двумя одинаково дорогими людьми, и наконецъ фактически опровергаетъ обвиненія въ «тульчинской агитаціи» и поджиганіи.

ПИСЬМО LV.

Баденъ-Баденъ Schillerstasse, 7. Вторникъ $\frac{4\ \text{Іюня}}{23\ \text{Мая}}$ 1867.

Спасибо за письмо и за присланный № Колокола, любезнѣйшій А. И. — Въ бесѣдѣ «Съ того свѣта» я узналъ особую, тебѣ свойственную манеру и хотя я самъ принадлежу къ охрипшимъ тенорамъ, однако перечелъ все съ истиннымъ удовольствіемъ. Самъ — «обломокъ корабля», какъ говоритъ Эдипъ, а ничего, сочувствую, когда возводятъ мою дряхлую древесину въ «перлъ созданія».

Я и готовъ тебѣ услужить, но лѣнь мною овладѣла сильная, да и требуешь ты многаго въ немногихъ словахъ: описать общество старое и молодое да еще съ трехъ точекъ зрѣнія! — Постараюсь что нибудь высидѣть, можетъ, въ прокъ пойдетъ.

Можешь ты меня увѣдомить, кто это Вырубовъ, ко-

---

[1]) Мы напомнимъ письма къ Герцену самого И. С. Аксакова, напечатанныя въ «Вольномъ Словѣ» 1 Мая 1883, № 60.

торый вмѣстѣ съ Литтре издаетъ Revue positive? Я подписался на этотъ журналъ, ибо очень высоко цѣню Литтре.

Я экземпляръ «Дыма» выслалъ тебѣ тогда же съ письмомъ. Критику «Голоса» я читалъ и кромѣ того знаю, что меня ругаютъ всѣ — и красные, и бѣлые, и сверху, и снизу, и сбоку — особенно сбоку. Даже негодующіе стихи появились. Но я что то не конфужусь и не потому, что воображаю себя непогрѣшимымъ; а такъ какъ то — словно съ гуся вода. Представь себѣ. я даже радуюсь, что мой ограниченный западникъ Потугинъ появился въ самое время этой всеславянской пляски съ присядкой, гдѣ Погодинъ такъ лихо вывертываетъ па съ гармоникой подъ осѣняющей десницей Филарета.

Я что то не совсѣмъ понялъ твое «ябедничанье» Долгорукому. Не знаю твоихъ отношеній къ нему, но это одинъ изъ немногихъ людей, которыхъ я и не желалъ бы, да презираю. Извини меня, если это выраженіе тебя оскорбитъ. Но я что то не вѣрю, чтобы ты могъ уважать человѣка, который напечаталъ, что если мол вы вздумаете сдѣлать мнѣ процессъ, я тотчасъ публикую всѣ разговоры, которые имѣлъ съ вами. 3-ье отдѣленіе должно воспрескать подобной благородной рѣшимости.

Поклонись твоимъ дѣтямъ, если они меня помнятъ, особенно старшей твоей дочкѣ. Будь здоровъ.

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

«Съ того свѣта» — второй очеркъ изъ серіи «Безъ связи» (Отрывки изъ путешествія) напечатанный въ 241, 242 и 243 №№ «Колокола» (15 Мая—15 Іюня 1861). Въ очеркѣ «Съ того свѣта» набросаны эскизы разныхъ отсталыхъ личностей, доживающихъ вѣкъ на берегахъ итальянскихъ и въ «водяныхъ пятнахъ (Flecken) нѣмецкихъ.

«Всеславянской пляской въ присядку» Тургеневъ называетъ агитацію въ русской столичной прессѣ по поводу пріѣзда западныхъ славянъ на московскую выставку лѣтомъ 1867 г. Характеръ этой «пляски» опредѣляется между прочимъ тѣмъ, что въ ней было забыто даже имя М. А. Бакунина, — единственнаго великорусса (кромѣ старообрядческаго попа изъ Австріи), который былъ на первомъ славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ въ 1848 г. (По поводу этого забвенія Герценъ напечаталъ въ № 244—245 «Колокола» (1 Іюля 1867) «Изъ письма къ М. Бакунину») и что въ московскомъ съѣздѣ не участвовалъ и Костомаровъ, основатель перваго панславистическаго общества въ Россіи.

ПИСЬМО LVI.

Баденъ-Баденъ. Schillerstasse, 7. 12 Декабря 1867.

Любезный Александръ Ивановичъ, я получилъ и прочиталъ твой французскій Колоколъ. Спасибо за память. Что касается до самой твоей статьи, то вѣдь это между нами старый споръ: по моему понятію, ни Европа не такъ стара, ни Россія ни такъ молода, какъ ты ихъ представляешь: мы сидимъ въ одномъ мѣшкѣ и ни какого за нами «спеціально- новаго слова не предвидится. Но дай Богъ тебѣ прожить сто лѣтъ и ты умрешь послѣднимъ славянофиломъ и будешь писать статьи умныя, забавныя, парадоксальныя, глубокія, которыхъ нельзя будетъ не дочитать до конца. Сожалѣю я только о томъ, что ты почелъ нужнымъ нарядиться въ платье, не совсѣмъ тебѣ подходящее. Вѣрь мнѣ, или не вѣрь, какъ угодно, но для такъ называемаго в о з д ѣ й с т в і я на европейскую публику, всѣ твои статьи безполезны...

Явись, напр. великій русскій живописецъ, его картина будетъ лучшей пропагандой, чѣмъ тысячи разсужденій о способностяхъ нашего племени къ искусству. Люди вообще порода грубая и нисколько не нуждающаяся ни въ справедливости, ни въ безпристрастіи; а ударь ихъ по глазамъ или по карману... это другое дѣло. Но впрочемъ, я, можетъ быть, ошибаюсь, а ты правъ: посмотримъ. Во всякомъ случаѣ моментъ едва ли хорошо выбранъ; теперь дѣйствительно поставленъ вопросъ о томъ, кому одолѣть: Наукѣ или Религіи? Съ какой тутъ стати Россія?

Такъ какъ первый экземпляръ «Дыма» до тебя не дошелъ, то я хочу попытаться снова и посылаю тебѣ экземпляръ отдѣльнаго московскаго изданія, въ которомъ возстановлены всѣ пропуски катковской цензуры. Сама книга тебѣ разумѣется, не понравится, но на 97-й страницѣ находится біографія генерала Ратмирова, которая быть можетъ заставитъ тебя улыбнуться.

За симъ прощай; увѣдомь меня о себѣ и о семействѣ. Я живу здѣсь анахоретомъ и къ сожалѣнію не могу ходить на охоту. Колѣнко болитъ вслѣдствіе неловкаго движенія Будь здоровъ.

Ив. Тургеневъ.

«Колоколъ» на французскомъ языкѣ сталъ выходить 1 Янв. 1868 г. Тургеневъ, очевидно, получилъ еще корректурные листки №-ра. Статья Герцена въ этомъ №-рѣ Prolegomènes, въ которой онъ объясняетъ европейской публикѣ цѣль изданія, посвященнаго ознакомленію Европы съ Россіей, которая въ это время (послѣ славянскаго съѣзда въ Москвѣ) вновь стала пугаломъ для Европы. Герценъ резюмируетъ далѣе свои обычныя мысли о «старомъ мірѣ», не способномъ осуществить теоретически провозглашенную имъ свободу и равенство и рожденный имъ соціализмъ, — и Россіи съ ея общинами, артелями въ народѣ, реалистами-нигилистами въ молодежи.

Въ этой статьѣ между прочимъ Герценъ вспомнилъ легенду «о смерти Пана» въ день распятія Христа, — и рожденія христіанства. Легенду эту обработалъ потомъ и Тургеневъ въ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ».

По поводу «катковской цензуры» «Дыма», — какъ видно, у автора были сильныя препирательства съ редакторомъ, о которыхъ, впрочемъ, пока ничего не извѣстно положительно, такъ какъ ни переписка между Тургеневымъ и Катковымъ, ни устные споры ихъ не обнародованы. Только Анненковъ сообщаетъ, что Тургеневъ въ Январѣ 1867 г. «спѣшилъ въ Москву, гдѣ въ Р. В. долженъ былъ появиться «Дымъ». Съ этого же времени начинается (?) у Тургенева разладъ съ московскою редакціей; послѣ «Дыма» онъ напечаталъ въ Москвѣ еще «Несчастную». (В. Евр. 1887, Февр. 477).

Вѣроятно, моделью Ратмирова служилъ какой нибудь «молодой генералъ», лично знакомый и Герцену.

ПИСЬМО LVII.

Баденъ-Баденъ. Schillerstrasse, 7. 25/13 Декабря 1867.

Любезный А. И. Во первыхъ спасибо за отвѣтъ, а во вторыхъ за брошюру твоего сына, которую я прочелъ съ великимъ удовольствіемъ: ясно, дѣльно, интересно. И представь себѣ, что вычиталъ изъ нея самое сильное тебѣ опроверженіе: сынъ твой, какъ человѣкъ положительный и практическій, вѣритъ только въ науку т. е. расчитываетъ только на нее; а ты, романтикъ и художникъ... вѣришь въ народъ, въ особую породу людей, въ извѣстную расу: вѣдь это въ своемъ родѣ тоже троеручица! И все это по милости придуманныхъ господами и навязанныхъ этому народу совершенно чуждыхъ ему демократическихъ соціальныхъ тенденцій въ родѣ «общины» и «артели». Отъ общины Россія

не знаетъ какъ одчураться, а что до артели — я никогда не забуду выраженія лица, съ которымъ мнѣ сказалъ въ нынѣшнемъ году одинъ мѣщанинъ: «кто артели не знавалъ, не знаетъ петли». Не дай Богъ, чтобъ безчеловѣчно эксплуататорскія начала, на которыхъ дѣйствуютъ наши артели», когда нибудь примѣнились въ болѣе широкихъ размѣрахъ! «Намъ въ артель его не надыть: человѣкъ онъ хоша не воръ, безденежный и поручителевъ за себя не имѣетъ, да и здоровьемъ не надеженъ — на кой его намъ лядъ!» Эти слова можно услыхать сплошь да рядомъ: далеко какъ изволишь видѣть до fraternité или хоть до Шульце-Деличевской ассоціаціи! Ты указываешь мнѣ на Петра, и говоришь — смотри: Петръ то умираетъ, едва дышетъ»; — согласенъ — да развѣ изъ этого слѣдуетъ что Иванъ здоровъ? Особенно, если принять въ соображеніе, что Иванъ точно такой же комплекціи какъ Петръ, и тою же болѣзнью боленъ. Нѣтъ, братъ, какъ ни вертись, а старикъ Гете правъ: — der Mensch (der europäische Mensch) ist nicht geboren frei zu sein — почему? это вопросъ физіологическій, а общество рабовъ съ подраздѣленіемъ на классы попадается на каждомъ шагу въ природѣ (пчелы и т. д.) — и изо всѣхъ европейскихъ народовъ именно Русскій менѣе всѣхъ другихъ нуждается въ свободѣ. Русскій человѣкъ, самому себѣ предоставленный неминуемо выростаетъ въ старообрядца вотъ куда его гнетъ, его претъ, а вы сами лично достаточно обожглись на этомъ вопросѣ, чтобы не знать, какая тамъ глушь и темь и тиранія. Что же дѣлать? Я отвѣчаю какъ Скрибъ: prenez mon ours — возьмите науку, цивилизацію и лечите этой гомеопатіей мало по малу. А то ножалуй дойдешь до того, что будешь, какъ Ив. Сер. Аксаковъ, рекомендовать Европѣ для совершеннаго исцѣленія обратиться въ православіе. Вѣра въ народность — есть тоже своего рода вѣра въ бога, есть религія — а ты — непослѣдовательный славянофилъ, чему я лично впрочемъ очень радъ.

И выходитъ, что мы оба удивляемся — каждый про себя — какъ это другой не видитъ того, что кажется такъ ясно! Но это не мѣшаетъ — мнѣ по крайней мѣрѣ — искренно любить тебя и дружески жать тебѣ руку. Поклонись всѣмъ своимъ. Сынъ твой молодецъ. Съ Дол. такъ и надо было покончить. А что дѣластъ «весенняя свѣжесть» Бакунина?

Твой Ив. Т.

P. S. Я совсѣмъ не знаю Кельсіева и не могу судить о причинахъ, заставившихъ его ударить челомъ; посмотримъ, какъ онъ будетъ держаться.

Брошюра А. А. Герцена «Физіологія Воли».
Эмигрантъ Вас. Кельсіевъ, — сотрудникъ Огарева по агитаціи среди раскольниковъ, — въ это время возвратился въ Россію.

ПИСЬМО LVIII.

Карлсруэ. Hotel Prinz Max. Вторникъ 2 Марта / 18 Февраля 69.

Любезный другъ Александръ Ивановичъ, прочелъ я на дняхъ твою послѣднюю «Полярную Звѣзду» и захотѣлось мнѣ опять перекинуться съ тобой двумя словами, — узнать, что ты дѣлаешь, какъ твое здоровье, что твои дѣти? Именно сегодня мнѣ это захотѣлось, такъ какъ сегодня годовщина смерти Николая и начала хотя нѣсколько новой жизни у насъ. Время летитъ быстро и какъ оглянешься, сильно начинаетъ насъ пощелкивать: Вонъ Боткинъ лежитъ какъ пластъ въ параличѣ въ Римѣ, Милютинъ доживаетъ послѣдніе дни въ Швейцаріи, у меня уже было два припадка подагры... Ты скажешь мнѣ, что съ этими людьми у тебя нѣтъ ничего общаго (или, можетъ быть, ты для меня сдѣлаешь исключеніе?). Но все равно, это были товарищи, и какъ видишь, что начинаетъ разлагаться современная ячейка, покорившая подъ иго своей отдѣльности разные газы земли и соли, такъ и за свою ячейку начинаешь нѣсколько безпокоиться. Перевалившись за 50 лѣтъ, человѣкъ живетъ какъ въ крѣпости, которую осаждаетъ, и рано или поздно возьметъ смерть... Надо защищаться и не по Тотлебенски, безъ вылазокъ.

Ты, вѣроятно, получаешь русскіе журналы; прочти въ Мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы» мои «Воспоминанія о Бѣлинскомъ»; быть можетъ, это тебя заинтересуетъ.

Да что, ты временно живешь въ Ниццѣ или на постоянное жительство тамъ поселился? Увѣдомь меня. Я переѣхалъ

въ Карлсруэ вслѣдъ за семействомъ Віардо, которые поселились здѣсь на зиму для воспитанія своихъ дочерей.

Посылаю тебѣ фотографическую мою карточку и былъ бы весьма тебѣ благодаренъ, еслибъ ты въ замѣнъ прислалъ мнѣ твою.

Дружески жму тебѣ руку и желаю всего хорошаго.

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

Тургеневъ всегда относился симпатично къ Н. А. Милютину, а въ то время находился въ частной переписке съ нимъ и его женой. (См. въ Русской Старинѣ, 1884, Январь, 175 и слѣд.). Остзейскій товарищъ Тургенева по берлинскому университету Б. У. Ф. разсказываетъ, что Милютинъ сообщилъ Тургеневу свой планъ политическихъ и аграрныхъ реформъ передъ отъѣздомъ въ Польшу въ 1864 г. Въ 1882 г. когда этотъ остзеецъ выразилъ Тургеневу свое неудовольствіе за «возвеличеніе» Милютина въ статьяхъ Leroy Beaulieu, Т. написалъ ему: хотя дѣятельность его (Милютина) въ Польшѣ требуетъ многихъ оговорокъ (впрочемъ онъ самъ назвалъ ее Тамерлановымъ дѣломъ и видѣлъ въ немъ печальную необходимость) тѣмъ не менѣе я никогда не забуду огромныхъ услугъ, оказанныхъ имъ Россіи въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, и далекій отъ того, чтобы видѣть въ Милютинѣ, какъ вы выражаетесь, злого генія, я привѣтствую въ лицѣ его одного изъ нашихъ великихъ и рѣдкихъ государственныхъ людей. Конечно, не его вина, если великое дѣло освобожденія крестьянъ не дало всѣхъ тѣхъ результатовъ, какіе мы были вправѣ ожидать отъ него; это вина тѣхъ людей, которымъ удалось включить въ великій актъ нѣкоторыя пагубныя статьи»... (Здѣсь, очевидно, пропускъ). (Русская Старина 1884, Май, 397—398). — Б. У. Ф. упоминаетъ, что Тургеневъ читалъ ему замѣтки о разговорѣ, который онъ имѣлъ съ Милютинымъ до отъѣзда его на свой постъ въ Варшавѣ. Гдѣ эти замѣтки?

ПИСЬМО LIX.

Карлсруэ. Hotel Prinz Max. Четвергъ, 11 Марта 69.

Любезный другъ Александръ Ивановичъ!

Отвѣчаю на твое письмо. Позволь мнѣ тотчасъ же удивиться слову: «Злоба», которымъ оно начинается. Ты бы

былъ весьма несправедливъ, если бъ питалъ ко мнѣ какую либо злобу; ибо я передъ тобой, какъ говорится, какъ Христосъ передъ жидами: вотъ ужъ точно: ни дѣломъ, ни помышленіемъ. Во мнѣніяхъ мы расходились и расходимся, но это бываетъ между самыми близкими пріятелями. Сожалѣю о томъ, что не освѣдомился объ Н. П. Огаревѣ: извини этотъ «lapsus calami». Я à tort ou à raison, никогда не былъ высокаго мнѣнія объ его литературной дѣятельности; но всегда искренно уважалъ его и знаю, какое у него золотое сердце. Узналъ я о несчастномъ случаѣ его постигшемъ только въ началѣ нынѣшней зимы т. е. чуть не годъ спустя; при томъ мы тогда не переписывались. Скажи мнѣ, гдѣ онъ теперь и что съ нимъ?

Я прочелъ твои «Adieux de Fontainebleau» въ Колоколѣ. Я всегда сожалѣлъ о томъ, что ты не кончилъ разомъ, а какъ Рейнъ, разбивающійся на множество мелкихъ ручьевъ при впаденіи въ море; и особенно мнѣ было досадно, что ты могъ вообразить, будто французамъ нужно знать правду о чемъ бы то ни было, не говоря уже о Россіи! Наши дѣла и мы сами отнесены въ прошедшее: хоть бы тамъ остаться на время!

Не предвижу никакого затрудненія твоему вояжу въ Германію; я увѣренъ, что никому въ голову не придетъ тебя безпокоить. Если на возвратномъ пути изъ Карлсбада тебѣ бы вздумалось завернуть въ Баденъ, я надѣюсь, ты у меня остановишься, и я могу тебя посадить на самое то кресло, на которомъ возсѣдала прусская королева. Оно мягкое ничего!

Кстати — тебѣ уже вѣроятно извѣстны слухи, которые ходятъ о тебѣ, о твоей перепискѣ съ о. Раевскимъ въ Вѣнѣ и т. д. Всѣ русскіе журналы объ этомъ толковали, а вотъ тебѣ вырѣзка изъ «Kölnische Zeitung» (67 № Понедѣльникъ 8 Марта). Я этому не вѣрю ни на волосъ, но можетъ быть ты сочтешь нужнымъ сказать публично два слова?

Увы! я не вполнѣ заслуживаю твою похвалу на счетъ того, что болѣе не печатаюсь у Каткова. Въ 1 № Русскаго Вѣстника помѣщена моя повѣсть подъ заглавіемъ «Несчастная». Если хочешь, я пришлю тебѣ экземпляръ. Катковъ плотитъ очень дорого, а меня мой почтенный дядюшка, управляя моимъ имѣніемъ, чуть по міру не пустилъ.

Будешь писать твоимъ дѣтямъ, напомни имъ обо мнѣ.

Сынъ твой прислалъ мнѣ свою диссертацію, которую я прочелъ съ интересомъ. И такъ онъ женится, и ты скоро дѣдушка? Esempre bene!

Дружески жму тебѣ руку и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

Несчастный случай съ Огаревымъ — паденіе его на улицѣ, имѣвшее серьезныя болѣзненныя послѣдствія.

Adieux de Fontainebleau — Письмо Герцена къ Огареву о прекращеніи «Колокола» и на французскомъ языкѣ,— въ №-рѣ 14—15, помѣченномъ 1 Декабря 1868.

«Несчастная» — было послѣднее произведеніе Тургенева, напечатанное въ журналѣ Каткова.

Объ управленіи имѣніемъ Т—ва его дядей, см. письма къ брату, въ Р. Старинѣ.

ПИСЬМО LX.

Карлсруе. Hotel Prinz Max. Четвергъ, 16 Марта 69.

Любезный другъ А. И.! — Сообщенное о тебѣ извѣстіе опровергается въ русскихъ газетахъ — (и уже въ Кельнской) — и говорится только о просьбѣ твоего сына — (не знаю, на сколько она справедлива) — воротиться на время въ Россію, для устройства твоихъ дѣлъ. Въ Парижѣ я уже далъ знать, что это враки. Не думаю, что въ этомъ случаѣ былъ пущенъ Шуваловымъ ballon d'essai; я бы очень удивился, еслибъ съ тобой поступили какъ съ Кельсіевымъ: не забудь, ты оскорбилъ семью — (самый твой непростительный méfait — статья объ Александрѣ Ѳедоровнѣ) — этого тебѣ не забудутъ. Дуракъ Погодинъ на сей разъ правду сказалъ и вѣроятно не всю даже правду. Но заявленіе отъ тебя лично необходимо.

Биржевыхъ Вѣдомостей здѣсь достать не возможно; еслибъ ты прислалъ листъ № подъ бандеролью (sous bande) я бы аккуратно отправилъ его обратно.

А Бакунинъ видно перемѣнилъ свои убѣжденія: онъ въ Лондонѣ, въ послѣдній разъ когда я его видѣлъ, еще вѣрилъ въ личнаго Бога, и въ разговорѣ со мной на старый

романтическій ладъ, ходя ночью при лунѣ по улицѣ, — осуждалъ тебя за невѣріе. — Чтожъ? отчего не открыть глаза передъ истиной; но весь вопросъ въ томъ: представляетъ ли подобная демонстрація практическую пользу? Это ли нужно говорить теперь рабочимъ? Одну развѣ выгоду онъ представляетъ: если въ цѣломъ мірѣ вообще не существуетъ gouvernement fort, то какъ же ему существовать въ соціализмѣ? Да; но чтоже останется тогда отъ соціализма?

Лассалійцы были и здѣсь въ Карлсруэ — собирали митинги въ пивоварняхъ и проповѣдывали; но успѣха не получили.

Что дѣлать? Я останусь индивидуалистомъ до конца; и новое слово выдуманное Бакунинымъ — congrégationiste — меня не подкупаетъ: нарушеніе личной свободы я вижу также и въ томъ, что онъ — довольно смутно — желаетъ представить.

Будь здоровъ — жму тебѣ руку.

Ив. Тургенъ.

Извѣстіе о томъ, будто Герценъ хлопочетъ о дозволеніи ему возвратиться въ Россію часто повторялось, особенно въ нѣмецкихъ газетахъ, всегда довольно враждебныхъ къ Герцену какъ къ «панслависту».

Шуваловъ, гр. П. А. тогдашній шефъ жандармовъ. О прежнемъ либерализмѣ его см. въ письмѣ Громеки къ Герцену, въ «Вольномъ Словѣ» 1883, № 57.

Погодинъ тогда посвятилъ въ своей газетѣ «Русскій» нѣсколько статей Герцену, съ которымъ встрѣчался передъ тѣмъ на водахъ и обмѣнялся письмами.

Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» 1869 г., № 73 напечатана была уличная, грубо ругательная статья о Герценѣ.

Отзывъ о Бакунинѣ написанъ по поводу его рѣчей на Бернскомъ конгрессѣ «Лиги Мира и Свободы», которыя были напечатаны и въ «Колоколѣ». Въ этихъ рѣчахъ онъ предложилъ Лигѣ принять соціалистическую программу, а также отрицаніе всѣхъ религій и признаніе, что «существованіе бога не согласно съ счастіемъ, достоинствомъ, разумомъ, нравственностью и свободой людей». Когда большинство конгресса не приняло резолюцій въ томъ смыслѣ, Бакунинъ съ нѣкоторыми членами изъ меньшинства образовали «Alliance Socialiste», первый параграфъ котораго гласилъ: «Союзъ объявляетъ себя безбожнымъ (athée) и т. д. (Mémoire sur la fédération jurassienne, Pièces justific» 20—39).

Мы не находимъ въ рѣчахъ Бакунина словъ congrégationiste, но collectivisme, которое Бакунинъ разли-

часть отъ communisme. — «Я ненавижу коммунизмъ, говорилъ Бакунинъ, потому что это отрицаніе свободы.... потому что онъ концентрируетъ и приводитъ къ поглощенію всѣхъ силъ общества въ государствѣ, потому что онъ необходимо ведетъ къ централизаціи собственности въ рукахъ государства, тогда какъ я хочу уничтоженія государства.... Я хочу организаціи общества и собственности коллективной или соціальной съ низу вверхъ, путемъ свободной ассоціаціи, а не сверху внизъ посредствомъ какой бы то ни было власти... Вотъ въ какомъ смыслѣ, господа, я коллективистъ, а вовсе не коммунистъ».

Слово «collectivisme» не выдумано Бакунинымъ, а взято имъ изъ дебатовъ и резолюцій Брюссельскаго конгресса Междунар. общ. рабочихъ въ 1868 г. Впрочемъ тамъ слово это (collectivité sociale) не имѣло того спеціально анархическаго смысла, какой ему придавалъ Бакунинъ. (Troisième Congrès de l'association internationale des travailleurs, Supplement au journal Le peuple Belge, 45).

ПИСЬМО LXI.

Баденъ-Баденъ. Tiergartenstrasse, 3. Вторникъ 26/14 Окт. 69

Любезнѣйшій Александръ Александровичъ,

Прежде всего позвольте поблагодарить Васъ за возобновленіе нашихъ сношеній и за дружескую мысль, которая Васъ къ тому побудила. Вы увидите изъ прилагаемаго письма, которое я съ намѣреніемъ написалъ по французски (чтобы дать Вамъ возможность показать его кому слѣдуетъ), что я во всемъ этомъ дѣлѣ неповиненъ, аки агнецъ. Никакъ я не ожидалъ, что мнѣ сдѣлаютъ во Флоренціи честь заняться мною!

Я бы очень былъ Вамъ благодаренъ, еслибъ Вы сообщили мнѣ, гдѣ находится теперь Вашъ батюшка. Доходили до меня слухи, будто онъ поселился въ Брюкселѣ; но я желалъ бы знать нѣчто болѣе положительное. Гдѣ онъ намѣренъ провести зиму и какъ къ нему писать?

Я имѣлъ удовольствіе видѣть мелькомъ въ нынѣшнемъ году въ Мюнхенѣ (во время Рейнгольдо-Вагнеровскаго бѣснованія) Вашу сестру Ольгу вмѣстѣ [съ М-lle М. хотѣлъ зайти къ нимъ, но не улучилъ минуты свободнаго времени, притомъ же я въ тотъ день уѣхалъ. Извѣстите меня о ней

а также о сестрѣ Вашей Натальѣ; — гдѣ находится Огаревъ и его жена? Чѣмъ больше я самъ подвигаюсь въ жизнь, тѣмъ больше дорожу старыми связями и по крайней мѣрѣ желалъ бы знать, что подѣлываютъ люди, съ которыми я былъ близокъ?

Я всегда съ большимъ удовольствіемъ читалъ Ваши дѣльныя и умныя брошюры и съ участіемъ слѣдилъ за Вашей карьерой: я знаю, что Вы занимаете во Флоренціи видное мѣсто и что Ваша дѣятельность встрѣчаетъ сочувствіе и одобреніе въ людяхъ, мнѣніемъ которыхъ вы дорожите.

Я, какъ вы знаете, живу почти постоянно въ Баденѣ; все еще понисываю, но съ каждымъ годомъ меньше. Здоровье мое было бы не дурно, но съ нынѣшней весны во мнѣ открыли «eine Verdichtung der rechten Herzklappe» и это не совсѣмъ мнѣ пріятно, такъ какъ мѣшаетъ мнѣ ходить много на охоту и т. д.

Если бы Вамъ когда нибудь случилось завернуть въ здѣшніе края, я надѣюсь, что Вы у меня остановитесь. Я выстроилъ себѣ довольно большой домъ «avec des chambres d'amis» и очень былъ бы радъ оказать Вамъ гостепріимство.

Если не забудете, примите мнѣ (подъ бандеролью) одинъ № »Nazione« съ отрывкомъ «Дыма» — для куріоза.

Въ ожиданіи Вашего отвѣта, дружески жму Вашу руку и прошу передать мой поклонъ всѣмъ Вашимъ.

Преданный Вамъ Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО LXII.

Баденъ-Баденъ. Tiergartenstrasse, 3. Четвергъ, 25 Нояб. 69.

Письмо твое, любезный Герценъ, глубоко меня поразило, и я пишу тебѣ въ надеждѣ, что ты сообщишь мнѣ болѣе благопріятныя извѣстія, къ чему меня обнадеживаетъ увѣреніе твоего сына, что при отъѣздѣ изъ Флоренціи твоя дочь была совершенно почти какъ здоровая. Образъ ея остался въ моей памяти такимъ свѣтлымъ и прекраснымъ, что я не могу вѣрить, чтобы облако, набѣжавшее на него не разсѣялось тотчасъ и навсегда. Искренно сочувствую

тебѣ: какіе уже ты выдержалъ удары — и новые, еще болѣе жестокіе, падаютъ на тебя! Пожалуйста не сомнѣвайся въ моемъ участіи и напиши мнѣ два слова.

Въ теперешнемъ твоемъ расположеніи духа тебѣ вѣроятно не до того, чтобъ интересоваться моими «faits et gestes»; скажу тебѣ, что нынѣшнимъ лѣтомъ у меня сердце было зашалило — т. е. подагра туда бросилась — однако мнѣ теперь гораздо лучше и мнѣ снова позволяютъ ходить на охоту и т. д. благо жаркое время пришло. Зиму я провожу здѣсь, а весною ѣду въ Россію.

Поклонись отъ меня всѣмъ твоимъ да не забудь написать мнѣ. Обнимаю тебя дружески.

Ив. Тургеневъ

Письмо это писано по поводу извѣстія о болѣзни старшей дочери Герцена, послѣ поправленія которой вскорѣ А. И. Герценъ и умеръ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

И. С. ТУРГЕНЕВА И Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

Извѣстно, что отношенія между И. С. Тургеневымъ и Ѳ. М. Достоевскимъ въ послѣдніе годы ихъ жизни были очень недружелюбны. Достоевскій даже написалъ на Тургенева карикатуру въ романѣ «Бѣсы». Въ бумагахъ А. И. Герцена мы нашли слѣдующую копію стихотворенія, котораго варьянты уже были напечатаны и которое относится къ требованіямъ Достоевскаго отъ Бѣлинскаго по поводу помѣщенія въ предполагаемомъ альманахѣ Бѣлинскаго романа Достоевскаго «Двойникъ».

ПОСЛАНІЕ БѢЛИНСКАГО КЪ ДОСТОЕВСКОМУ.

Витязь горестной фигуры,
Достоевскій милый нышъ,
На носу литературы
Рдѣешь ты какъ новый прыщъ.

Хоть ты юный литераторъ,
Но въ восторгъ ужъ всѣхъ повергъ:
Тебя знаетъ Императоръ,
Уважаетъ Лейхтенбергъ,

За тобой Султанъ турецкій
Скоро вышлетъ визирей.
Но когда на раутъ свѣтскій
Передъ сонмище князей,

Ставши миѳомъ и вопросомъ,
Палъ чухонскою звѣздой
И моргнулъ курносымъ носомъ
Передъ русой красотой,

Какъ трагически недвижно
Ты смотрѣлъ на сей предметъ
И чуть чуть скоропостижно
Не погибъ во цвѣтѣ лѣтъ.

Съ высоты такой завидной,
Слухъ къ мольбѣ моей склоня,
Брось свой взоръ непеловидный
Брось, великій, на меня!

Ради будущихъ хваленій
(Крайность видишь велика)
Изъ неизданныхъ твореній
Удѣли не (?) «Двойника».

Буду нянчиться съ тобою,
Поступлю я какъ подлецъ,
Обведу тебя каймою,
Помѣщу тебя въ конецъ.

1846.

Тургеневъ и Некрасовъ.

Во 2-мъ стихѣ вм. *милый* первоначально было написно - *юный*, въ 5-мъ вм. *юный* — *новый*, въ 22-мъ вм. *слухъ* — *взоръ*.

II.

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ М. П. ДРАГОМАНОВУ [1])

ПИСЬМО I.

Парижъ. 50, rue de Douai, Вторникъ 21/9 Марта 76.

Милостивый Государь,

Я получилъ въ одинъ день и Ваше письмо и повѣсти г. Федьковича. Искренне благодарю Васъ за столь лестный знакъ вниманія. Я успѣлъ — и безъ большаго затрудненія — прочесть Ваше предисловіе — и могу сказать, что раздѣляю вполнѣ Вашъ образъ мыслей — въ чемъ я впрочемъ не сомнѣвался, зная Ваши прежніе труды и Ваше направленіе. Какъ только я прочту повѣсти г. Федьковича — я позволю себѣ выразить Вамъ, съ полной откровенностью, мое мнѣніе. Заранѣе чувствую, что тутъ только и бьется ключъ живой воды [2]) — а все остальное — либо призракъ, либо трупъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности.

Вашъ покорный слуга Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО II.

50, rue de Douai, Paris. Середа, 19 Дек. 77.

Милостивый Государь,

Я давно собирался написать Вамъ, чтобъ поблагодарить Васъ за доставленіе мнѣ Вашихъ изданій, цѣли и направленію которыхъ я почти безъ исключенія сочувствую. Не знаю, отъ Васъ ли я получилъ послѣднюю посылку изъ Женевы, заключающую стихотворный сборникъ: «Иза за

[1]) Подробнымъ поясненіемъ этихъ писемъ служитъ печатаемое далѣе воспоминаніе о знакомствѣ съ Тургеневымъ. *М. Д.*

[2]) Дѣло идетъ о «народно-украинскомъ» направленіи въ галицко-русской литературѣ. *М. Д.*

рѣшетки» и два объявленія объ изданіи «Общины» и отъ комитета «Общества пособія изгнанникамъ», [1]) но пользуюсь случаемъ, чтобъ высказать Вамъ нѣкоторыя мои мнѣнія.— Что касается до «Общины», то мнѣ было бы весьма пріятно получать это изданіе, хотя въ объявленіи ничего не сказано ни о способѣ подписки, ни о цѣнѣ. Не могу не замѣтить, что самое это объявленіе, вѣроятно, написано не русскимъ, или же русскимъ, разучившимся писать на родномъ языкѣ; — попадаются мѣста, положительно непонятныя (напр. стр. 6-ая, строка 14 сверху и друг.); — и все изложеніе очень спутано и темно. Къ объявленію отъ комитета не приложенъ уставъ; желательно было бы получить экземпляръ.

Теперь два слова о сборникѣ. Не буду говорить о предисловіи, талантливо и умно написанномъ: ограничусь только заявленіемъ, что я не могу согласиться съ мнѣніемъ автора, будтобы мои труды «содѣйствовали искаженію образа нашего мученика правды ради». [2]) При данныхъ условіяхъ, я могъ сдѣлать только то, что сдѣлалъ — и, по видимому, результатъ не совпадаетъ съ выводами и заключеніями моего критика. Что же касается до самаго сборника — то я хорошо понимаю цѣль, съ которой онъ былъ изданъ; онъ не можетъ не подѣйствовать сильно на людей сочувствующихъ: во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ столько правды, горькой жизненной правды; — но долженъ сказать съ сожалѣніемъ: таланту въ нихъ нѣтъ и слѣда... Кое что похоже на талантъ мелькаетъ въ произведеніяхъ «Чернаго»; да и то навѣяно Г. Гейне. Не безъ оригинальнаго оборота два стихотворенія на стр. 103—104, подписанныя М. М. Но собственно говоря ни одного поэтическаго, сильнаго звука, ни одного изъ тѣхъ словъ, которыя «не могутъ умереть»... А обиліе минорныхъ (весьма впрочемъ понятныхъ) тоновъ, на которое намекаетъ самъ издатель, въ общемъ возбуждаетъ чувство состраданія, жалости — скорѣй чѣмъ негодованія. Нѣтъ; поэтъ этой эпохи Русской народной жизни еще не пришелъ... хотя я не сомнѣваюсь, что онъ появится. Все это пока — лепетъ да плачь.

---

[1]) Всѣ три посылки были сдѣланы не мною. *М. Д.*

[2]) Авторъ предисловія къ сборнику «Изъ за рѣшетки» (стихотворенія заключенныхъ по политическому процессу 193-хъ) говорилъ объ изображеніи «русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ» въ романѣ «Новь». *М. Д.*

Позвольте Вамъ привести небольшой примѣръ. Я знаю стихотвореніе одного, далеко не геніальнаго, стараго поэта, въ которомъ дѣйствительно поэтически схваченъ одинъ изъ многочисленныхъ моментовъ узницической жизни, узническихъ чувствъ... а именно моментъ радости передъ близкимъ освобожденіемъ. Вотъ оно, это стихотвореніе — (оно принадлежитъ Я. П. Полонскому) [1]).

1.

Густая крапива
Шумитъ подъ окномъ.
Плакучая ива
Повисла шатромъ.

2.

Веселыя лодки
Въ дали голубой,
Желѣзо решетки
Визжитъ подъ пилой.

3.

Бывалое горе
Заснуло въ груди...
Свобода и море
Горятъ впереди!

4.

Прибавилось духа,
Исчезла тоска...
И слушаетъ ухо,
И пилитъ рука!

Если я не ошибаюсь, ничего — по вѣрности тона, по совпаденію чувства съ выраженіемъ — ничего подобнаго во всемъ сборникѣ нѣтъ. Всякій пострадавшій, напр. имѣетъ полное право проклинать «тирановъ»; но если онъ дѣлаетъ это въ стихахъ — то пусть его проклятіе будетъ столь-же красиво, сколь и сильно — или пусть онъ проклинаетъ прозой.

Вы, можетъ быть, со всѣмъ этимъ не согласитесь; — но мнѣ все таки было пріятно завязать съ Вами сношенія; — и я прошу Васъ вѣрить въ искренность моего уваженія.

Вашъ покорнѣйшій слуга Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО III.

50, rue de Douai, Paris. Пятница, 1 Марта 78.

Милостивый Государь,

Я давно собирался отвѣчать на Ваше большое письмо и присланныя брошюры; но все не могъ выискать свободнаго времени — и теперь еще долженъ отложить это удовольствіе

[1]) Тургеневъ ошибся: стихотвореніе это принадлежитъ А. Ѳ. Фету. *М. Л.*

до другого, впрочемъ не отдаленнаго дня. Въ прошлое Воскресеніе я Вамъ писалъ нѣсколько строкъ о довольно серьезной болѣзни нашего общаго пріятеля Рольстона, который еще на прошлой недѣлѣ долженъ былъ поѣхать къ Вамъ въ Женеву; но я имѣю причины предполагать, что мое письмо вовсе не было отправлено; и потому мнѣ приходится, на всякій случай, увѣдомить Васъ, что болѣзнь его (острый ревматизмъ), къ сожалѣнію, не ослабѣла съ тѣхъ поръ — и эпоху его выздоровленія опредѣлить не возможно. Вѣроятно, эта болѣзнь заставитъ его измѣнить всѣ его планы [1]). Онъ находится здѣсь въ гостиницѣ (Hôtel Byron, 20 rue Laffitte) — уходъ за нимъ хорошій; пріятели его посѣщаютъ, старикъ отецъ прибылъ къ нему изъ Лондона; опасности нѣтъ — но онъ весьма слабъ и не поднимается съ постели. Жаль его бѣднаго; всѣ его путешествія ему не удаются.

Отлагаю нашу бесѣду до другого раза — а теперь прошу Васъ принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ.

ПИСЬМО IV.

Les Frênes-Chalet. le 29 Juin 1883.

Mon cher Monsieur Dragomanof,

Je suis chargé par mon ami, Monsieur D., de vous faire savoir qu'il se met à votre disposition pour toutes les heures qu'il vous plaira à partir de Samedi.

Recevez mes meilleurs compliments.

Ivan Tourgueneff.

Только подпись сдѣлана рукою Тургенева, который тогда былъ сильно боленъ и уже самъ не могъ много писать. Послѣ того я получилъ телеграмму отъ 3 Іюля:

Avez vous reçu ma lettre. Je vous attends demain.

Tourgueneff.

---

[1]) Рольстонъ передъ тѣмъ писалъ мнѣ, что онъ хочетъ пожить въ Россіи въ качествѣ домашняго учителя въ какой нибудь богатой и респектабельной семьѣ. *М. Д.*

III.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЗНАКОМСТВѢ СЪ И. С. ТУРГЕНЕВЫМЪ

Мое знакомство съ И. С. Тургеневымъ ни было ни продолжительнымъ, ни близкимъ, но мнѣ посчастливилось наблюдать его съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ онъ менѣе извѣстенъ, а потому я считаю своею обязанностію внести и свою долю въ публичную память объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Заочное знакомство мое съ И. С. началось въ 1873 г., когда одинъ его пріятель предложилъ мнѣ заняться разборомъ для печати бумагъ умершаго передъ тѣмъ дяди И. С—ча, Николая Ивановича Тургенева, въ его домѣ въ Буживалѣ подлѣ Парижа, по сосѣдству съ домомъ, гдѣ проживалъ и И. С. Я, который жилъ тогда въ Италіи и собирался ѣхать во Францію, долженъ былъ списаться по этому дѣлу съ И. С. Но такъ какъ я долженъ былъ скоро ѣхать въ Россію, то мнѣ не пришлось воспользоваться этимъ предложеніемъ, о которомъ теперь говорю между прочимъ и для того, чтобъ напомнить, что съ тѣхъ поръ ничего не слышно о разборѣ и публикаціи бумагъ Н. И. Тургенева, которыя, конечно, должны заключать въ себѣ не мало интереснаго.

Я почиталъ въ И. С. знаменитаго русскаго писателя и пріятеля украинской литературы: переводчика расказовъ Марка Вовчка, автора воспоминаній о Шевченкѣ, напечатанныхъ при пражскомъ изданіи Кобзаря, внушителя французской статьи о Шевченкѣ г. Эмиля Дюрана въ la Revue des deux Mondes и т. п. По этому послѣ моей ему рекомендаціи по дѣлу о бумагахъ Н. И. Т., я считалъ долгомъ вѣжливости посылать ему оттиски моихъ журнальныхъ ста-

тей по украинскому вопросу и свои изданія украинскихъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ. Въ 1876 г. я послалъ ему изъ Вѣны повѣсти Федьковича, который представляетъ для Карпатской Руси то же самое, что М. Вовчокъ для россійской Украйны, — съ моимъ предисловіемъ (писаннымъ по украински) о галицкорусской литературѣ, въ которомъ я дѣлаю между прочимъ характеристику двухъ теченій въ ней: стараго, неправильно принимаемаго въ Россіи за общерусское, и новаго, украйнофильскаго, или народнаго.

Отвѣтомъ на эту посылку было первое письмо ко мнѣ И. С., напечатанное выше.

Вскорѣ за тѣмъ я переѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ обстоятельства (приготовленія къ войнѣ съ турками, потомъ война, политическіе процессы въ Россіи и т. п.) заставляли меня нѣсколько разъ печатать брошюры и статейки, въ которыхъ я проводилъ мысль о политической свободѣ, какъ о первой необходимости для Россіи. Писанія эти я отправлялъ И. С. въ Парижъ, и къ нимъ то относится выраженіе согласія, которое находится въ началѣ 2-письма ко мнѣ Тургенева.

Письмо это, впрочемъ направлено было ко мнѣ отчасти по недоразумѣнію, — такъ какъ И. С. предположилъ, что это я послалъ ему напечатанный въ Женевѣ сборникъ стихотвореній «Изъ за рѣшетки». На самомъ дѣлѣ послалъ этотъ сборникъ Германъ Александровичъ Лопатинъ, принимавшій участіе и въ редакціи предисловія къ сборнику и, по крайней мѣрѣ послѣ, довольно частый посѣтитель Тургенева и, какъ говорили, даже отчасти служившій ему моделью для фигуры Нежданова. (?) Отвѣчая на письмо Тургеневу, я ему сообщилъ, что я ни имѣлъ никакого прикосновенія къ сборнику и предисловію, и въ то же время передалъ, что въ молодой женевской русской эмиграціи я знаю людей, которые остались вовсе не недовольны «Новью». Я указывалъ впрочемъ Тургеневу на нѣкоторыя неясности въ романѣ, которыхъ причину я усматривалъ въ слишкомъ большомъ вниманіи автора къ «данным обстоятельствамъ», т. е. къ цензурѣ, а дальше позволилъ себѣ высказать, что такой писатель, какъ Тургеневъ, долженъ бы былъ вполнѣ ясно и рѣшительно занять положеніе, совершенно независимое и отъ молодыхъ революціонеровъ, и отъ правительства и для этого, если нужно, печататься за границей безъ цен-

зуры, какъ дѣлали въ свое время Вольтеръ, В. Гюго и т. п.

Послѣ этого я получилъ отъ И. С. третье письмо, въ которомъ Тургеневъ заявлялъ о томъ, что долженъ все еще «отказать себѣ въ удовольствіи» отвѣта на мои проклятые вопросы, — но которое интересно для характеристики личной заботливости И. С. о своихъ пріятеляхъ, на этотъ разъ о Рольстонѣ, авторѣ многихъ книгъ и статей о Россіи и переводчикѣ многихъ русскихъ произведеній на англійскій языкъ. По поводу болѣзни Рольстона, я, кажется, получилъ отъ И. С. еще одно письмо, которое, къ сожалѣнію, теперь я не могу найти у себя. За тѣмъ вскорѣ мнѣ пришлось свидѣться съ Тургеневымъ, въ первые, — на международномъ литературномъ конгрессѣ въ Парижѣ, во время выставки 1878 г.

На литературный конгрессъ я сунулся, отчасти «не спросясь броду». Прочитавши въ газетахъ о томъ, что будетъ всемірный литературный конгрессъ подъ патронатомъ такихъ лицъ, какъ В. Гюго и И. С. Тургеневъ, я рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ для протеста противъ возмутительнаго факта: почти всецѣлаго запрещенія въ Россіи украинской литературы, и не сомнѣвался въ сочувствіи членовъ конгресса. Въ нѣсколько дней была импровизована и напечатана моя брошюра La littérature oukraïnienne proscrite par le gouvernement russe. Первые готовые экземпляры ея были посланы при соотвѣтственныхъ письмахъ въ бюро конгресса и спеціально В. Гюго и Тургеневу, — а за тѣмъ я помчался въ Парижъ съ сундукомъ, наполненнымъ экземплярами какъ этой брошюры моей, такъ и русскихъ и украинскихъ моихъ изданій. На самой швейцарско-французской границѣ моему оптимизму нанесенъ былъ первый ударъ: французскіе чиновники объявили мнѣ, что не могутъ пропустить безъ цензурнаго пересмотра моихъ книгъ, и едва согласились наложить на сундукъ пломбы, съ тѣмъ чтобъ онъ былъ осмотрѣнъ въ Парижѣ. А въ Парижѣ оказалось, что сундукъ мой долженъ ѣхать въ Берси, — при чемъ оказалось, что моментъ моего пріѣзда былъ утро Воскресенья, — такъ что сундукъ мой долженъ былъ ждать въ Берси до Понедѣльника. Къ вящшей моей бѣдѣ, въ сундукѣ были не только экземпляры брошюры моей, которыя я расчитывалъ раздать въ тотъ же день членамъ конгресса, во время торжественнаго сеанса, но и мое бѣлье и парадное платье. По дорогѣ, въ Дижонѣ, я прочелъ въ газетахъ, что

уже состоялось прелиминарное засѣданіе конгресса, на которомъ рѣшено было поставить главною его задачею выработку проэкта международнаго закона объ охранѣ авторской литературной собственности даже и отъ переводчиковъ и склоненіе правительствъ всѣхъ странъ къ принятію этого проэкта. Я почувствовалъ, что мой протестъ не на руку конгрессу. Но назадъ идти было уже поздно, а потому я рѣшилъ выпить до конца чашу, какую судьба пошлетъ мнѣ, не огорчаясь, если въ ней окажется кисловатенькая микстурка.

Оставшись въ Парижѣ и безъ брошюръ, и безъ редингота, я, кой какъ почистившись и купивши бѣлье, успѣлъ добыть въ бюро конгресса билетъ на входъ въ театръ Chatelet, гдѣ должно было быть торжественное открытіе конгресса рѣчами В. Гюго, Тургенева, Ж. Симона и пр. и помѣстился по возможности въ тѣни, желая вообще держаться въ роли зрителя, пока я не добуду экземпляры моей брошюры. Но въ первую же четверть часа меня окликнулъ знакомый русскій литераторъ, потомъ другой, — и объявили мнѣ, что Тургеневъ обо мнѣ спрашиваетъ и просилъ ихъ разыскать меня. Но вотъ на сценѣ театра появился учредительный комитетъ конгресса, среди членовъ котораго не трудно было мнѣ узнать знаменитую фигуру И. С. Тургенева. О рѣчахъ французовъ въ этомъ засѣданіи я говорить не буду. Упомяну только о рѣчи В. Гюго, которая представляла гимнъ парижскому универсализму и оканчивалась намекомъ на необходимость амнистіи. Послѣднее принято было публикой довольно холодно: всего три-четыре голоса крикнуло: vive l'amnistie! и это были иностранцы. Видно было, что съ В. Гюго установился на конгрессѣ такой modus vivendi: великій мужъ былъ нуженъ для освященія его именемъ коммерческихъ видовъ конгресса, и ему оказывались божескія почести и предоставлено было право заявленія и его личныхъ взглядовъ, но послѣднихъ никто не думалъ поддерживать. Да впрочемъ, кромѣ этого намека на амнистію въ парадномъ засѣданіи, В. Гюго никакихъ радикальныхъ заявленій больше не дѣлалъ, — а только принималъ божескія почести и прикладывалъ свою олимпійскую печать къ резолюціямъ конгресса.

Тургеневъ говорилъ, помнится, сейчасъ послѣ В. Гюго. Очевидно, публичный ораторъ изъ нашего романиста былъ

плохой: довольно сконфуженная манера, какой то писклявый голосъ, слабый, особенно для его фигуры, — да и содержаніе посредственное. Въ началѣ рѣчи стояло даже совсѣмъ странное признаніе ораторомъ своей незначительности, съ заявленіемъ, что ораторъ «даже не имѣетъ большаго чина» (такъ и сказано было: tchine). Больше всего говорилъ Тургеневъ о значеніи французской литературы для русскихъ, начиная отъ «вѣка Мольера», котораго пьесу Les Precieuses ridicules перевела для домашняго театра царевна Софія (Драгія смѣянныя) и до «вѣка В. Гюго».

Русская печать славянофильско-шовинистскаго направленія порядкомъ разбранила Тургенева за эту рѣчь, — да и тотчасъ послѣ засѣданія, въ буфетѣ театра Chatelet, куда повели меня русскіе знакомые для представленія Тургеневу, нѣкоторые изъ русскихъ литераторовъ замѣтили ему, что онъ слишкомъ уже много авансовъ далъ французамъ. — «Да вѣдь они другого языка не понимаютъ, — оправдывался Тургеневъ, — и никакихъ иностранныхъ литературъ не цѣнятъ и не знаютъ» — и тутъ же разсказалъ анекдотъ о В. Гюго, уже извѣстный въ русской печати, о томъ, какъ В. Гюго въ разговорѣ съ нимъ смѣшалъ драмы Шиллера и Гёте.

Относительно моего раппорта конгрессу объ украинской литературѣ у меня съ Тургеневымъ установилось такое соглашеніе: завтра съ позаранку я отправлюсь въ Берси, получу свой сундукъ и къ 11 часамъ привезу свои брошюры Тургеневу, — онъ раздастъ ихъ членамъ конгресса въ послѣобѣднемъ засѣданіи, а потомъ мы выберемъ день, когда Тургеневъ сдѣлаетъ докладъ объ моей брошюрѣ, я скажу нѣсколько словъ и, смотря по обстоятельствамъ, предложена будетъ резолюція. Надеждъ на большой успѣхъ и Тургеневъ не имѣлъ и замѣтилъ мнѣ, что иностранцевъ на конгрессѣ мало, а большая часть членовъ — французы болѣе или менѣе коммерческаго направленія, при чемъ молодые романисты, какъ Доде, Золя и др. отсутствуютъ.

На другой день я въ 8 часовъ былъ уже въ Берси на таможнѣ, но оказалось, что не только книги, но и платье мое получить не такъ легко. О книгахъ чиновники, собравшіеся едва послѣ 9 часовъ, сказали, что онѣ должны идти на цензуру въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а платье изъ сундука не хотѣли выдать, такъ какъ регламентъ запрещаетъ раздѣлять коли. Пробившись съ $1^1/_2$ часа, пере-

говаривая съ чиновниками до шефа включительно, я едва послѣ 11 часовъ оказался въ обладаніи моимъ платьемъ и бѣльемъ, — и конечно къ Тургеневу не могъ и думать ѣхать. Нашелъ я его послѣ завтрака въ залѣ засѣданій конгресса и разсказалъ свои невзгоды. Рѣшено было отложить докладъ о брошюрѣ до полученія ея изъ министерства вн. дѣлъ, а пока я и Тургеневъ раздавали болѣе симпатичнымъ членамъ конгресса то небольшое количество экземпляровъ брошюры, которое я вытребовалъ изъ Женевы sous bandes. Вообще же къ конгрессу я былъ совершенно равнодушенъ и ходилъ въ него рѣдко, а Тургеневъ явно иронизировалъ надъ нимъ въ разговорахъ съ русскими, которыхъ было впрочемъ очень немного. Тѣмъ не менѣе формально Тургеневъ былъ довольно занятъ конгрессомъ, — въ засѣданіяхъ котораго часто президировалъ. Исполнялъ президентскія обязанности Тургеневъ плохо: онъ не показывалъ никакой энергіи, обычной у французскихъ президентовъ, не зналъ даже формальностей и во всемъ слушался секретаря, одного изъ французскихъ бульварныхъ романистовъ. Секретарь и вообще бюро обращались съ Тургеневымъ даже съ нѣкоторымъ петерпѣніемъ,— но знаменитый русскій романистъ былъ нуженъ конгрессу какъ имя, для преданія международнаго характера конгрессу, въ сущности французскому, и состоявшему, по большей части изъ второстепенностей, романистовъ и драматурговъ, — а въ научной литературѣ изъ компиляторовъ - популяризаторовъ. Но если манера обращенія нѣкоторыхъ французскихъ членовъ конгресса съ Тургеневымъ и общее положеніе послѣдняго на конгрессѣ могли досадовать русскихъ, то обращеніе съ Тургеневымъ одного французскаго литератора съ славянскимъ именемъ, можно сказать шестистепеннаго, и къ которому французы относятся съ ироніей, — было смѣшно, по крайней мѣрѣ для многихъ. Онъ постоянно ставилъ свое имя рядомъ съ именемъ Тургенева, — жалуясь на то, какъ нарушаются его авторскія права, а въ антрактахъ между засѣданіями старался пройтись по залѣ подъ ручку съ Тургеневымъ, который совершалъ этотъ маршъ съ необыкновеннымъ добродушіемъ.

Разъ прихожу въ залу конгресса во время антракта. Тургеневъ съ первыхъ словъ жалуется мнѣ на одного русскаго писателя: «вообразите, — не дальше какъ съ $^1/_4$ часа назадъ, совсѣмъ распушилъ меня, какъ мальчишку: вы, говоритъ, не

умѣете держать себя, позволяете третировать себя съ высока всякой дряни, панибратствуете съ ***! и пошелъ, и пошелъ!» — Да что вы ко мнѣ пристали, говорю, съ ***?! Какой онъ мнѣ пріятель?! Да можете его.... (тутъ Тургеневъ сказалъ довольно циническій глаголъ).

Однимъ утромъ я пріѣхалъ въ засѣданіе, въ которомъ президировалъ Тургеневъ. Въ залѣ встрѣтился я съ Мавро-Маки (Mauro-Machi). Этотъ итальянецъ, бывшій гарибальдійцемъ, одинъ изъ вицепрезидентовъ конгресса, — прочиталъ мою брошюру, проникся сочувствіемъ къ нашему украинскому дѣлу и оказывалъ мнѣ всяческое вниманіе и покровительство, хватая меня во время антрактовъ подъ руку и представляя меня болѣе извѣстнымъ членамъ конгресса и разсказывая по возможности содержаніе моего протеста. — «Тургеневъ говорилъ о вашей брошюрѣ, — сказалъ мнѣ Мавро-Маки. — Какъ говорилъ? да вѣдь мы условились, что докладъ будетъ, когда я буду въ состояніи раздать членамъ конгресса брошюру! говорю я Мавро-Маки, которому была извѣстна исторія моего сундука. — Да, говорилъ. Разсказалъ содержаніе ея, добавилъ отъ себя сожалѣніе по поводу мѣръ русскаго правительства, — но никакой резолюціи не предложилъ. Тогда я предложилъ воспроизвести вашу брошюру въ полныхъ протоколахъ конгресса».

Мнѣ оставалось только выразить моему покровителю mille grazzie, — а потомъ, выручивши наконецъ, и то какъ то чудомъ, свой сундукъ изъ канцеляріи Макмагонскаго министерства, раздать мою брошюру членамъ конгресса, преимущественно иностранцамъ, и считать, что я еще сравнительно хорошо вышелъ изъ не совсѣмъ ловкаго положенія.

Между тѣмъ нужно было приготовлять общія резолюціи конгресса. Изъ дебатовъ выяснилось два направленія: французское, которое стремилось какъ можно болѣе строго и на дальній срокъ оградить права собственности авторовъ на литературныя произведенія, ихъ передѣлку, переводъ, представленія и т. п. и иностранное, особенно меньшихъ народовъ и болѣе отсталыхъ, которое хотѣло наибольшаго простора по крайней мѣрѣ для переводовъ. Рѣшено было разбиться конгрессу на національныя группы и, выработавъ въ нихъ предложенія, представить ихъ на баллотировку общаго собранія, — гдѣ, конечно, французы должны были подавить иностранцевъ огромнымъ большинствомъ. Славяне (нѣсколько

поляковъ, одинъ-два чеха, меньше десятка русскихъ) должны были собраться въ квартирѣ Тургенева, rue Douai, 50. Въ назначенный часъ я засталъ тамъ, кромѣ членовъ конгресса, и Г. Лопатина, который много занимался переводами, преимущественно съ англійскаго. Языкъ для всеславянскихъ разговоровъ былъ принятъ французскій, конечно, ради поляковъ. Мы всѣ стояли за полную свободу переводовъ, изъявляя готовность огражденія авторскихъ правъ на оригиналы въ театрахъ, на передѣлки (adaptation) и т. п. Тургеневъ, соглашась съ нами въ принципахъ, говорилъ, что французы не согласятся и на такую уступку, а потому предлагалъ уступить имъ больше, признавъ право автора на дозволеніе перевода въ теченіе 2—5 лѣтъ смотря по категоріямъ произведеній. Рѣшили принять проэктъ резолюціи Тургенева, при чемъ нѣкоторые члены заявили, что сохраняютъ за собою право въ общемъ собраніи вотировать и за болѣе широкую свободу переводовъ.

Настало это общее собраніе. Президировалъ сначала Тургеневъ, а потомъ В. Гюго. Тургеневъ доложилъ свой проэктъ резолюціи о переводахъ. Французы накинулись на него съ явной злостію. Одинъ изъ романцевъ, кажется, португалецъ или румынъ, замѣтилъ въ поддержку предложенія Тургенева, что есть страны, гдѣ литература пока часто не даетъ почти никакого барыша, а даже требуетъ пожертвованія, а потому писатели изъ богатыхъ народовъ должны довольствоваться рекламой въ пользу ихъ произведеній въ такихъ странахъ. — Пусть мнѣ заплатятъ хоть два су, — закричалъ одинъ французъ, да заплатятъ, — по крайней мѣрѣ признаютъ мое право! — Это говорилъ компиляторъ, который самъ или лучше сказать руками своихъ секретарей, не стѣснялся загребать по 5—6 страницъ чужой литературной собственности въ свои этренныя книгопеченія. Въ собраніи раздались аплодисменты.

Тургеневъ, защищая свое предложеніе, сказалъ между прочимъ и такой аргументъ: «въ Россіи переводами занимается главнымъ образомъ учащаяся молодежь. Правительство, которое ея не любитъ, пожалуй, будетъ радо признать права иностранныхъ авторовъ даже надъ переводами, чтобъ лишить эту молодежь заработка».

На это одинъ изъ французовъ замѣтилъ съ злобной улыбкой: — «не можемъ же мы отказаться отъ нашихъ правъ,

чтобъ способствовать прокормленію расы нигилистовъ, которую г. Тургеневъ такъ удивительно рисуетъ намъ въ своихъ превосходныхъ романахъ».

Когда дошло до вота, то громадное большинство французовъ провалило предложеніе Тургенева, противъ какихъ нибудь 20—30 голосовъ, поданныхъ за него почти исключительно иностранцами. Одинъ французскій бульварный романистъ, принадлежавшій къ бюро, предложилъ, чтобъ въ протоколѣ было отмѣчено: какія націи вотировали противъ принципа литературной собственности? Это предложеніе было уже совсѣмъ не похоже на пресловутую французскую вѣжливость; В. Гюго взглянулъ искоса на автора предложенія съ тѣмъ выраженіемъ наблюденія, болѣе чѣмъ укора, съ какимъ смотрятъ на неумѣстныя выходки учениковъ очень респектабельные гувернеры,— и предложеніе не имѣло послѣдствій.

Вслѣдъ за освященіемъ права авторской собственности вотировано было предложеніе нѣсколькихъ французскихъ журналистовъ о томъ, чтобъ печать вездѣ была избавлена отъ административнаго произвола, а подчинена была только суду. Это былъ вопросъ тоже въ сущности литературной собственности, такъ какъ полицейскій произволъ, напр. закрывающій газету, уничтожалъ собственность, лишалъ заработка цѣлую массу людей и т. п. Но предложеніе это встрѣтило возраженіе со стороны французовъ же, при чемъ произошла довольно живая перепалка, — почти перебранка, — между бонапартистами и макмагонцами, составлявшими большинство, и немногими радикальными республиканцами. При подачѣ голосовъ почти всѣ иностранцы подали голосъ за предложеніе послѣднихъ, — но французы огромнымъ большинствомъ провалили его, какъ не удобное въ виду того, какъ говорили нѣкоторые, что правительства, обидѣвшись резолюціей, ограничивающею ихъ власть надъ печатью, откажутъ въ своей поддержкѣ и проэкту охраны авторской собственности, — которая, охрана, и есть главная цѣль конгресса. При видѣ этого раздѣленія голосовъ можно было предложить внести въ протоколъ: «какая нація вотировала противъ свободы печати?», но никто изъ иностранцевъ не сдѣлалъ такого предложенія. Тургеневъ не поднялъ руки ни противъ, ни за по данному вопросу.

Конгрессъ окончился. Оставался только заключительный

банкетъ. Тургеневъ сказалъ намъ, что онъ не явится на банкетъ. Конгрессъ видимо надоѣлъ ему, — да и на банкетѣ пришлось бы опять говорить рѣчь, а на это Тургеневъ, видимо, былъ не мастеръ. На всѣ наши упрашиванья Тургеневъ отвѣтилъ послѣднимъ резономъ: «я обѣщалъ дамамъ провожать ихъ въ этотъ вечеръ въ Folies Bergères.»

Кромѣ встрѣчъ по дѣлу конгресса я имѣлъ еще два свиданія съ Тургеневымъ. Разъ онъ пригласилъ меня къ себѣ въ rue Douai. — «Приходите, — потолкуемъ» сказалъ онъ. Когда я вошелъ въ назначенный часъ въ его комнату, — онъ сказалъ мнѣ съ видимой радостью: «а знаете, — Вѣра Засуличъ уже за границей». — Разговоръ пошелъ главнымъ образомъ о «Нови», — при чемъ Тургеневъ разсказалъ, что смыслъ романа пострадалъ много отъ выпуска цензурою двухъ сценъ: одной, гдѣ изложенъ разговоръ Меркулова съ губернаторомъ послѣ ареста, а другой, (цѣлая глава), въ которой описано «хожденіе въ народъ» Маріаны. Эта Маріана, какъ женщина, оказалась болѣе способною подойти къ будничной жизни крестьянъ, чѣмъ переодѣтые студенты,— и возбудила къ себѣ болѣе симпатіи и довѣрія мужиковъ. Правда, они сразу догадались, что это барышня, однако толковали съ нею по душѣ, — и одинъ старикъ сказалъ ей: «это все правда, барышня, что ты говоришь о томъ, какъ насъ обижаютъ баре; мы это и сами знаемъ, — да ты научи, какъ намъ избавиться отъ всего этого» и т. д.

По поводу этого пропуска Тургеневъ разсказалъ такую комбинацію: — я, говорилъ онъ, поставилъ Стасюлевичу условіе, чтобъ романъ мой, не смотря на длину его, былъ напечатанъ въ одной книжкѣ «Вѣстника Европы», что нѣсколько тяготило Стасюлевича. Когда книжка была представлена въ цензуру, то цензора нашли сомнительными два мѣста въ моемъ романѣ и Внутреннее Обозрѣніе и предложили одно что нибудь выбросить: или мои сцены, или обозрѣніе. Узнавъ объ этомъ, я согласился на первое. Иначе поступить мнѣ было не ловко передъ Стасюлевичемъ.

На мои вопросы о томъ, почему же въ иностранныхъ переводахъ романа не пополнены эти пропуски, и на замѣчаніе о томъ, что ни одинъ европейскій писатель его славы не позволитъ цензурѣ такъ обращаться съ его романами, Тургеневъ отвѣтилъ: «Вы хотите отъ меня борьбы, — а я для нея старъ и не чувствую силы для нея, не вижу под-

держки. Вѣдь мнѣ пришлось бы или стать эмигрантомъ, или бы меня арестовали въ Россіи. — Ну, арестовать Васъ!— позволилъ себѣ замѣтить я, — арестовать Ивана Сергѣевича Тургенева! это немножко сильно даже и для русскаго правительства. Посмотрѣли бы мы, какими буквами было бы напечатано въ парижскихъ напр. газетахъ: arrestation de M. Ivan Tourguènеff!

— А вы думаете имъ бы было интересно это? — отвѣтилъ улыбаясь Тургеневъ, — думаете, они приняли бы къ сердцу это дѣло?! Да они ничѣмъ не интересуются, кромѣ себя, и ничего не знаютъ и не понимаютъ въ нашихъ, русскихъ дѣлахъ.

Замѣчательно было у этого отъявленнаго «западника» постоянное скептическое отношеніе къ западнымъ европейцамъ, особенно къ французамъ, среди которыхъ онъ жилъ.

— Да вотъ вамъ образецъ, какъ они насъ понимаютъ,— продолжалъ Тургеневъ. На дняхъ я встрѣтилъ N. N. (онъ назвалъ имя одного извѣстнаго французскаго историка) онъ передалъ мнѣ свои впечатлѣнія отъ моей «Нови». — Я говоритъ, совсѣмъ дезоріентированъ на счетъ Вашихъ нигилистовъ. Я столько слышалъ о нихъ дурного, — что они отрицаютъ собственность, семью, мораль... А въ вашихъ романахъ нигилисты — единственные честные люди. Особенно поразило меня ихъ цѣломудріе. Вѣдь ваши Марьяна и Неждановъ даже не поцѣловались другъ съ другомъ ни разу, хотя поселились въ уединеніи рядомъ. У насъ, французовъ, это вещь невозможная. И отчего это у васъ происходитъ? Отъ холодности темперамента?»...

Въ это свиданіе Тургеневъ завелъ со мной разговоръ и объ Украйнѣ и выражалъ сожалѣніе, что ему не удалось ближе познакомиться съ этой страной и населеніемъ ея, рѣдкія встрѣчи съ которымъ возбудили въ немъ горячія симпатіи; памятникомъ этихъ симпатій остаются въ его романахъ: Маша въ повѣсти «Затишье» и Михалевичъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ». — «У малороссовъ, говорилъ Тургеневъ, есть особый видъ идеализма и твердости, крайне симпатичный по сравненію съ утилитаризмомъ или съ распущенностію великороссійскою. Я вотъ и изъ журналовъ нашихъ потому люблю больше всѣхъ «Вѣстникъ Европы», что въ редакціи его мало великороссовъ, и въ немъ наименѣе нашей великороссійской распущенности: онъ береть вещи не

широко, но отчетливо, и уже стоитъ на томъ, что говоритъ».

Разговоръ нашъ былъ прерванъ какимъ то новымъ визитомъ.

Черезъ нѣсколько времени я получилъ записку отъ Тургенева, въ которой онъ приглашалъ меня завтракать въ одинъ ресторанъ (онъ собственно жилъ въ то время въ Буживалѣ и только наѣзжалъ въ Парижъ). Оказалось, что кромѣ меня приглашены гг. Лавровъ (бывшій редакторъ «Впередъ») и Лопатинъ. Тургеневъ, очевидно, подбиралъ однородную компанію, — но нѣсколько ошибся. Разговоръ за завтракомъ вышелъ довольно скучный, какъ бываетъ въ русскихъ обществахъ, котораго члены принадлежатъ къ разнымъ «кружкамъ». У меня въ памяти ничего не осталось изъ банальностей, которыя мнѣ тогда пришлось слышать и говорить.

Я упоминаю объ этомъ завтракѣ, только какъ объ одномъ изъ доказательствъ, если не близости, то хорошаго знакомства Тургенева съ г. Лавровымъ, отъ котораго не много спустя Тургеневъ отрекся публично. Отреченіе это было однимъ изъ многихъ проявленій слабости характера у Тургенева, которая доходила до вещей, по истинѣ возмутительныхъ. Если позволено мнѣ высказаться о впечатлѣніи, какое на меня лично производилъ Тургеневъ, — то я скажу, что не видалъ я человѣка такой широты и свободы мыслей, такой разнородности интересовъ; съ этихъ сторонъ у Тургенева была по истинѣ «богоравная» натура, какъ сказалъ бы древній грекъ. Необыкновенна была и доброта Тургенева, который вѣчно устраивалъ чьи нибудь дѣла, часто людей, не имѣвшихъ на то никакого права. Но тамъ, гдѣ надо было показать какую нибудь твердость характера, смѣлость, передъ политической ли властью, или передъ первымъ, кто просто накричитъ на Тургенева или посмѣется надъ человѣкомъ, съ которымъ по видимому Ив. Сергѣевичъ находится въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, тамъ богоравный Тургеневъ пасовалъ и отрекался отъ мнѣній, отъ отношеній. Мнѣ довелось видѣть эти черты характера Тургенева и потому я чувствовалъ къ нему то «обожаніе», близкое къ институтскому, то почти физическое отвращеніе.

Послѣднее чувство сильно развилось во мнѣ послѣ вѣстей о поведеніи Тургенева во время поѣздки его въ Россію въ 1879 г. особенно послѣ напечатанія письма его къ М. М.

Стасюлевичу, гдѣ Тургеневъ объявилъ себя «либераломъ стараго покроя, ожидающимъ реформъ т о л ь к о с в ы ш е», — при чемъ совершенно въ противность истинѣ прибавилъ къ слову либералъ «въ англійскомъ, династическомъ смыслѣ». Печатая послѣ того особой брошюрой «Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю» я коснулся и этого письма Тургенева, указавъ его несообразности съ исторіей развитія идей его товарищей по 40-мъ годамъ, какъ напр. Бѣлинскій, и съ исторіей англійскаго либерализма. Брошюру эту я послалъ Тургеневу, но никакого отъ него письма не получилъ. Скоро за тѣмъ послѣдовало публичное въ La Temps отреченіе Тургенева отъ близкаго знакомства съ г. Лавровымъ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ случилось быть въ Парижѣ. Одинъ общій знакомый изъ эмигрантовъ передалъ мнѣ, что видѣлся на дняхъ съ Тургеневымъ въ Буживалѣ и что тотъ говорилъ съ нимъ обо мнѣ, по поводу книжки моей «Историческая Польша и Великорусская демократія» и освѣдомлялся обо мнѣ. Я попросилъ знакомаго передать И. С. мой поклонъ, но поѣхать къ нему въ Буживаль не рѣшился.

Годъ спустя, получилъ отъ N. N., одного моего близкаго пріятеля и хорошаго знакомаго Тургенева, тогда уже сильно больнаго, письмо, въ которомъ N. N., отъ имени Тургенева, проситъ меня указать переводы на болѣе распространенные языки скандинавскихъ и славянскихъ народныхъ легендъ и пѣсенъ. Я послалъ небольшой синсокъ, но скоро за тѣмъ мнѣ пришлось быть въ Парижѣ. При случаѣ, спрашиваю

---

[1]) Отреченіе это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Въ 1882 г. т. наз. «Исполнительный Комитетъ Народной Воли» въ Петербургѣ поручилъ г-жѣ Засулинъ и г. Лаврову открыть за границей «Красный Крестъ Нар. Воли» для собиранія пособій »въ пользу жертвъ политич. деспотизма русскаго правительства безъ различія партій». Идея дѣла была хороша, но постановка его портила все, такъ какъ «Кр. Кр. Нар. Воли» въ Западной Европѣ являлся явнымъ отдѣленіемъ тайнаго общества въ Россіи, да еще занятаго главнымъ образомъ политическими убійствами. Никакое европейское правительство не могло потерпѣть такого отдѣленія, — и французское правительство сейчасъ же изгнало г. Лаврова, хотя и временно, съ тѣмъ что потомъ, оставивъ «Кр. Крестъ Н. В.», онъ можетъ возвратиться въ Парижъ. «Le Temps» назвалъ въ это время г. Лаврова другомъ Тургенева. Тургеневъ поспѣшилъ напечатать письмо, въ которомъ заявлялъ, что встрѣчался съ г. Лавровымъ еще въ Россіи, въ Обществѣ пособія литераторамъ, а послѣ никакихъ интимныхъ сношеній съ нимъ не имѣлъ.

N. N. — зачѣмъ Тургеневу понадобились тѣ легенды и пѣсни? — и узнаю, что нужны онѣ собственно для одного француза музыканта, близкаго человѣка къ Тургеневу, — какъ источникъ сюжета для ораторіи или для оперы. Смѣясь, я сказалъ, что я имѣю въ мыслях цѣлый сюжетъ для оперы, построенный изъ пѣсенъ украинскихъ и что я его сообщилъ одному пріятелю музыканту-украинцу и знакомому украинскому писателю, но послѣдній изуродовалъ сюжетъ, а первый не написалъ на него оперы, — такъ я радъ былъ бы, еслибъ французы выполнили планъ мой. Меня заставили разсказать этотъ планъ, — и онъ понравился. Стали увѣрять, что онъ понравится и Тургеневу, и рѣшили сообщить ему объ этомъ дѣлѣ. Черезъ нѣсколько времени Тургеневъ пригласилъ меня и двухъ посредниковъ (въ томъ числѣ Нат. Ал. Герценъ) къ себѣ въ Буживаль.

Мы пріѣхали и застали И. С. въ его домикѣ-флигелькѣ въ паркѣ г-жи Віардо. И. С., хотя и одѣтый, лежалъ на кровати. Онъ былъ страшно худъ, отчего впрочемъ его божественные глаза казались еще большими и производили чарующее впечатленіе. Но при худобѣ И. С. былъ и страшно слабъ, говорилъ тихимъ голосомъ и скоро утомлялся отъ разговора. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ обратился ко мнѣ со словами: «что у насъ дѣлается въ Россіи?!» — и сталъ жаловаться на управленіе гр. Дм. А. Толстого. Планъ оперы, который Т—въ меня заставилъ разсказать, ему очень понравился, и онъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ другой разъ, чтобъ сойтись вмѣстѣ съ французомъ-музыкантомъ и окончательно установить этотъ планъ. Но довольно длинный и живой разговоръ утомилъ Тургенева. и мы должны были выйти, а тѣмъ часомъ наступило время для разныхъ медицинскихъ манипуляцій надъ больнымъ, — и мы уѣхали въ Парижъ. На другой или третій день я получилъ вышепечатанное французское письмо, писанное дочерью г-жи Віардо и только подписанное дрожащею рукою И. С., а вслѣдъ за тѣмъ телеграмму. Я опять поѣхалъ въ Буживаль, гдѣ и засталъ музыканта, пріятеля Тургенева. Тема для оперы понравилась и ему. — я обѣщалъ прислать ему изъ Женевы переводы необходимыхъ украинскихъ пѣсенъ, а онъ обѣщалъ взяться за работу. Свиданіе съ И. С. было на этотъ разъ чрезвычайно короткое. Намъ сказали, что у него передъ тѣмъ былъ г. Лавровъ и что И. С. очень утомленъ. Я зналъ

отъ N. N., съ которымъ ѣздилъ въ Буживаль, что Тургеневъ черезъ него просилъ г. Лаврова пріѣхать къ нему, не сердясь за письмо, которое Тургеневъ напечаталъ годъ тому назадъ въ Le Temps. Я совершенно увѣренъ, что Тургеневъ не раздѣлялъ вполнѣ идей г. Лаврова никогда, а особенно въ тогдашній, «народновольческій», ихъ періодъ, но все таки И. С., очевидно, стыдился своего письма въ Le Temps о г. Лавровѣ, такъ какъ долговременное знакомство Тургенева съ г. Лавровымъ было далеко не шапочнымъ.[1]) По дорогѣ въ Парижъ пріятель мой (человѣкъ умѣренно-либеральныхъ мыслей и не эмигрантъ) разсказалъ мнѣ, что разъ, когда онъ сидѣлъ ночью у кровати Тургенева, у котораго болѣзнь было очень обострилась, то слышалъ, какъ Тургеневъ, который часто сводилъ рѣчь на революціонное движеніе въ Россіи, бормоталъ въ забытьи: «а все таки „террористы“ великіе люди».

Было бы слишкомъ поспѣшно выводить отсюда, что Тургеневъ вполнѣ сочувствовалъ тогдашнимъ русскимъ «террористамъ», — но и эта подробность въ связи съ другими, разсказанными нами, а также съ духомъ всѣхъ напечатанныхъ выше писемъ Тургенева, показываетъ несомнѣнно одно, — а именно, что И. С. былъ въ идеяхъ своихъ рѣшительнымъ противникомъ абсолютизма въ Россіи.

Не много времени спустя, я получилъ отъ своего спутника въ поѣздкахъ въ Буживаль телеграмму о смерти Тургенева. Я попросилъ его возложить на гробъ великаго покойника вѣнокъ отъ имени «украинской печати». Сдѣлалъ я это между прочимъ потому, что нѣкоторые украинцы, вспоминая Пигасова, повторяютъ печатно глупости о томъ, будто бъ то Тургеневъ былъ не расположенъ развитію украинской литературы.

М. Драгомановъ

---

[1]) Впрочемъ этотъ вопросъ всего лучше былъ бы разъясненъ напечатаніемъ писемъ Тургенева къ г. Лаврову.

Imprimerie Ukraïnienne. Genève, Chemin Dancet, 15.